Дэвид Эдмондс, Джон Айдиноу

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КОЧЕРГА ВИТГЕНШТЕЙНА

История десятиминутного спора между двумя великими философами

политология **философия** социология антропология

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

Неприкосновенный Запас

David Edmonds,
John Eidinow

WITTGENSTEIN'S POKER

The story of a ten-minute argument
between two great philosophers

Дэвид Эдмондс,
Джон Айдиноу

КОЧЕРГА ВИТГЕНШТЕЙНА

История десятиминутного спора
между двумя великими философами

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2004

УДК 1(436)(092)"19"
ББК 87.3(4Авс)6-8
Э 22

Редактор серии
И. Калинин

Эдмондс Дэвид , Айдиноу Джон
Э 22 **Кочерга Витгенштейна .** История десятиминутного спора между двумя великими философами / Пер. с английского Е. Канищевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 352 с.

Эта книга — увлекательная смесь философии, истории, биографии и детективного расследования. Речь в ней идет о самых разных вещах — это и ассимиляция евреев в Вене эпохи *fin-de-siècle*, и аберрации памяти под воздействием стресса, и живописное изображение Кембриджа, и яркие портреты эксцентричных преподавателей философии, в том числе Бертрана Рассела, игравшего среди них роль третейского судьи. Но в центре книги — судьбы двух философов-титанов, Людвига Витгенштейна и Карла Поппера, надменных, раздражительных и всегда готовых ринуться в бой.

Дэвид Эдмондс и Джон Айдиноу — известные журналисты *BBC*. Дэвид Эдмондс — режиссер-документалист, Джон Айдиноу — писатель, интервьюер и ведущий программ, тоже преимущественно документальных.

УДК 1(436)(092)"19"
ББК 87.3(4Авс)6-8

ISBN-5-86793-332-6

David Edmonds and John Eidinow
Wittgenstein's Poker
© 2001 by Deutsche Verlags-Anstalt GmbH, Stuttgart München
© Е. Канищева. Перевод с английского, 2004
© Новое литературное обозрение, 2004

Посвящается Ханне и Герберту Эдмондс
и Элизабет Айдиноу

Я знаю, что в этом мире случаются странные вещи. Это одна из тех немногих вещей, которые я за свою жизнь узнал наверняка. — *Витгенштейн*

Великие люди совершают великие ошибки. — *Поппер*

1

Кочерга

На историю влияют открытия, которые нам еще предстоит сделать.

Поппер

В пятницу вечером, 25 октября 1946 года, состоялось очередное заседание кембриджского Клуба моральных наук — еженедельного семинара студентов и преподавателей философии. Как обычно, в 20:30 члены Клуба собрались в Кингз-колледже, в корпусе Гиббса — крыло H, комната 3.

В тот вечер выступал приглашенный докладчик из Лондона, доктор Карл Поппер. Название его доклада — «Существуют ли философские проблемы?» — звучало вполне невинно. В числе слушателей был председатель клуба, профессор Людвиг Витгенштейн, которого многие считали величайшим философом того времени. Присутствовал также Бертран Рассел, еще несколько десятилетий назад снискавший громкую славу своими философскими трудами и радикальными политическими взглядами.

Поппер незадолго до этого получил должность преподавателя логики и научного метода в Лондонской школе экономики. Австрийский еврей по происхождению, он приехал в Англию совсем недавно — в годы войны он читал лекции в Новой Зеландии. В Англии только что вышла его книга «Открытое общество и его враги», в которой Поппер беспощадно развенчал идею тоталитаризма, — начатая в день, когда фашистские войска

вошли в Австрию, и законченная, когда исход войны был уже предрешен. У книги мгновенно появились горячие поклонники, в число которых входил и Бертран Рассел.

В первый и последний раз три великих философа — Рассел, Витгенштейн и Поппер — собрались в одном месте в одно время. Однако и по сей день очевидцы и исследователи расходятся во взглядах на события того вечера. Сомнений не вызывает одно: между Поппером и Витгенштейном состоялся яростный спор о фундаментальной природе философии — действительно ли существуют философские проблемы (Поппер) или только головоломки (Витгенштейн). Этот спор тотчас оброс легендами. Ранняя версия событий звучала так: Поппер и Витгенштейн отстаивали свои убеждения, вооружившись раскаленными кочергами. Как позже вспоминал сам Поппер, «поразительно скоро я получил письмо из Новой Зеландии с вопросом: правда ли, что мы с Витгенштейном сцепились и бросились друг на друга с кочергами?»

История этого десятиминутного спора, случившегося 25 октября 1946 года, до сих пор вызывает резкие разногласия. Самый острый вопрос при этом звучит так: верно ли, что опубликованная Карлом Поппером версия событий не соответствует действительности? Иными словами, солгал ли Поппер?

Если Поппер солгал, то не для красного словца. Если Поппер солгал, то это напрямую связано с его амбициями: в философии — нанести поражение модной в двадцатом веке лингвистической философии — и в личном плане — одержать победу над Витгенштейном, этим чародеем, не дававшим ему покоя.

Рассказ о событиях того вечера Поппер изложил в интеллектуальной автобиографии *Unended Quest*, опубликованной в 1974 году. По версии Поппера, он выдвинул тогда ряд «действительно философских проблем». Витгенштейн отверг их все разом. Поппер вспоминает,

что Витгенштейн «нервно поигрывал кочергой», которой, как дирижерской палочкой, акцентировал свои аргументы; а когда дело дошло до вопроса о статусе этики, потребовал, чтобы Поппер привел пример морального принципа. «Я ответил: "Не угрожать приглашенным докладчикам кочергой". В ответ Витгенштейн в ярости отшвырнул кочергу и выбежал из зала, громко хлопнув дверью».

После смерти Поппера в 1994 году составители газетных некрологов раскопали эту историю и пересказали ее слово в слово (включая и неверную дату события — 26 октября вместо 25-го). Потом, года через три, в трудах одного из самых почтенных научных учреждений Англии — Британской академии — были опубликованы воспоминания, воспроизводящие, по сути, ту же версию событий. На голову автора — профессора Джона Уоткинса, преемника Поппера в Лондонской школе экономики — обрушился шквал возмущенных писем, и на страницах лондонского *Times Literary Supplement* завязалась острая полемика. Профессор Питер Гич, участник пресловутого заседания и горячий сторонник Витгенштейна, объявил (причем не в первый раз), что рассказ Поппера — «ложь от первого до последнего слова». В перепалку ввязались и другие очевидцы событий, а также приверженцы обоих протагонистов, и тон писем становился все резче.

В этом конфликте свидетельств наблюдается поистине замечательный парадокс. Все участники спора профессионально занимались вопросами эпистемологии (оснований знания), понимания и истины — и при этом, будучи очевидцами фактов, так и не сумели прийти к согласию в том, что касалось последовательности этих фактов!

История эта завладела воображением многих авторов. Ни одна биография, ни одно философское иссле-

дование, ни один роман, персонажами которых были Витгенштейн или Поппер, не выглядят полными без описаний этого события, зачастую весьма колоритных. В итоге оно приобрело статус легенды — если не городской, то, по меньшей мере, академической «башни из слоновой кости».

Но почему столько копий было сломано из-за спора полувековой давности на какую-то непонятную непосвященным тему в маленькой комнатке, на самом обычном, ничем не примечательном заседании скромного университетского клуба? Однако же воспоминания об этом вечере хранят свежесть даже сейчас, спустя десятилетия — и причиной тому, похоже, не какая-то сложная философская теория или идеологическое противостояние, а всего-навсего обмен колкостями и взмах — или не только взмах? — короткого железного прута.

Что говорит нам этот инцидент — и его последствия — об этих выдающихся личностях — Витгенштейне и Поппере, об их взаимоотношениях и убеждениях? Какую роль в этой истории играет тот факт, что оба родились в эпоху *fin-de-siècle*[1], в Вене, в ассимилированных еврейских семьях, но разделяла их громадная пропасть богатства и влиятельности? И насколько важна, наконец, иная, философская пропасть между ними, которая обнаружилась в тот злополучный вечер?

Витгенштейн и Поппер самым существенным образом повлияли на современный подход к основным вопросам цивилизации, науки и культуры. Оба внесли решающий вклад как в вечные вопросы — о чем мы можем наверняка сказать, что мы это знаем, как нам расширять наши знания и чем при этом руководствоваться, так и в современные — о границах языка и смысла и о том, что

[1] Характерный для конца XIX в. —*Прим. ред.*

лежит за этими границами. Каждый из них считал, что освободил философию от ошибок прошлого и несет ответственность за ее будущее. При этом Поппер видел в Витгенштейне главного врага философии. Однако история с кочергой выходит далеко за рамки личностей и убеждений двух великих антагонистов. Она неотделима от их времени; она открывает окно в беспокойную и трагичную эпоху, которая вылепила их судьбы и свела их в Кембридже. К тому же это еще и история раскола в философии двадцатого века — раскола из-за вопроса о значимости языка, раскола между теми, кто сводил традиционные философские проблемы к языковым головоломкам, и теми, кто полагал, что эти проблемы лежат за пределами языка. И, наконец, эта история — сама по себе лингвистическая загадка: к кому обратился Поппер в той битком набитой комнатке, с какими именно словами, а главное, почему?

Но прежде чем погрузиться в исследование личностей наших героев, в историю и философию тех десяти минут в комнате Н3, давайте сначала обозначим то, что установлено и проверяемо: место действия, свидетелей и их воспоминания.

2

«Вот из чего они, воспоминанья»[1]

> Воспоминание: «Я до сих пор вижу, как мы сидим за этим столом». Но действительно ли у меня сохранился прежний визуальный образ — или я вижу то, что видел тогда? И действительно ли я вижу тот стол и друга с той же точки зрения, что и тогда, и не вижу при этом себя?»
>
> *Витгенштейн*

Корпус Гиббса в Кингз-колледже — массивное здание в строгом классическом стиле из белого портлендского камня. Проект его был разработан в 1723 году Джеймсом Гиббсом. Первоначальный проект Николаса Хоксмура, одного из лучших архитекторов эпохи, оказался слишком дорогостоящим. Хваленая сдержанность внутренней отделки — следствие нехватки денег.

Если смотреть с улицы, с площади Кингз-парад, то аудитория Н3 находится в правой части здания, на втором этаже. Подниматься по пролету не покрытых ковром деревянных ступеней холодно и неуютно — шаги гулким эхом отражаются от голых стен. Двустворчатая дверь ведет прямо в гостиную. Два высоких окна (под окнами — диваны) выходят на строгий и просторный парадный двор колледжа, а слева этот вид замыкает часовня Генриха VI из светлого известняка, идеальный образец «перпендикулярного стиля». В тишине октябрьского вечера чопорную сосредоточенность пейзажа нарушает пение прославленного хора Кингз-колледжа.

Камин — эпицентр ссоры, вспыхнувшей более полувека назад, — обрамлен мрамором; над ним — деревянная

[1] Популярная песня Дина Мартина. — *Примеч. пер.*

резная каминная доска. Маленький, черный, железный камин — скорее из «Дороги на Уиган-пирс», чем из «Возвращения в Брайдсхед». Двери справа от камина ведут в два помещения поменьше, из которых открывается вид на большую лужайку, нисходящую к реке Кем. Теперь обе эти комнаты — учебные аудитории, а тогда одна из них была спальней. В те дни, да и годами позже, обитатели кембриджских колледжей — и студенты, и преподаватели — бегали в халатах через двор в общую ванную.

В 1946 году внешнее великолепие корпуса Гиббса никак не отражалось на состоянии его внутренних помещений. Война закончилась меньше года назад, на окнах все еще было затемнение — напоминание о недавних налетах люфтваффе. Стены были отчаянно грязными, краска на них покрылась сажей и облупилась. В H3 жил преподаватель, Ричард Брейтуэйт, но комната имела такой же жалкий вид, как остальные, — все та же запущенность, пыль и грязь. Обогревались только с помощью каминов, а центральное отопление и ванны появились лишь после необычайно суровой зимы 1947 года, когда замерзла даже вода, скопившаяся в газовых трубах, и обитатели колледжа, накинув халаты поверх костюмов, вынуждены были таскать на себе мешки с углем.

Хотя с докладами в Клубе моральных наук нередко выступали знаменитые философы, на заседания обычно приходило человек пятнадцать или около того; тем примечательнее, что на выступлении доктора Поппера это число удвоилось. Аудитория H3 с трудом вместила всех желающих — студентов, аспирантов, преподавателей. Вслед за Витгенштейном пришли почти все слушатели его вечернего семинара — он проводил эти занятия в собственных более чем скромно обставленных комнатах в верхнем этаже башни Уэвелл-корта, через улицу от огромных ворот Тринити-колледжа, где преподавал.

Семинары эти, проходившие два раза в неделю, оказывали на слушателей гипнотическое воздействие. Пока Витгенштейн обдумывал какой-то вопрос, в воздухе висело напряженное, мучительное молчание; потом, когда мысль наконец обретала форму, следовал мощный напор энергии. Студентам было разрешено приходить на семинары лишь с тем условием, что они будут посещать их не как «туристы». В тот вечер 25 октября аспирант из Индии Канти Шах вел записи. Витгенштейн настойчиво спрашивал, что это значит — говорить с самим собой? «Это меньше, чем просто говорить? Сравнимо ли это с записью 2 + 2 = 4, сделанной на грязной бумаге, с такой же записью 2 + 2 = 4, сделанной на чистой бумаге?» Один студент предложил сравнение со «звонком, который затихает, и человек не знает, действительно ли он слышит звонок, или это ему только кажется». Витгенштейна это не впечатлило.

Тем временем в самом Тринити-колледже, в комнате, которую когда-то занимал сэр Исаак Ньютон, Карл Поппер и Бертран Рассел пили китайский чай с лимоном и печеньем. День был зябким, промозглым, и у них были все основания радоваться новым утеплителям на окнах. О чем они говорили — неизвестно, хотя существует версия, что замышляли заговор против Витгенштейна.

К счастью, занятия философией, судя по всему, способствуют долголетию. Из тридцати человек, бывших на том заседании клуба, на призыв поделиться воспоминаниями откликнулись девять — письмом, телефонным звонком, а чаще всего электронной почтой из разных уголков планеты — из Англии, Франции, Австрии, Соединенных Штатов Америки, Новой Зеландии. Кому-то из них за семьдесят, а кому и за восемьдесят. В их числе — сэр Джон Вайнлотт, бывший судья Высокого суда Великобритании, знаменитый как тем, что на процессах

говорил чрезвычайно тихим голосом, так и резкими отповедями тем, кто просил его говорить громче. Пятеро из девяти — профессоры. Профессор Питер Мунц в свое время приехал в Сент-Джонс из Новой Зеландии, а затем вернулся и стал выдающимся ученым. Его книга *Our Knowledge of the Search for Knowledge* начинается с инцидента с кочергой: по его словам, это было «символичное и, как теперь уже ясно, пророческое» событие, обозначившее водораздел в философии XX века.

Профессор Стивен Тулмин — известнейший философ с чрезвычайно широким кругом научных интересов, вторую половину своей академической карьеры преподававший в университетах США. Он — автор ряда фундаментальных работ, таких, как *The Uses of Argument*, и соавтор вызывающе ревизионистского текста о Витгенштейне, в котором философия последнего помещена в контекст венской культуры и интеллектуального брожения *fin-de-siècle*. В молодости Тулмин был младшим научным сотрудником в Кингз-колледже, но отказался стать ассистентом у Карла Поппера.

Профессор Питер Гич, крупный специалист в области логики и, в числе прочего, ведущий исследователь трудов немецкого логика Готлоба Фреге, преподавал в Бирмингемском университете, а затем в Лидсе. Профессор Майкл Волфф специализировался по викторианской Англии, но извилистые пути академической карьеры завели его в США — в Университет Индианы и Массачусетский университет. Профессор Георг Крайзель, блестящий математик, преподавал в Стэнфорде; Витгенштейн называл его самым способным из философов-математиков, каких ему доводилось встречать. Питер Грей-Лукас переключился с преподавания на бизнес: сначала сталь, потом фотопленка, затем бумага. Стивен Плейстер, женившийся морозной зимой 1947 года, стал

преподавателем античной филологии в приготовительной школе.

Особого упоминания заслуживает Васфи Хайджаб. На момент той судьбоносной встречи он был секретарем Клуба моральных наук. По его словам, эта должность совсем не была престижной, и он даже не помнит, как он ее занял, — возможно, просто в порядке очередности. В обязанности секретаря входило составление программы заседаний на семестр, что он и делал по согласованию с преподавателями. За время своей службы Хайджаб убедил приехать в Кембридж не только Поппера, но и Алфреда Айера — человека, перенесшего идеи логического позитивизма из Вены в Англию. Айер, всегда считавший, что говорить в присутствии Витгенштейна — «тяжкое испытание», все же откликнулся на приглашение Хайджаба и сказал, что с радостью выступит перед членами Клуба, хотя, по его мнению, «кембриджская философия богата техническими приемами, но бедна содержанием». «Отсюда ясно, как много он знал», — замечает Хайджаб.

Кембриджский период жизни Хайджаба многое говорит о Витгенштейне. Хайджаб приехал в Кембридж в 1945 году, получив стипендию, — приехал из Иерусалима, где преподавал математику в средней школе. Он намеревался сменить область деятельности и со временем защитить диссертацию по философии. Через три года он покинул Кембридж, так и не получив докторской степени. Хайджаб совершил роковую ошибку: несмотря на все советы (в числе советчиков, между прочим, был и Ричард Брейтуйэт), он попросил Витгенштейна стать его руководителем. Витгенштейн, ко всеобщему изумлению, согласился.

Хайджаб прекрасно помнит занятия с научным руководителем. Проходили они, когда позволяла погода, на свежем воздухе. Втроем — Хайджаб, Витгенштейн и сту-

дентка Элизабет Энском — они бродили и бродили кругами по идеально ухоженному садику Тринити, поглощенные дискуссией о философии религии. «Если хотите узнать, религиозен ли человек, не спрашивайте его — наблюдайте», — говорил Витгенштейн. В присутствии наставника Хайджаб все больше молчал, скованный ужасом, зато в его отсутствие, бывало, блистал красноречием — беседы с учителем не проходили даром.

Витгенштейн, как вспоминает сейчас Хайджаб, камня на камне не оставил от его интеллектуальной базы, от его веры и способности к абстрактному мышлению. Докторская диссертация была заброшена; уехав из Кембриджа, он на много лет оставил всякую мысль о философии и снова занялся математикой. Витгенштейн был, говорит Хайджаб, «как атомная бомба, как торнадо — людям трудно такое понять».

Тем не менее Хайджаб по сей день хранит верность наставнику, любя его той пылкой любовью, какую только Витгенштейн и умел внушать. «Часто приходится слышать, что вся философия — это лишь примечания к Платону, — говорит Хайджаб, — но тут следовало бы добавить "до Витгенштейна"». И в конечном итоге преданность ученика учителю была вознаграждена. В 1999 году Хайджаб произвел сенсацию в Австрии на конференции, посвященной Витгенштейну. Сначала он нарушил плавный ход собрания, явившись незваным, но затем ему выделили время для двух дополнительных лекций, и его воспоминания об учителе получили высокую оценку в респектабельнейшем *Neue Zürcher Zeitung*. Из Австрии он отправился в Кембридж — вести семинары в архиве Витгенштейна. По словам Хайджаба, ему понадобилось полвека, чтобы оправиться от «передозировки» Витгенштейна, и теперь он хочет наверстать упущенное.

Чтобы в полном объеме восстановить историю конфликта между Витгенштейном и Поппером, необходимо собрать воедино все свидетельства. С чего же и начать, как не с воспоминаний очевидцев?

Попробуем перенестись в тот промозглый октябрьский вечер, в комнату, куда в ожидании доклада доктора Поппера битком набился народ, — и разглядеть в толпе девятерых свидетелей, только совсем еще молодых. Но сначала, конечно же, взгляд остановится на великих. Прямо перед камином мирно курит трубку седовласый Бертран Рассел. Слева от него, лицом к аудитории, Карл Поппер — тихий и на вид неприметный. Какой-то студент-старшекурсник перешептывается с соседом, обращая его внимание на выдающиеся уши Поппера, несоразмерные с его щуплой фигуркой, — будет над чем посмеяться за пинтой пива после семинара. Поппер присматривается к своему оппоненту, о котором так много думал, но никогда раньше не видел: Витгенштейн, председатель Клуба, сидит справа от Рассела. Роста он тоже небольшого, но в нем ощущается напряжение невероятной силы. Он нервно проводит рукой по лбу, дожидаясь момента, когда пора будет открывать собрание, и смотрит на Поппера пронзительными голубыми глазами, с «такими белыми и большими белками, что становится не по себе».

Да, Витгенштейн и Поппер — ради них мы сюда и пришли. Взгляд перебегает на юного аспиранта, Васфи Хайджаба. Он сжимает в руках протоколы Клуба моральных наук, куда позже впишет более чем сдержанную оценку событий вечера: «Заседание было необычайно напряженным».

Именно Хайджаб отправил Попперу аккуратно написанное от руки приглашение и договорился о переносе даты с обычного клубного вторника на пятницу, чтобы гостю было удобно. Как всякий секретарь на его

месте, он чувствовал себя ответственным за своевременное прибытие гостя и нервничал, пока не увидел его во плоти. Крепкое рукопожатие Поппера — первый признак того, что за хрупким телосложением скрыта недюжинная сила личности.

Рядом с Поппером сидит его ближайший кембриджский друг, Питер Мунц. Он пишет диссертацию по истории. Мунц — один из двоих, кому довелось поучиться и у Витгенштейна, и у Поппера: у последнего — в Новой Зеландии в годы войны, а Витгенштейн совсем недавно, всего несколько недель назад, пригласил его, явно талантливого и вдумчивого студента, на свои семинары в Уэвелл-корте. Мунц вспоминает, как обычно читал лекции Поппер: медленно мерил шагами комнату, подбрасывал и ловил кусочек мела, не сбиваясь с размеренного шага, говорил длинными, идеально построенными фразами. И вот он лицом к лицу встречается с Витгенштейном, который вырывает из себя каждое слово с болью, точно занозу, мучительно борется со своей мыслью, обхватывает голову руками, бормочет: «Господи, какой я сегодня идиот!» или вскрикивает: «Черт меня подери! Ну помогите же кто-нибудь!»

А вот Джон Вайнлотт. Ему двадцать три года; лицо его еще хранит следы суровой флотской службы на Дальнем Востоке. Сюда его привел случай, происшедший на войне. Перед призывом на флот он изучал иностранные языки в Лондонском университете. Потом, роясь в книжной лавке в Коломбо (для него это была столица Цейлона, а не Шри-Ланки, как сегодня для нас), он откопал «Логико-философский трактат» Витгенштейна — и был сражен наповал. Как только кончилась война, он перевелся в Кембридж — «сидеть у ног Витгенштейна». Сейчас Вайнлотт мерит приглашенного докладчика — Поппера — своим знаменитым скептическим взглядом, тем самым, который позже будет неизменно приводить в за-

мешательство истцов, ответчиков и барристеров. Сегодняшний семинар в Уэвелл-корте был для него особым интеллектуальным испытанием. Кроме «разговора с собой» они обсуждали гибкость математических правил. «Допустим, — выдвигал гипотезу Витгенштейн, — все вы всегда занимались арифметикой только в этой комнате. И вот вы переходите в соседнюю. Может ли там быть обоснованным утверждение 2 + 2 = 5?» Он развивает эту очевидную нелепость дальше: «Если вы возвращаетесь из соседней комнаты, получив результат 20 x 20 = 600, а я говорю, что это неверно, то не можете ли вы возразить: "Но ведь в соседней комнате это было верно!"?» Вайнлотт до сих пор это вспоминает. Прежде он никогда не встречал такой напряженности и страстности мысли, такого «интеллектуального накала».

Ближе к входу сидит самый яростный сторонник и защитник Витгенштейна — Питер Гич. Он аспирант, но сейчас находится в Кембридже без какого-либо официального *raison d'être*. Зато его жена Элизабет Энском — старшекурсница Ньюнема, женского колледжа в Кембридже, и, как и ее муж, член Клуба моральных наук. Правда, сегодня вечером она сидит с двумя их малышами дома — на Фицуильям-стрит, сразу за Кингз-парад. И муж и жена — близкие друзья Витгенштейна: она станет одним из его литературных душеприказчиков и переводчиков и — сама по себе — выдающимся философом. Витгенштейн нежно называет ее «дружище». Вот описание ее внешности в те годы: «коренастая... в широких брюках и мужском пиджаке». Элизабет и Питер — образцовая академическая чета; оба показали блестящие успехи в том, что в Оксфорде называется *Literae Humaniores* и считается самым сложным курсом, — классические языки, греческая и римская история, древняя и современная философия. Их собственная философия отмечена непоколебимой преданностью католичеству. У Пите-

ра это, возможно, отчасти объясняется непостоянством отца, имевшего привычку без видимых угрызений совести менять вероисповедание по несколько раз в год; у Элизабет — тем, что она обратилась в веру уже взрослым человеком.

Среди ожидающих мы видим и Стивена Тулмина, Питера Грей-Лукаса, Стивена Плейстера и Георга Крайзеля. Все четверо прибыли в Кембридж, исполнив воинский долг. Тулмин, до войны изучавший математику и физику, служил на радиолокационной исследовательской станции. Сейчас ему двадцать четыре. Расставшись с физикой, он посвятил себя философии и учится в аспирантуре, причем его диссертация столь высоко оценена, что ее, не дожидаясь защиты, приняло в печать издательство *Cambridge University Press*. На заседание клуба он примчался из дома, который снимает у Джорджа Эдуарда Мура, бывшего профессора философии (этот летний домик расположен прямо в саду у Мура). Питер Грей-Лукас, талантливый лингвист, бегло говоривший по-немецки, в войну служил в Блетчли-Парк, в том самом сверхсекретном дешифровальном центре, где было разгадано столько стратегических замыслов фашистской Германии. Георг Крайзель, родившийся в Австрии еврей, служил в Адмиралтействе Великобритании; он — один из немногих, кому Витгенштейн не внушает робости и благоговейного трепета. Зато его приводит в восторг нескончаемый поток витгенштейновских афоризмов, особенно тех, что погрубее, вроде «Выше задницы не нагадишь». Это выражение Витгенштейн адресовал философам вроде Поппера, полагающим, что они способны изменить мир. Стивен Плейстер достаточно далек от философии и с Витгенштейном пересекался совсем мало. Однако он по сей день лелеет в памяти один эпизод: однажды на улице он повстречал Витгенштейна и Крайзеля, и потом Крайзель сказал ему,

что Витгенштейну понравилось его лицо. Тут же стоит и Майкл Волфф, выделяясь среди уже успевших повоевать товарищей юностью и свежестью лица: ему всего девятнадцать, в Кембридж он поступил сразу после школы и сейчас выглядит слегка растерянно.

Эти девятеро, как и все остальные в нашей воображаемой компании, одеты большей частью в толстые пиджаки спортивного покроя, серые фланелевые брюки, галстуки — школьные либо полковые; попадаются и жилеты, и пестрые трикотажные пуловеры. На тех, кому не досталось купонов на одежду, видны рудименты военной формы. Кое на ком — замшевые ботинки типа «Я был в пустыне» и кавалерийские вельветовые брюки. Ученики Витгенштейна мгновенно выделяются из толпы подражанием учителю: одеты они подчеркнуто небрежно, воротники рубах распахнуты.

Как и следовало бы ожидать, каждый участник того памятного заседания сохранил о нем собственные воспоминания, несколько отличные от остальных. Кое-кто запомнил совсем мало — слишком уж напряженной была дискуссия, и события разворачивались столь стремительно, что трудно было потом восстановить их последовательность. Однако одну вещь помнят все. Кочергу.

Питер Гич слышит, как Витгенштейн, обращаясь к Попперу, властно произносит: «Возьмем эту кочергу» — и действительно берет в руки кочергу, намереваясь использовать ее в качестве философского примера. Между ними разгорается жаркий спор, но Витгенштейн вовсе не пытается заставить гостя замолчать (хотя именно к такому исходу дискуссии он привык), равно как и гость не утихомиривает его. В конце концов, оспорив одно за другим целый ряд утверждений Поппера, Витгенштейн умолкает. Видимо, в какой-то момент он вставал, потому что Гич помнит, как он возвращается и садится. В руках у Витгенштейна по-прежнему кочерга. Он с из-

можденным видом откидывается на спинку стула и протягивает руку к камину. Кочерга со слабым звоном падает под очаг, на плиточный пол. В этот миг внимание Гича привлекает хозяин комнаты, Ричард Брейтуэйт. Встревоженный маневрами Витгенштейна с кочергой, он едва ли не по-пластунски пробирается сквозь толпу, поднимает кочергу и куда-то ее убирает. Едва ли не сразу после этого Витгенштейн в раздражении вскакивает и без единого слова покидает собрание, грохнув дверью.

Майклу Волффу запомнилась иная картина. Витгенштейн, глядя на огонь, бесцельно крутит кочергу в руках. Кто-то изрекает нечто, рассердившее его. К этому моменту в спор уже вмешался Рассел. Витгенштейн и Рассел стоят друг против друга. «Вы не понимаете меня, Рассел, — говорит Витгенштейн. — Вы всегда меня неправильно понимаете». Он нажимает на «неправильно», а в слове «Рассел» у него явственно слышится рычание. «Вы путаете одно с другим, Витгенштейн, — отвечает Рассел. — Вы всегда все путаете». Голос Рассела звучит резко, пронзительно — совсем не так, как на лекциях.

Питер Мунц видит, как Витгенштейн внезапно выхватывает из огня раскаленную кочергу и ожесточенно размахивает ею перед самым лицом Поппера. Рассел, до тех пор не сказавший ни единого слова, вынимает трубку изо рта и решительно произносит: «Витгенштейн, немедленно положите кочергу!» Голос у него высокий и слегка скрипучий. Витгенштейн подчиняется; затем, после короткой паузы, встает и выходит, с шумом захлопнув дверь.

Питеру Грей-Лукасу видится следующее: Витгенштейн, явно возмущенный неподобающим, с его точки зрения, поведением Поппера, выходит из себя и размахивает кочергой. Витгенштейн ведет себя «в своей обычной манере — гротескно-высокомерной, самонадеянной, резкой и хамоватой. Поэтому потом очень удобно

было говорить, что он "угрожал" Попперу кочергой». Стивен Плейстер тоже видит, как Витгенштейн заносит кочергу над головой, но ему это не кажется ни удивительным, ни вызывающим — по его мнению, с Поппером только так и можно управиться.

С точки зрения Стивена Тулмина, сидящего всего в шести футах от Витгенштейна, вообще не происходит ничего экстраординарного, ничего такого, что можно было бы задним числом назвать «инцидентом». Тулмин внимательно слушает, как Поппер на примерах критикует идею бессмысленности философии. Возникает вопрос о причинно-следственной связи, и тут-то Витгенштейн и берет в руки кочергу, чтобы с ее помощью подчеркнуть значение причинности. И только потом, когда Витгенштейн уже ушел, Поппер излагает свой «принцип кочерги»: не нужно, мол, угрожать кочергой приглашенным докладчикам.

Существует также письменное свидетельство Хайрама Маклендона, американца из Гарварда, который в 1946/1947 учебном году учился в Кембридже у Рассела и тоже был в тот вечер в комнате Н3. Этот вечер произвел на него такое впечатление, что много лет спустя он пишет о нем воспоминания, сверяясь с Расселом. Рассел воспоминания одобряет. В этом витиеватом рассказе наставник Маклендона выступает героем — «колосс, лев рыкающий, розга секущая». Поппер делал свой доклад, пишет Маклендон, чуть ли не «с извинениями за дерзость». Реакция на этот доклад была бурной, аудитория пришла в волнение. Витгенштейн в возбуждении схватил железную кочергу и принялся угрожающе размахивать ею перед гостем, с криками наступая на него. Рассел, до тех пор хранивший молчание, внезапно «с ревом, подобно некоему синайскому богу», ринулся на защиту Поппера; «косматые седые волосы нимбом венчали его фигуру».

Итак, у большинства очевидцев кочерга накрепко запечатлелась в памяти. Но только Джон Вайнлотт запомнил кульминационный момент почти так же , как впоследствии описал его Поппер. Вайнлотт слышит, как Поппер изрекает свой принцип кочерги, и видит, как Витгенштейн (явно раздраженный этой, на его взгляд, непозволительно легкомысленной ремаркой) покидает комнату. О хлопке дверью, правда, не сказано ни слова.

Всем этим версиям противостоит подробное свидетельство Карла Поппера. По его словам, Витгенштейн, желая подчеркнуть весомость своих аргументов, берет в руки кочергу и требует сформулировать моральный принцип, а он, Поппер, в ответ на это требование отвечает: «Не угрожать приглашенным докладчикам кочергой». После этого Витгенштейн отшвыривает кочергу и вылетает из комнаты, оглушительно громыхнув дверью.

Как реагирует профессор Гич на столь разноречивые свидетельства? Он попросту заявляет, что Поппер солгал, — и тем самым демонстрирует глубину страстей, по сей день пробуждаемых этим давним инцидентом. С точки зрения Гича, ключевой вопрос звучит очень просто: правда ли, что Витгенштейн — как утверждает Поппер — вышел из комнаты *после того*, как последний провозгласил принцип кочерги? Гич уверен, что Витгенштейн вышел *раньше* и что он это видел своими глазами.

Профессор Уоткинс, в свою очередь, после скандала в *Times Literary Supplement* усомнился в собственной версии. Он провел дополнительное расследование и написал, что воздержится от окончательного вывода о том, когда именно Витгенштейн покинул заседание Клуба, поскольку это «не самая существенная деталь». Это была рискованная уступка. В конце концов, согласно автобиографии Поппера, именно его шутка вызвала гнев Витгенштейна, — что с точки зрения здравого смысла

невозможно, если Витгенштейн покинул комнату раньше, чем эта шутка прозвучала. Здесь, как на перекрестном допросе, уступить означало дать оппонентам новый повод для презрения и насмешек. «Если Икс сказал: "У Джона и Мэри родился ребенок, а потом они поженились", — злорадствует Гич, — а Игрек, пытаясь вступиться за друга, говорит, что того подвела память и он просто не помнит, что же произошло раньше — свадьба или роды, то много ли проку от такого заступничества?»

Во всем, что касается основных элементов этой истории — последовательности событий, атмосферы заседания, поведения антагонистов, — свидетельства очевидцев явно расходятся. Кочерга то холодная, то раскаленная докрасна. Витгенштейн то в ярости размахивает ею, то использует как указку — или как пример, или как подручное средство. Он то потрясает ею, то подчеркивает с ее помощью свою мысль, то просто рассеянно вертит в руках. Когда он покидает комнату — после пикировки с Расселом или после того, как Поппер изрекает «принцип кочерги»? Спокойно выходит — или выбегает, хлопнув дверью? Рассел слегка повышает голос — или грозно ревет?

Что же все-таки произошло на самом деле? И почему?

3

Чары Витгенштейна

Я встретил Бога. Он прибыл поездом в 5:15.
Джон Мейнард Кейнс

Он очаровывал.
Фаня Паскаль

Честное и беспристрастное сравнение наших антагонистов — задача не из легких. Она осложнена удивительной способностью Витгенштейна очаровывать людей и властно приковывать к себе внимание на целые десятилетия.

Эти чары до сих пор отражаются в блеске глаз и волнении духа его бывших учеников, когда они, вспоминая учителя, признаются, что он по сей день имеет власть над ними. Отчасти очарование Витгенштейна кроется в его загадочных высказываниях, влекущих за собой бесконечные толкования и перетолкования. Отчасти — в сложности его личности, запечатленной в воспоминаниях и комментариях, в «неотразимом сочетании монаха, мистика и механика», как пишет ученый-литератор Терри Иглтон, автор пьесы и романа о Витгенштейне.

Образ Витгенштейна как фигуры религиозной, провидца, почти святого, страдальца за человечество проходит через целый ряд текстов о нем — как документальных, так и художественных. Витгенштейн говорил экономисту Джону Мейнарду Кейнсу, что в двадцатые годы бросил философию и стал учительствовать в деревенской школе в Австрии, потому что боль, причиняемая преподаванием, затмевала собой страдания от занятий философией — как очень горячая грелка, прижатая

к щеке, на время заглушает зубную боль. Эрнест Геллнер, философ и специалист по социальной антропологии, саркастически замечает, что «Витгенштейн удостоился места в философии за свои страдания». В терминах еврейской традиции Витгенштейн — это цадик-отшельник, мудрец пустыни. В одном романе о нем так и сказано: «пустынный мистик, живущий хлебом, дождевой водой и безмолвием».

Но ограничиться этими характеристиками означало бы впасть в серьезное заблуждение. Ведь воспоминания открывают нам и другого Витгенштейна — энергичного, стремительного, властного. И друзья, и враги описывают его в выражениях, далеких от умеренности. Да и количество упоминаний о Витгенштейне в литературно-художественных произведениях отнюдь не философского характера безоговорочно подтверждает, что этот человек и через много лет после смерти владычествует над умами. Чтобы разгадать секрет этого очарования, возможно, стоит посмотреть на Витгенштейна как на представителя литературного мира, которая помещается в дискурс таких авторов, как Пруст, Кафка, Элиот, Беккет, с той же легкостью, что и в рамки философского исследования.

В книге о поэтическом языке XX века «Лестница Витгенштейна» американский критик Марджори Перлофф перечисляет восемь романов и пьес, двенадцать стихотворных сборников, с полдюжины перформансов и произведений экспериментального искусства, посвященных Витгенштейну либо несущих на себе следы его влияния. Отмечая парадоксы судьбы Витгенштейна, она пишет: «Это, вне сомнения, жизнь более чем подходящая для изображения в драматургии и художественной прозе, для мифотворчества. Ибо Витгенштейн является нам как абсолютный изгой модернистской эпохи, как подкинутое эльфами дитя, которое вновь и вновь придумы-

вает себя заново». Иными словами, Витгенштейн таков, каким мы хотим его видеть.

Возможно, Витгенштейн уникален среди философов еще и потому, что его имя с нелегкой руки журналистов стало нарицательным — в значении «харизматический гений». Об одном законодателе моды девяностых было сказано, что он обладает «витгенштейновским гипнотизмом». «Не нужно быть Витгенштейном, чтобы понять...» — говорят сейчас в случаях, когда раньше упоминали Эйнштейна; «Да-а, это вам не Витгенштейн», — вздыхают, желая подчеркнуть чью-то интеллектуальную несостоятельность. Архитектор сэр Колин Сент-Джон Уилсон, черпавший вдохновение в трудах Витгенштейна, которого он никогда не видел, говорит: «Он явно был чародеем, в его отношениях с людьми проявлялась магическая сила».

Отпечаток Витгенштейна лежит на всех, кому доводилось у него учиться. Об этом говорит, например, история, рассказанная Питером Грей-Лукасом, которого мы с вами видели в комнате Н3. Грей-Лукас не был большим поклонником Витгенштейна и считал его «шарлатаном». Но и он не мог отказать Витгенштейну в обаянии:

> «Мимика у него была совершенно бесподобная. Он упустил свое призвание: ему бы следовало быть эстрадным комиком. На своем забавном австрийском наречии он пародировал всевозможные акценты, стили, манеры речи. Он часто говорил о том, что и каким тоном можно сказать, и говорил так, что заслушаешься. Помню, как-то вечером он поднялся со стула и своим странным голосом произнес что-то вроде: «А что бы вы сказали, если бы я сейчас прошел сквозь стену?». Я вцепился в подлокотники, и костяшки моих пальцев побелели. Я и вправду подумал, что он сейчас войдет в стену и крыша рухнет на пол. Он мог заставить тебя вообразить все что

угодно; наверное, отчасти в этом и состояла его чарующая сила».

Отчасти, пожалуй, чары Витгенштейна заключались еще и в особом даре достигать совершенства и высшей степени оригинальности во всем, что вызывало его интерес. В 1910 году, изучая инженерное дело, он изобрел и запатентовал принципиально новый самолетный двигатель, который позже был усовершенствован и в 1943 году успешно прошел испытания. В Первую мировую, солдатом, он собрал целый урожай наград за боевые заслуги. В период между войнами написал новаторский «Словарь для народных школ» и сыграл важную роль в строительстве одного из знаменитейших зданий Европы. Во Вторую мировую войну, работая в медицинской лаборатории, исследующей травматический шок, изобрел прибор, фиксирующий изменения в дыхании в зависимости от изменений кровяного давления. На всем, за что бы ни брался Витгенштейн, оставалась печать его творческого гения.

Жизнь Карла Поппера не оставила следа в поэзии и драматургии. По правде говоря, такое и вообразить-то трудно. Вряд ли можно найти более непохожего на Витгенштейна человека, чем Поппер с его традиционной научной карьерой и совершенно нормальной семейной жизнью. Витгенштейн, куда бы он ни вошел, сразу приковывал к себе всеобщее внимание; появление Поппера могло остаться вообще незамеченным. Брайан Маги — философ, политик и обозреватель, друг и защитник Поппера — вспоминает, как впервые увидел его на одном собрании:

«Докладчик и председатель вошли вместе. И тут я сообразил, что не знаю, кто из них Поппер... Но поскольку один был осанист и внушителен, а другой мал ростом

> и зауряден, я подумал, что Поппер — это, конечно же, первый. Нечего и говорить, что им оказался как раз второй, щуплый и неприметный. Впрочем, неприметным он оставался ровно до тех пор, пока не начинал говорить, — но и тогда внимание привлекал скорее смысл его речи, нежели манера говорить».

Джона Уоткинса, преемника Поппера в Лондонской экономической школе, тоже поражало это несоответствие между кажущейся робостью в повседневной жизни и страстностью публичных выступлений. Вспоминая инцидент с кочергой, Уоткинс писал, что в Поппере было «что-то кошачье, львиное, чутко-выжидательное. Сначала — тщедушный человечек, испуганный или, скорее, встревоженный, точно чующий недоброе. И вдруг в один миг он преображается и бросается в бой». Не исключено, что скованность Поппера была связана с его представлениями о самом себе. Он был не только мал ростом, но еще забавно сложен: коротконогий и широкогрудый. Мало того, еще и «эти огромные, длинные уши. Он очень долго переживал недостатки своей внешности, и у него сложился комплекс неполноценности». К старости уши стали еще больше — он постоянно оттягивал мочки, чтобы лучше слышать. Кое-кто объясняет неуверенность Поппера тем, что его жена Анни была сдержанна в проявлениях чувств, а ему было очень важно ощущать себя любимым.

Наконец, финальный аккорд в сравнении наших антагонистов касается непосредственно их учений. Лаконичные и отточенные восклицания Витгенштейна, подвергающие сомнению всякую мысль, приковывают к себе внимание по сей день — точно пророчества оракула. Огромный вклад Поппера в политику и в наше понимание истории и научного метода — свои работы он писал на простом и внятном английском языке — до

некоторой степени сглажен временем и бесконечным цитированием. Подтверждением антитоталитарных теорий Поппера и его апологии открытого общества стали падение Берлинской стены и крах коммунистических режимов. Но даже этот успех делает его скорее великой фигурой прошлого, нежели властителем умов в настоящем.

Конечно, нашему поколению есть чему поучиться у обоих, — но вот два примера из прессы, показывающие, как соотносятся идеи каждого из них с прошлым и настоящим. В *Spectator*, в последнем номере за XX век, Витгенштейн упоминается в контексте современной культуры ни много ни мало трижды; причем одно из этих упоминаний гласит, что именно философия позднего Витгенштейна вдохновила Майкла Фрейна на создание трагикомического романа «Одержимый», ставшего интеллектуальным бестселлером. Зато авторы статьи в *Financial Times* апеллируют к Попперу, исследуя связи между трагедиями и достижениями минувшего столетия.

Итак, неотразимое очарование Витгенштейна не должно заслонять от нас тот факт, что профессор сэр Карл Поппер, награжденный орденом Кавалеров почета, член Королевского научного общества и член Британской академии, при жизни был почитаем во всем мире как один из самых ярких мыслителей эпохи.

4

Апостолы Витгенштейна

[Поппер] был Сократом нашего времени.
Арни Петерсен

Когда читаешь диалоги Сократа, охватывает чувство: до чего бессмысленная трата времени!

Витгенштейн

Потрясание кочергой, хлопки дверями... да что же это за академическое общество такое, этот Клуб моральных наук?

Протоколы Клуба с 1878 года, хранящиеся в библиотеке Кембриджского университета, показывают, что это был (и есть) клуб, где под руководством выдающихся мыслителей обсуждались сокровенные философские проблемы. Через неделю после истории с кочергой приглашенным докладчиком был оксфордский преподаватель Дж. Л. Остин, ярчайший представитель школы обыденного языка — философского направления, исследующего особенности повседневной речи. Его доклад был посвящен особому языковому феномену: глаголам первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения, само произнесение которых — «Я нарекаю этот корабль *Queen Elizabeth*», «Я беру эту женщину в жены», «Объявляю собрание открытым» — является в то же время действием. Судя по протоколам, в этот период в Клубе обсуждались вероятность галлюцинаций, разрыв между видимостью и реальностью, идея достоверности. В том же году, но раньше, А. Дж. Айер выступал с докладом о природе причинности.

2. Заказ № 2365.

У всякого, кто посещал заседания Клуба, отношение к философии выходило далеко за рамки чувства долга среднего студента. В те времена, как и сейчас, Клуб моральных наук был отнюдь не единственным вариантом времяпрепровождения. Было пиво (правда, слабенькое, да и раздобыть его было куда труднее), были разнообразные диспуты, музыка, издание журналов, споры о политике. А студенческий театр, а река, а спортплощадка, а литературное творчество, в конце концов? После целого дня лекций и семинаров два часа разговоров о глаголах первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения могли показаться заманчивой перспективой лишь самым пылким и усердным. От такой аудитории докладчик вполне мог ожидать суровой критики.

Однако в тридцатые-сороковые это была не единственная причина, по которой в Клуб приходили только самые упорные и самостоятельно мыслящие. Судя по некоторым воспоминаниям, там царил фанатизм, характерный скорее для футбольного матча, чем для интеллектуального сообщества: все дискуссии были отмечены страстной и преданной любовью к Витгенштейну. Философ Гилберт Райл, изредка приходивший в Клуб моральных наук, отмечал: «Преклонение перед Витгенштейном было столь откровенным, что мои упоминания о любом другом философе встречались презрительными ухмылками».

Кое-кто из завсегдатаев Клуба моральных наук это опровергает. Сэр Джон Вайнлотт говорит, что, хотя мнения высказывались самые жесткие и нелицеприятные, дискуссия никогда не выходила за рамки приличий. Георг Крайзель соглашается с ним: спорили ожесточенно, но цивилизованно. И все же выступление в Клубе могло погубить карьеру докладчика, даже если доклад и не сопровождался язвительными насмешками. Так, 12 июня

1940 года, когда немецкие танки прорвали французскую оборону и открыли путь к Парижу и Ла-Маншу, Исаия Берлин отважился приехать из оксфордского Олл-Соулз-колледжа в Клуб моральных наук. Его биограф Майкл Игнатьефф описывает это так:

> «Явились все кембриджские философы — Брейтуэйт, Броуд, Юинг, Мур, Уиздом и шестой человек, невысокий, с красивыми чертами. Он появился в окружении свиты в твидовых пиджаках и рубахах с расстегнутыми воротниками — в точности как у него самого. Это был Людвиг Витгенштейн. Доклад Берлина был посвящен способам познания психического состояния другого человека. После нескольких вводных вопросов Витгенштейн пришел в раздражение и взял власть в свои руки. Берлин вспоминает, что Витгенштейн сказал: "Нет, нет, так об этом не говорят. Позвольте-ка мне. Хватит философии. Дело нужно говорить. Просто дело..."».

Ровно через час Витгенштейн поднялся на ноги, а вслед за ним и его свита. Он через стол протянул Берлину руку: «Очень интересная дискуссия. Спасибо» — и с этими словами вышел. Эта встреча ознаменовала символический, если не реальный, закат активной философской деятельности Берлина.

Неудивительно, что поклонники Витгенштейна громогласно его поддерживали. Как учитель он явно обладал гипнотическим воздействием. Витгенштейн, как и известный своими радикальными взглядами кембриджский преподаватель Ф. Р. Ливис, с которым они в тридцатые годы подолгу гуляли и беседовали, привлекал к себе скорее апостолов, нежели учеников. Как и Левис, они стремились подражать его манерам. Георг Хенрик фон Вригт, преемник Витгенштейна на посту профессора философии, писал: «Он [Витгенштейн] считал, что его влияние как учителя в целом не способствовало раз-

витию самостоятельной мысли у его учеников. Боюсь, что он был прав... Невозможно было учиться у Витгенштейна и не перенять его слова и выражения, не начать копировать его интонацию, мимику и жесты»[1].

Норман Малкольм, один из студентов Витгенштейна, позже преподаватель философии в Корнеллском университете — Витгенштейн дружил с ним и считал его «серьезным и достойным человеком», — приходит к тому же выводу: «Только некоторым из нас удавалось удержаться от копирования его манер, жестов, интонаций и восклицаний»[2]. В числе таковых — рука, прижатая ко лбу, одобрительный выкрик «*Ja!*», напряженно нахмуренные брови. Когда Витгенштейн с кем-то соглашался, он выбрасывал руки вперед, соединив ладони и расставив пальцы, в сторону того, с кем был согласен; несогласие же выражалось тем, что он резко отклонялся от собеседника.

С влиянием Витгенштейна на самого Малкольма связан знаменитый анекдот. Когда в 1949 году Витгенштейн, приехав в гости к Малкольму в Корнелл, пришел к нему на семинар, какой-то студент спросил, кто этот старик в углу — «вылитый Малкольм». Столь глубок был отпечаток Витгенштейна. Через десять лет после его смерти Фаня Паскаль, которая в тридцатые учила Витгенштейна русскому языку и подружилась с ним, узнала его манеры в случайном знакомом, который к тому же не был философом.

А эти рубашки с нарочито небрежно расстегнутой пуговицей! Сэр Джон Вайнлотт вспоминает, что восторженные поклонники Витгенштейна выглядели куда неряшливее предмета своего обожания, который всегда был сама аккуратность: «Когда я впервые увидел его, мне

[1] Цит. по: Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993. С. 25.

[2] Там же. С. 34.

подумалось, что он похож на отставного офицера. На нем была рубашка с распахнутым воротом, твидовый пиджак, серые фланелевые брюки, грубые, но прекрасно вычищенные башмаки. Во всем этом не было и намека на расхлябанность, напротив — видно было, что он придирчиво относится к своему внешнему виду. Его выправка и манера одеваться были безупречны».

В том, с каким поистине религиозным пылом ближайшие ученики Витгенштейна подражали учителю, было нечто комическое. Они спали на узких кроватях, ходили в парусиновых туфлях, овощи носили в авоське, чтобы те дышали, а в воду перед ужином опускали веточку сельдерея. Однако это было не обезьянничанье, не слепое копирование забавных черт. По мере того как студенты Витгенштейна перенимали его «гордое, даже надменное самоотречение», у них менялось отношение к жизни в целом; они учились презирать «прежние невинные радости» как нечто «совершенно тривиальное и недостойное привязанности». По сути, в них было больше витгенштейнианского, чем в самом Витгенштейне, ибо властитель их умов был не таким уж аскетом, каким его часто изображают. Взять хотя бы расхожую историю о том, что он никогда не обедал за столом для профессоров и преподавателей в Тринити-колледже, чтобы не надевать галстук. Теодор Редпат, который учился у Витгенштейна в 1930-е годы, а потом преподавал в Кембридже, вспоминает, как в октябре 1939 года Витгенштейн брал у него взаймы фрак, белый жилет, галстук и крахмальную рубашку перед торжественным обедом для членов совета колледжа. Витгенштейн сказал Редпату «с обычной своей саркастической усмешкой», что зван туда как «*профессор*» (курсив Редпата).

Хотя Витгенштейн прославился тем, что на заседаниях Клуба моральных наук властно поворачивал беседу в

свое русло, порой он не только говорил, но и слушал — и учился. В 1944 году в Клубе выступил Дж. Э. Мур. Задаче, поставленной в его докладе, Витгенштейн придавал первостепенную важность. Он назвал ее «парадоксом Мура» и посвятил ответу на нее все следующее заседание — 25 октября 1945 года, ровно за год до стычки с Поппером. Позже Мур «ответил на ответ» Витгенштейна, озаглавив свой доклад «Р, но я не верю, что Р».

«Парадокс Мура» касался таких предложений, как, например, «Смит вышел из комнаты, но я в это не верю», или «В этой комнате пожар, но я в это не верю». Мур полагал их абсурдными, поскольку они невозможны психологически. Витгенштейна, однако, эти предложения взволновали как раз потому, что они недопустимы логически, хотя и не имеют вида «Смит вышел из комнаты и Смит остался в комнате». Они отрицают логику языка: такое предложение никто не произнесет. Иными словами, как полагал Витгенштейн, предложения могут быть непригодными для употребления, даже если они не противоречат друг другу в строгом смысле — то есть не имеют вида «Р и не-Р». Для Витгенштейна это означало, что понятие недопустимого в языке куда тоньше, чем он полагал ранее, и что оно имеет большее отношение к логике здравого смысла, чем к формальной логике.

Для Мура, как и для прочих светил кембриджской философии, Клуб моральных наук был местом, где проверялись на прочность новые, еще не оперившиеся идеи. В зависимости от результатов обсуждения эти идеи или подправлялись, или вовсе отвергались. С Витгенштейном же дело обстояло так: если обсуждаемая тема вызывала его интерес, он уходил в нее с головой и переставал замечать все, что творилось вокруг. Однажды, когда они с Майклом Волффом шли домой с заседания Клуба, мимо них на огромной скорости пронеслись два американских армейских грузовика, задев край одежды Волф-

фа. «Могли бы ехать и помедленней», — проворчал Волфф. Витгенштейн, совершенно не заметивший опасного происшествия, подумал, что замечание Волффа — метафора, каким-то образом связанная с только что прозвучавшим докладом, и ответил: «Не понимаю, какое отношение это имеет к сути вопроса».

Витгенштейн хотел, чтобы заседания Клуба моральных наук были максимально плодотворными, и не сомневался, что знает, как этого добиться. В 1912 году — через год после того, как он прибыл в университет, чтобы учиться у Рассела, — он навязал Клубу свою волю. По замыслу Витгенштейна, Клубу необходим был председатель, который бы вел обсуждение. На эту роль был избран Дж. Э. Мур — и выполнял ее тридцать два года. Целью Витгенштейна было искоренить позерство и пустые словопрения; в годы работы в Кембридже он всегда старался делать свои доклады как можно более краткими. Он на собственном примере показывал, чего требует от других. В конце 1912 года он в своей комнате выступил с докладом на тему «Что такое философия?». «Доклад, — гласят протоколы Клуба, — длился всего около четырех минут, побив, таким образом, почти на две минуты предыдущий рекорд, установленный мистером Таем. Философия была определена в нем как все первичные предложения, которые в различных науках считаются верными без доказательства. Далее следовало обсуждение этого определения, но в целом оно одобрено не было».

В последующие тридцать пять лет отношения Витгенштейна с Клубом моральных наук, как и все отношения в его жизни, были бурными и непредсказуемыми. В начале 1930-х годов он перестал приходить на заседания — из-за жалоб, что из-за него никому не удается и слова вставить. В 1935 году, узнав, что Рассел собирается выступить на собрании Клуба, Витгенштейн написал

бывшему наставнику, разъясняя свои затруднения. Для него было бы вполне естественно посещать заседания, писал он,

> «...но: а) я бросил ходить в Кл[уб] мор[альных] н[аук] 4 года назад; люди тогда в большей или меньшей степени протестовали против того, что я слишком много говорю. б) На заседании будет Броуд, который, я полагаю, особенно сильно возражает против моего присутствия. С другой стороны, в) если предполагается, что я вообще буду участвовать в дискуссиях, то — по всей вероятности — будет только естественно, если я стану говорить много, т.е. значительную часть времени. г) Но как бы долго я ни говорил, скорее всего, выяснится, что на собрании такого рода невозможно объяснить что бы то ни было».

Когда в 1944 году Мур по состоянию здоровья оставил пост председателя, его сменил Витгенштейн. В течение следующих двух лет он был смещен и снова избран. К этому времени, однако, его отношение к заседаниям Клуба моральных наук изменилось. Атмосфера дискуссий была ему, по словам Нормана Малкольма, «в высшей степени неприятна»:

> «Он ходил туда только из чувства долга, считая, что должен делать все от него зависящее, чтобы дискуссия прошла с максимальной пользой. После того как оканчивалось чтение доклада, Витгенштейн неизменно брал слово первым и лидировал в дискуссии все время, пока находился в зале. Он считал, как он говорил мне, что для Клуба не совсем хорошо, что он играет там слишком большую роль, но, с другой стороны, он не мог бы принимать участие в дискуссии только вполсилы. Он решил уходить с заседаний по истечении полутора-двух часов. Результат был следующий: обсуждение было живым и содержательным, когда присутствовал Витгенштейн, и

сразу же шло на спад и становилось пустым, как только он уходил»[1].

Витгенштейн безраздельно господствовал на заседаниях, и Клуб пытался найти какой-то выход из этого положения. Так, время от времени с поощрения самого Витгенштейна вводилось правило отмечать в расписании звездочкой заседания, на которые «преподаватели не приглашаются». Теоретически предполагалось, что запрет касается всех преподавателей без исключения, но на практике все понимали, что эта мера нацелена лишь на одного человека. Действительно, Витгенштейн подавлял студентов, да и преподаватели жаловались, что его манера перебивать выглядит очень грубо по отношению к приглашенным докладчикам. Но даже когда напротив названия того или иного доклада появлялась звездочка, прочие члены профессорско-преподавательского состава находили способ обойти затруднение — время от времени они появлялись на заседаниях клуба в качестве гостей кого-либо из студентов.

Напротив названия доклада Поппера звездочки не было — в том семестре это правило не действовало. Зато в силе были другие правила, установленные в период председательства Витгенштейна. Он разработал особые предписания для приглашенных докладчиков. В приглашениях оговаривались требования к гостям — «короткий доклад или несколько вступительных замечаний с изложением какой-либо философской головоломки». Эта формулировка отражала как недоверие Витгенштейна к формальным лекциям, так и его представление о границах философского дискурса: не бывает реальных философских проблем — только языковые голово-

[1] Цит. по: Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993. С. 58.

ломки. В приглашении, отправленном Попперу, Васфи Хайджаб воспроизвел витгенштейновскую формулировку слово в слово.

Как вскоре предстояло узнать всем, кому в тот октябрьский вечер удалось втиснуться в комнату Н3, доктор Поппер прочел приглашение очень внимательно.

5

Третий

> Затем появился Рассел, желавший сообщить мне об изменениях в расписании его лекций, и они с Витгенштейном разговорились. Витгенштейн принялся объяснять какое-то свое открытие в области оснований логики — открытие, которое, как я понимаю, он сделал только этим утром, очень важное и очень интересное. Рассел безропотно внимал ему.
>
> *Дэвид Пинсент*

Из кресла-качалки с высокой спинкой, расположенного прямо перед камином, ссору между Поппером и Витгенштейном невозмутимо наблюдал еще один философ — престарелый, почтенный и титулованный. В этой истории он — Третий, кембриджское связующее звено между двумя венцами.

В свои семьдесят четыре он был, бесспорно, куда более известен широкой публике, чем оба наших антагониста. Копна седых волос, острые птичьи черты, неизменная трубка; лорда Бертрана Рассела все узнавали мгновенно, поскольку миллионы людей видели его лицо в газетах и кинохронике, а Витгенштейна и Поппера даже коллеги-философы узнали бы далеко не с первого взгляда. Вне всяких сомнений, Рассел был не менее выдающимся философом, чем эти двое; более того: есть основания предполагать, что именно он в тот день являл собой их подлинную аудиторию. С Поппером он был едва знаком, хотя в свое время протянул ему руку помощи; Витгенштейна же, которому покровительствовал много лет назад, знал довольно близко. Оба были обяза-

ны Расселу; Поппер — в меньшей степени, однако ощущал себя безмерно благодарным, Витгенштейн — в неизмеримо большей, хотя к 1946 году единственным чувством, которое он испытывал по отношению к этому человеку, было плохо скрываемое презрение.

Если и Поппер, и Витгенштейн были в Англии чужаками и не могли открыть рта, не выдав своего австрийского происхождения, то Рассел являл собой воплощение англичанина. Правнук лорда Джона Рассела, либерала, бывшего в XIX веке премьер-министром, Бертран Артур Уильям родился в 1872 году и буквально с младенческих лет был окружен социально-политической элитой викторианской Англии. В дом, где прошло его детство, запросто захаживали сильные мира сего. Однажды после обеда дамы удалились из-за стола, а маленького Бертрана оставили развлекать «великого старца» — английского премьера Уильяма Юварта Гладстона. Гладстон обратился к ребенку только один раз: «Портвейн прекрасный, но почему мне его подали в бокале для кларета?» Немудрено, что взрослый Рассел по-прежнему легко и естественно общался с власть предержащими. Когда ему нужно было о чем-то попросить, на чем-то настоять или что-то отстоять, он просто писал личные письма главам государств. Благоговейный трепет — как в социальном, так и в интеллектуальном отношении — был ему неведом.

В тридцать с небольшим Рассел уже создал себе научную репутацию трудами, открывшими новые горизонты в математике и логике. Кроме того, есть веские основания считать его отцом аналитической философии, ставшей господствующим направлением англо-американской мысли. Этого уже достаточно, чтобы за ним прочно закрепилось место в философском пантеоне. Может быть, сегодня его реже цитируют и меньше превозносят, однако большинство передовых философов наших дней работает в созданных им концептуальных рамках.

Слава Рассела вышла далеко за пределы академической науки. Она зиждется на его политической деятельности и работах на популярные темы, спектр которых ошеломляет — от брака и религии до образования, власти и счастья. На протяжении всей жизни Рассел отличался поразительной плодотворностью, выдавая в год по книге, а то и по две — и популярные брошюры, и увесистые научные тома. Его стиль — легкий, остроумный, дразнящий, даже задиристый и всегда кристально ясный — завоевал ему любовь читателей всего мира, а в 1950 году — и Нобелевскую премию по литературе.

Книги Рассела не раз навлекали на него беду. Всего за два года до эпизода с кочергой он вернулся в Кембридж из Соединенных Штатов после прескверной истории: ему запретили преподавать в Нью-Йоркском университете. Некая католичка при поддержке церковных властей заявила, что его учение способно причинить ее дочери несказанный вред. Адвокат этой женщины, сыпавший в суде цитатами из книг Рассела, в напыщенно-претенциозной манере заклеймил эти труды как «развратные, сластолюбивые, эротоманские, возбуждающие низменные инстинкты, бесстыдные, узколобые, лживые, насквозь безнравственные». Все это было бы смешно, если бы не стоило Расселу работы. Но когда вскоре после этого он опубликовал «Исследование значения и истины», на обложке красовался внушительный список его философских регалий, а внизу, последней строкой — саркастическое дополнение: «По решению суда признан недостойным преподавать философию в Колледже Нью-Йорка».

Рассел был не из тех, кто избегает конфликтов. Ум его всегда был быстрее, острее и гибче, чем у его оппонентов, и он всю жизнь искал повода поспорить. В Первую мировую войну его приговорили к тюремному заключению за статью — он предположил, что американские

войска, размещенные в Англии, со временем будут использованы как штрейкбрехеры, если рабочие начнут бастовать в знак протеста против войны. Тогда Рассел использовал свои связи в высших эшелонах власти, чтобы провести тюремный срок в максимально мягких условиях — отдельная камера, не тюремная пища, сколько угодно книг, — в отличие от тех, кто под его влиянием отказался нести воинскую повинность. Зная, каково им приходилось в тюрьме, Рассел испугался, когда настал его черед. Сам он в заключении вернулся к философским исследованиям, наслаждаясь тишиной и покоем.

Позже, когда ему было уже далеко за восемьдесят, Рассел вновь угодил в тюрьму — на сей раз за политику гражданского неповиновения, к которой призывал в ходе кампании против ядерного оружия (хотя незадолго до описываемой нами встречи 1946 года он выступал за применение этого оружия против Советского Союза — так его беспокоило развитие ядерной программы русских). Он был первым президентом «Кампании за ядерное разоружение» и одним из инициаторов Пагуошского движения, на конференциях которого выдающиеся ученые обсуждали способы достичь мира во всем мире. Уже в преклонном возрасте Рассел более чем резко высказывался против войны во Вьетнаме, приводя в ярость политические верхи и доставляя им немало хлопот.

И все это при том, что он трижды баллотировался на выборах (один раз — ратуя за избирательные права женщин), путешествовал по всему свету, выступал по радио и телевидению, читал лекции, создал и возглавил школу, получил немыслимое количество всевозможных наград, был четырежды женат, имел детей и прославился несколькими бурными романами, которые (к его вящему удовольствию) шокировали светское общество. Между делом он написал в буквальном смысле десятки тысяч

писем, многие из которых обрели вторую жизнь в архивах. Он отвечал едва ли не всем, кто ему писал, неважно, хвалили его в этих письмах или, что бывало нередко, резко критиковали. Довольно типичное послание пришло от некоей миссис Буш, которая только что прочла его автобиографию: «Спасибо. Я уже возблагодарила за это Бога». На что Рассел ответил: «Я очень рад, что вам понравилась моя автобиография, но меня тревожит, что вы благодарите за нее Бога, так как из этого следует, что Он посягнул на мои авторские права». (Рассел ответил и на письмо четырнадцатилетнего школьника; тот просил помочь ему разобраться, как пространство может иметь предел. Рассел посоветовал мальчику — им был один из авторов этой книги — обратиться к неэвклидовой геометрии.)

Рассел был знаком и с Витгенштейном, и с Поппером, и в этом нет ничего удивительного, если учитывать разносторонность его интересов и высокий статус в мире философии. Вопрос в том, какова его роль в происшествии с кочергой. Ответ прост: Рассел активно помогал и Витгенштейну, и Попперу, и весьма вероятно, что, если бы не он, эти двое вообще никогда бы не встретились. Что же касается Витгенштейна, то можно без преувеличения сказать, что знакомство с Расселом изменило его судьбу.

К 1911 году мысли двадцатидвухлетнего Людвига были заняты философией математики. Отец хотел, чтобы сын получил техническое образование, и тот уже провел два года в Берлине и три в Манчестере — изучал аэронавтику, строил экспериментальные аэростаты, наконец, разработал проект реактивного двигателя. Теперь же он ощутил настоятельную потребность обратиться к философии — и после бесед с английскими и немецкими математиками, включая Готлоба Фреге, разыскал прославленного логика с мировым именем, достопочтенного Бертрана Рассела из кембриджского Тринити-колледжа.

Месяца два спустя, проведя в Тринити осенний семестр в качестве слушателя, Витгенштейн потребовал ответа на простой вопрос: полностью ли он безнадежен как философ. Рассела этот вопрос поверг в недоумение. Витгенштейн вернулся в Вену — писать работу, чтобы показать ее Расселу. Работа, по словам Рассела, получилась «очень хорошей, куда лучше, чем у моих английских учеников. Я непременно буду его поддерживать. Похоже, ему предстоят великие свершения».

Летом 1912 года, когда Витгенштейн уже полгода учился в качестве полноправного студента, Рассел окончательно убедился в том, что в интеллектуальном смысле наконец-то обрел наследника. Он видел в Витгенштейне, «пожалуй, идеальный пример гения в традиционном смысле этого слова — пылкий, впечатлительный, мыслящий глубоко, напряженно и властно». Позже он подтвердил это в письме к своей американской наперснице Люси Доннелли: «По сравнению с лавинами его мыслей мои кажутся просто снежками... Он говорит, что каждое утро начинает работу с надеждой и каждый вечер заканчивает в отчаянии. Когда он чего-то не может понять, он приходит в ярость, точно как я».

Вскоре учитель и ученик поменялись ролями: впервые в жизни Рассел ощутил превосходство чьего-то интеллекта над его собственным. В 1916 году, в письме к возлюбленной, известной светской даме леди Оттолин Моррел, он упомянул инцидент трехлетней давности — когда Витгенштейн беспощадно раскритиковал одну из его работ по эпистемологии. Из сбивчивых и невнятных замечаний Витгенштейна Рассел понял мало, однако достаточно, чтобы убедиться в собственной неправоте:

> «Его критика, хотя я и не думаю, что сам он тогда это понимал, стала в моей жизни событием первостепенной важности и повлияла на все, что я делаю с тех пор.

> Я увидел, что он прав и что я уже не могу надеяться снова сделать что-то фундаментальное в философии... Витгенштейн убедил меня, что насущные проблемы логики выше моего понимания».

Вскоре после знакомства с Витгенштейном Рассел писал леди Оттолин: «Я полюбил его и чувствую, что он решит те задачи, для которых я уже стар». А год спустя сказал старшей сестре Людвига, Гермине, которая приехала в Кембридж навестить младшенького: «Мы ожидаем, что следующий большой шаг в философии будет сделан вашим братом».

На раннем этапе отношения Рассела и Витгенштейна были проникнуты взаимным уважением и нежной привязанностью. Рассел был для Витгенштейна якорем спасения, единственным верным прибежищем. Тот часто появлялся у него и молча мерил шагами комнату. «Вы думаете о логике или о своих грехах?» — спросил как-то Рассел. «О том и о другом», — последовал ответ. Порой Витгенштейн приходил в такое неистовство, что Рассел боялся, как бы тот не переломал у него в комнате всю мебель.

Он опасался, что Витгенштейн сорвется или даже наложит на себя руки, — и тревоги эти не были необоснованными. Своему другу Дэвиду Пинсенту, изучавшему математику в Тринити-колледже, Витгенштейн признавался, что подумывает о самоубийстве. Вернувшись в Кембридж в 1913 году после поездки в Норвегию, Витгенштейн заявил Расселу, что, как только сможет, вернется во фьорды и будет жить в полном одиночестве, пока не разрешит все вопросы логики. Рассел попытался разубедить его с помощью все той же логики: заметил, что там будет темно. Витгенштейн не замедлил с ответом: он ненавидит дневной свет.

> «Я сказал, что ему будет одиноко; он ответил, что развращает свой ум, общаясь с умниками. Я сказал, что это безрассудство; он ответил: "Упаси меня Бог от здравомыслия" (и упасет, тут уж никаких сомнений). За август и сентябрь Витгенштейн написал работу по логике, пока еще начерно, но, на мой взгляд, уже ясно, что эта работа ничуть не хуже, а то и лучше того, что делают в логике другие. Но совесть художника не позволяет ему писать, пока он не овладеет предметом в совершенстве, и я убежден, что в феврале он покончит с собой».

Это состояние — на грани самоубийства — было слишком хорошо знакомо Расселу. Безумие было в его роду фамильной болезнью, и он часто чувствовал, что и сам ходит по краю. Леди Оттолин заботливо послала ему рецепт какао, которое, по ее мнению, должно было успокоить взвинченные нервы австрийца и облегчить его депрессию. Рассел поблагодарил ее, но неизвестно, прибегнул ли Витгенштейн к этому рецепту. Если да, то ожидания леди Оттолин не оправдались.

Дружить с Витгенштейном никогда не было легко, однако на Рассела он оказывал особое воздействие — словно перезаряжал батарейки его интеллекта. «Витгенштейн придает смысл моему существованию, потому что больше никто не сможет его понять или сделать так, чтобы его понял мир». К тому же, Рассел поверил, что наконец-то нашел того, кто способен продолжить его дело. Он объявил, что готов вверить этому молодому человеку будущее логики.

Чрезвычайно высокое мнение Рассела о его бывшем студенте сыграло решающую роль в судьбе последнего. В единственной книге по философии, опубликованной Витгенштейном за всю его жизнь, — «Логико-философском трактате», который создавался в окопах Первой мировой, — автор скромно заключил, что им решены все

основные философские проблемы. Звучало это сильно, однако издателей не убеждало, поскольку на тот момент Витгенштейну не было еще и тридцати, и «Трактат» попросту не увидел бы света, если бы не помощь Рассела. Несмотря на обманчивую простоту отдельных предложений «Трактата», работа в целом оставалась непонятной рядовому читателю, да и для специалиста была ненамного яснее. После войны немецкий издатель Вильгельм Оствальд согласился выпустить первый тираж — но лишь при условии, что Рассел напишет введение и объяснит, почему эта работа так важна. И Рассел это сделал, хотя и с некоторыми оговорками.

Контакты Рассела и Витгенштейна возобновились после того, как последний в числе тысяч других австрийских солдат попал в итальянский плен. В 1918—1919 годах Витгенштейн был в лагере для военнопленных; но как только он сообщил Расселу, где находится, тот с помощью Кейнса выхлопотал для него привилегии на переписку. Тогда-то Витгенштейн и отправил Расселу рукопись. Когда Витгенштейна освободили, они встретились и подробно обсудили все до единого положения книги. Несмотря на это, Витгенштейн рассвирепел, прочтя предисловие Рассела, — он почувствовал, что бывший учитель совершенно ничего не понял в его работе. И все же только благодаря «санкции» Рассела «Трактат» в 1921 году был опубликован на немецком, а в 1922 году вышел на английском в переводе Огдена.

К этому времени Витгенштейн ощущал полнейшее умственное истощение. Идеям, изложенным в «Логико-философском трактате», он отдал семь лет жизни и теперь полагал, что его вклад в философию завершен, — из этого лимона, как он выразился, больше ничего не выжать. И лишь много позже, между 1927 и 1929 годами, вновь задумавшись о философии под влиянием бесед с Морицем Шликом, основателем Венского кружка логи-

ческих позитивистов, Витгенштейн решил вернуться в Кембридж. Главную роль в его возвращении сыграли опять-таки Рассел и Кейнс.

Даже за эти шесть лет, в определенном смысле потерянные для философии (начиная с 1920 года), когда Витгенштейн был то школьным учителем, то монастырским садовником, то архитектором, он все же не терял связи с Расселом и еще кое с кем из кембриджского круга. Блестящий юный математик Фрэнк Рамсей — тогда ему было всего девятнадцать — навестил его в горной деревушке Траттенбах в Нижней Австрии и по приезде назад поведал Расселу об умонастроениях и аскетическом образе жизни Витгенштейна. А с Расселом Витгенштейн еще и переписывался. Судя по одному из писем, Рассел скептически воспринимал настойчивые уверения Витгенштейна в том, что жители Траттенбаха, где он преподавал, люди донельзя никчемные.

Когда в 1929 году Витгенштейн вернулся в Кембридж, Рассел снова оказал ему огромную помощь — по меньшей мере, вначале. «Логико-философский трактат» был представлен к защите в качестве докторской диссертации. Экзаменаторами на этом мероприятии, которое с чистой совестью можно назвать пародией на защиту, выступили Рассел и Дж. Э. Мур, которого Витгенштейн хорошо знал по своему первому кембриджскому периоду. Вместо вопросов по теме диссертации трое давних знакомцев дружески поболтали, а потом Рассел обратился к Муру: «Ну давайте, спрашивайте его о чем-нибудь — вы же профессор!» Последовал довольно невнятный диалог, в конце которого Витгенштейн встал, похлопал каждого из экзаменаторов по плечу и сказал: «Да вы не волнуйтесь, я знаю, что вы никогда этого не поймете». Когда истек первый год работы доктора Витгенштейна, оплачивавшийся грантом от Тринити, Рассела попросили отчитаться о деятельности

его протеже; результатом этого отчета стала исследовательская стипендия.

Кем только Рассел ни был для Витгенштейна — наставником, спонсором, психотерапевтом, поставщиком рецептов целебных горячих напитков; и все это он делал с радостью. Однако к 1946 году отношения между ними были давно и безнадежно испорчены. В 1911—1913 годах они, бывало, ночи напролет увлеченно спорили, теперь же между ними было ледяное отчуждение — из-за непримиримых, как полагал Витгенштейн, личных расхождений.

Витгенштейн считал подход Рассела к философии слишком механистичным, а к людям — слишком поверхностным. Но чего Витгенштейн по-настоящему не мог терпеть, так это расселовской легкомысленности. Витгенштейн попросту не мог отдаваться какому бы то ни было делу наполовину. Рассел же, будучи человеком в высшей степени принципиальным и, в отличие от Витгенштейна, готовым публично отстаивать свои принципы, не отличался безупречной нравственностью. Он был склонен к компромиссам: тут слегка приврет, там чуть-чуть преувеличит, при надобности кому-то польстит, а к кому-то и подольстится. Все эти ничтожные отклонения от пути истинного были для него средствами достижения целей — и оправдывались этими целями.

Примерами тому, считал Витгенштейн, были популярные книжки ради денег — Рассел пек их как блины, Витгенштейну же это занятие было глубоко противно. В особенности же ему претил воинствующий атеизм Рассела и проповедь его более чем свободных взглядов на семью и секс. Об этом Витгенштейн высказывался так: «Если человек говорит мне, что побывал в худшем из мест, я не вправе его судить; но если он заявляет, что его привела туда высшая мудрость, — я знаю, что передо мной мошенник».

Действительно, в морализаторстве Рассела было нечто забавное, если учесть, как слабо он ориентировался в эмоциональной сфере и какими удручающими были его отношения с близкими, обвинявшими его в холодности, бессердечии и жестокости к ним. Решив во время велосипедной прогулки, что он больше не любит свою первую жену Элис, Рассел, едва вернувшись домой, не замедлил сообщить ей об этом. Они развелись, но она всю жизнь по-прежнему любила его. Внучка Рассела утверждала, что он спал со своей невесткой, из-за чего и распался брак его сына Джона. Его обвиняли в том, что он довел Джона до сумасшествия, а двух жен — до попыток самоубийства.

Английские приличия были чужды Витгенштейну, и он высказывал в лицо Расселу, что о нем думает, в том числе и свое низкое мнение о философских работах последнего, написанных после Первой мировой. В этом смысле показательно письмо, написанное им в лагере для военнопленных в 1919 году. Витгенштейн тогда только что прочел последнюю книгу Рассела, «Введение в математическую философию» (*Introduction to Mathematical Philosophy*); будущее «Трактата» было еще весьма туманным. «Унизительно, — писал он, — томить законченную работу в плену и при этом видеть, как явная чушь гуляет на свободе».

Но как бы ни относился Витгенштейн к этому человеку, очевидно, что к 1946 году Рассел был фигурой мирового масштаба: культовая личность, мудрец, чьим откровениям жадно внимала многочисленная аудитория. Годом раньше в свет вышел его фундаментальный девятисотстраничный труд «История западной философии» — единственный удачный итог лет, проведенных в Америке во время Второй мировой войны. Альберт Эйнштейн писал об этой работе: «Я считаю большой удачей, что в

нашем скучном и жестоком поколении есть такой человек — мудрый, благородный, отважный и веселый». На удивление, книга стала бестселлером, избавившим Рассела от финансовых невзгод. Судя по письму из его американского издательства *Simon & Schuster* от 30 сентября 1946 года, к тому моменту было продано около сорока тысяч экземпляров.

Но, несмотря на столь широкую популярность, Рассел ощущал, что в более узких академических кругах, где он все еще играл значительную роль (и весьма ее ценил), его слава клонится к закату. Идеи Витгенштейна набрали силу, и его школа, превосходство которой было очевидно, вытеснила на обочину философские труды Рассела. Как выразился сам этот патриарх от философии, «не слишком-то приятно обнаружить, что ты вышел из моды, в которой некогда задавал тон». Неизвестно, насколько Рассел ориентировался в поздних работах Витгенштейна. В 1946 году Стивен Тулмин случайно услышал, как он спрашивает Ричарда Брейтуэйта, чем занимался Витгенштейн после «Трактата».

Но в моде или не в моде, а на студентов Рассел по-прежнему производил впечатление. Может, он и казался им обломком прошлого — но обломком великим, этаким Акрополем ушедшей философской эпохи. Его учение в ту пору определялось идеями, которым предстояло вылиться в книгу «Человеческое познание: его сфера и границы». Прием, оказанный ей критиками, был неоднозначным. Но на лекциях Рассела яблоку было негде упасть — приходилось открывать второй зал и устанавливать динамики. В Клубе моральных наук, где явно не хватало блеска и остроумия, лекции Рассела были освежающим блюдом, густо приправленным шутками и приперченным анекдотами. Он обожал выступать перед студентами — толпа поджидала его у высоких ворот Тринити-колледжа, а потом напролом топала

по лужайкам, ходить по которым было запрещено, жадно внимая его разглагольствованиям.

Как и большинство людей, лично знавших Витгенштейна, Рассел тоже на какое-то время подпал под его обаяние, ошеломленный его внутренней мощью. Однако с годами чары рассеялись, краски поблекли, и Рассел вспоминал о Витгенштейне как о человеке всего-навсего «своеобразном». «Сомневаюсь, что его ученики понимали, что он был за человек», — говорил он. В старости он обвинял Витгенштейна в «обесценивании» философии и говорил, что тот «предал» собственное величие. В некрологе по Витгенштейну, опубликованном в *Mind*, Рассел писал: «Знакомство с Витгенштейном стало одним из самых захватывающих приключений в моей жизни». Однако этот текст заканчивается упоминанием «Логико-философского трактата». О других, более поздних работах Витгенштейна, равно как и о последующих трех десятилетиях их знакомства, Рассел предпочел умолчать.

Витгенштейн, со своей стороны, к 1946 году полагал, что Рассел уже не способен на что-то выдающееся в философии. После очередного заседания Клуба моральных наук, спустя несколько недель после появления там Поппера, Витгенштейн послал Муру письмо, где были такие строки: «К сожалению, там был Рассел — неприятный донельзя. Говорлив и поверхностен, хотя, как всегда, хватает все на лету». Вероятно, это был последний эпизод их общения: американскому философу Боувсма Витгенштейн говорил, что они с Расселом «встречались, но не разговаривали».

И все же в нем навсегда сохранилось сдержанное почтение к Расселу, основанное на воспоминаниях о первых годах в Кембридже и общем интересе к логике. В 1937 году Витгенштейн писал в дневнике: «В ходе наших бесед Рассел то и дело восклицал: “Логика — это ад!”

И это *очень точно* отражает чувство, которое мы тогда испытывали, думая о проблемах логики, то есть об их огромной сложности, неподатливой и *ускользающей* ткани».

Говорят, что Витгенштейн относился к Расселу с большим уважением, чем к кому бы то ни было. Себе он позволял публично порицать Рассела и критиковать его за глаза, но тех его приверженцев, которые осмеливались следовать его примеру, неизменно ждал самый суровый выговор.

Если Рассел, — который в тот вечер поначалу хранил молчание, а пик его славы к тому времени давно миновал, — воспринимал Витгенштейна в свете их долгих и сложных взаимоотношений, то в лице Поппера он видел перед собой человека едва знакомого, но настойчиво стремившегося стать к нему ближе.

До тех пор Рассел и Поппер не очень хорошо знали друг друга, но отношения между ними были доброжелательными. И немудрено. Во-первых, из-за большой разницы в возрасте — в тридцать лет — о какой-то профессиональной зависти не было и речи. Первая книга Рассела, о немецкой социал-демократии, вышла за шесть лет до рождения Поппера! Во-вторых, Рассел в некотором, весьма условном смысле содействовал карьере Поппера. Их первая краткая встреча произошла в 1935 году на философской конференции во Франции, вторая — в 1936-м, в Англии, на собрании Аристотелевского общества. После этого, когда молодой Поппер отчаянно искал постоянную работу, чтобы уехать из Вены, Рассел снабдил его рекомендательным письмом. Расплывчатые и шаблонные формулировки этого письма позволяют предположить, что Рассел был плохо знаком с работами Поппера: «Доктор Карл Поппер — человек больших способностей, и для любого университета

было бы честью числить его в рядах своих сотрудников». Далее говорилось: «Зная, что он претендует на должность в колледже Кентерберийского университета (Крайстчерч, Новая Зеландия), я без малейших сомнений и от всей души даю ему свою рекомендацию». Судя по формальному слогу, писал ее Рассел наспех и не вникая в обстоятельства — стандартная отписка человека, привыкшего к просьбам о рекомендации.

Рассел получил от Поппера экземпляры книг «Логика научного открытия» и «Открытое общество и его враги». Читал ли он первую из них, остается под вопросом — хотя бы потому, что страницы экземпляра, хранившегося в его библиотеке, остались практически неразрезанными. Когда же Поппер попросил его отрекомендовать «Открытое общество и его враги» американским издателям «Истории западной философии», Рассел в ответном письме в июле 1946 года попросил еще один экземпляр, объяснив, что ему необходимо перечитать книгу, а собственная его библиотека недоступна из-за переезда.

Поппер действительно прислал еще один экземпляр — и Рассел, на сей раз уделивший книге должное внимание, был поражен. В том же месяце, читая в аудитории Н3 лекцию «Философия и политика», он объявил, что «в недавней книге доктора К.Р. Поппера блестяще проведено» наступление на политическую философию Платона. А в 1960 году Рассел посоветовал одному студенту отправиться в Лондонскую школу экономики, а не в Кембридж, потому что в Лондоне философия «живая и энергичная».

Сказать, что Поппер платил ему той же монетой, — значит ничего не сказать. Поппер считал Рассела самым блестящим философом со времен Иммануила Канта, а «Историю западной философии» — лучшим из всех исследований на эту тему. В выступлении по Австрийскому радио в январе 1947 года он говорил о ней в терми-

нах, которые не уроженцу Вены показались бы излишне восторженными. Поппер восхвалял Рассела, называя его единственным великим философом современной эпохи и самым великим логиком со времен Аристотеля. Это великая книга, восклицал Поппер, именно потому, что автор ее — великий человек. «На грани культа» — так охарактеризовал отношение Поппера к Расселу Питер Мунц.

Особенно восхищал Поппера простой и изящный слог Рассела. Начав писать по-английски, он сознательно пытался подражать стилю своего кумира. При этом — возможно, это был камешек в огород Витгенштейна — Поппер уничтожающе отзывался о велеречивом «немецком» стиле: «каждый интеллектуал желает показать, что он владеет главными тайнами мира». Рассел же никогда не писал претенциозно или туманно — по крайней мере, никогда не делал этого намеренно. Именно поэтому Поппер говорил о нем: «...наш великий мастер. С ним можно не соглашаться, но не восхищаться им невозможно. Он всегда изъясняется ясно, просто и убедительно».

Поппер благоговел и перед невероятной работоспособностью Рассела, приобретал и читал все его книги. Бывают писатели и художники, писал он много лет спустя, способные создать шедевр без всяких предварительных усилий, — они достигают совершенства мгновенно. «Среди философов гением такого рода был Бертран Рассел. Он писал на прекраснейшем английском, и в его рукописях на каждые три, а то и четыре страницы встречается всего одно исправление».

В 1959 году Поппер попросил у Рассела разрешения посвятить ему книгу — и получил его. Однако этой работе, которую он собирался назвать «Постскриптум: двадцать лет спустя», предстояло увидеть свет лишь через много лет. В конце концов она вышла под названи-

ем «Постскриптум к "Логике научного открытия"», в трех частях, и к тому времени Поппер вполне мог и забыть о своей просьбе: никакого посвящения в книге нет. Но задумано оно было таким:

> Бертрану Расселу,
> чьи ясность изложения,
> чувство меры
> и преданность истине
> стали недосягаемым идеалом
> философского труда

В пятидесятые-шестидесятые годы Рассел и Поппер лишь изредка обменивались письмами. Преклонение Поппера перед Расселом отнюдь не помешало последнему отказаться писать рецензию на том «Современной английской философии», одним из авторов которого был Поппер. В послании Поппера сквозят интонации обиженного ученика, который пытается пререкаться с учителем; ответ Рассела звучит добродушно-примирительно: «Мне и в голову не пришло, что вы могли усмотреть в моем отказе хоть что-то оскорбительное для вас лично».

Но каковы бы ни были надежды Поппера, сблизиться с Расселом ему так и не удалось. И если Поппер думал, что спор с Витгенштейном в комнате Н3 поможет ему вызвать у Рассела ответное восхищение, то эти надежды не оправдались. Работы Поппера испещрены ссылками на Рассела; в автобиографии Рассела Поппер не удостоился ни единого упоминания.

6

Преподаватели

От Витгенштейна веяло свободой.
Стивен Тулмин

Список зрителей, которым довелось увидеть сцену в комнате Н3, еще не полон. Да, с одной стороны, там были студенты, в большинстве своем — восторженные поклонники Витгенштейна, которые ходили, говорили, одевались и вели себя как симулякры своего кумира. Но с другой стороны, там были и преподаватели, и все они, за исключением Джона Уиздома, испытывали к Витгенштейну неприязнь, личную или профессиональную. Существование философских проблем было основой их научной жизни, *sine qua non* их карьеры. Они преподавали философию самым традиционным способом: Декарт и Кант, этика и эпистемология, философская логика и философия разума. И в тот вечер их симпатии были на стороне гостя, также родом из Вены — доктора Поппера.

Если не говорить о Витгенштейне, то к 1946 году расцвет кембриджской философии миновал. Слава ее столпов, Бертрана Рассела и Дж. Мура, клонилась к закату. Правда, в случае Рассела этот закат напоминал скорее северные летние сумерки в период белых ночей: ему было за шестьдесят, но впереди оставалась еще четверть жизни. Но так или иначе, главное в философии им уже было сделано. То же можно сказать и о Муре, современнике Рассела, человеке, служившем воплощением интел-

лектуальной и культурной элиты Кембриджа накануне Первой мировой, — того самого Кембриджа, который Витгенштейн взял штурмом.

Теперь Мур был на пенсии; Дороти, его жена, ограждала супруга от назойливых посетителей. Время от времени он появлялся на заседаниях Клуба моральных наук, но в тот вечер его не было. И Поппер, и Витгенштейн наверняка были бы рады его присутствию — что, впрочем, говорит скорее о Муре как о человеке, нежели как о философе. Он был застенчив, чуток и предупредителен, терпим, отличался простодушной преданностью и непоколебимой честностью; все это, вместе взятое, производило впечатление «какой-то необыкновенной чистоты», как выразился Рассел. Он однажды спросил Мура, доводилось ли тому когда-нибудь лгать. «Да», — ответил Мур, и это был, по мнению Рассела, единственный раз, когда Мур сказал неправду.

Поппер не впервые встречался с большинством кембриджских преподавателей — в том числе и с Муром, который в 1936 году приглашал его прочесть краткий курс лекций, а позже дал ему рекомендацию, когда речь шла о должности в Новой Зеландии. Витгенштейна с Муром связывали куда более долгие и близкие отношения. Через три недели после приснопамятной встречи, собираясь выступить в Клубе моральных наук с откликом на доклад Поппера, Витгенштейн отправил Муру письмо — для него было бы большой честью, писал он, если бы Мур составил ему компанию. Однако нет свидетельств, что Мур принял это приглашение. Миссис Мур старалась ограничить контакты мужа с Витгенштейном, после которых Мур часто чувствовал себя изможденным.

Витгенштейн и Мур впервые встретились в 1912 году. История их знакомства позволяет живо и ярко представить и самого Витгенштейна, и его отношения с Кембриджем. Мур, уже знаменитый ученый, был мгновенно

очарован молодым австрийцем — единственным студентом, на лице которого во время его лекций отражалась упорная работа мысли. Позже он писал: «Вскоре я почувствовал, что как философ он гораздо умнее меня, и не только умнее, но и глубже, что он гораздо лучше меня видит действительно важные, наиболее достойные исследования задачи, и к тому же находит наилучшие способы такого исследования».

И действительно, равновесие сил между ними вскоре нарушилось. В 1912 году Мур выехал из своих комнат на верхнем этаже Уэвелл-корта, уступая место Витгенштейну — не только в буквальном, но и в символическом смысле. Показателем того, насколько сильно качнулась чаша весов, может служить поездка Мура в Норвегию в 1914 году. Предпринял он ее неохотно, исключительно по настоянию Витгенштейна, и всю дорогу страдал от морской болезни. Витгенштейн тогда отправился в добровольную ссылку в деревушку к северу от Бергена, где вел уединенную жизнь, много гуляя и размышляя о логике. Преподаватель, едва обосновавшись, принялся под диктовку записывать мысли студента — это было его основное занятие. А Витгенштейн затем правил эти записи и приходил в «невероятную ярость», когда Мур чего-то не понимал.

Вернувшись в Кембридж, Мур принялся по поручению Витгенштейна выяснять у университетского руководства, может ли работа Витгенштейна о логике служить основанием для присвоения ему степени бакалавра гуманитарных наук. Оказалось, что не может: работа не была подана в соответствии с правилами, в ней отсутствовали ссылки, введение и прочие формальности. Мур передал эту новость в Норвегию — и в ответ получил письмо, столь жесткое и грубое, что отношения между ними были прерваны. Послание гласило: «Если я недостоин того, чтобы для меня сделали исключение *даже в каких-*

то ИДИОТСКИХ *мелочах*, тогда мне остается только идти прямо К ЧЕРТУ; если же я этого *достоин*, а вы не хотите этого для меня сделать, тогда — Бога ради — отправляйтесь туда *вы*!» Мур был огорчен и потрясен до глубины души: он-то искренне пытался помочь! Это письмо еще много месяцев не выходило у него из головы. Они не разговаривали очень долго, до тех пор, пока случайно не оказались в одном поезде, едущем из Лондона, — это было в 1929 году, когда Витгенштейн возвращался в Кембридж; после этой встречи между ними вновь установилось некое подобие дружбы.

До знакомства с Витгенштейном Рассел полагал, что Мур вполне соответствует его идеалу гения. Витгенштейн же никогда не был высокого мнения об интеллектуальных способностях Мура — по его мнению, Мур был живым примером того, каких высот можно достичь, «совершенно не имея ума». На самом же деле Мура наряду с Расселом почитали во всем мире как первооткрывателя аналитического подхода. Современные студенты философских факультетов привыкли к тому, что преподаватель в ответ на их бессвязные речи спрашивает: «Что именно вы хотите сказать?» Между тем патент на этот вопрос по праву должен принадлежать Муру: это был его конек, его девиз, и не было дня, когда бы он не звучал. Мур всегда настаивал на точности.

Широта его интересов впечатляла. Мур внес весомый вклад в обсуждение проблем реализма и идеализма, достоверности и скептицизма, языка и логики. Известный поборник здравого смысла, он однажды заявил — и это вошло в легенду, — что может доказать существование внешнего мира, просто вытянув руки и сказав: «Это одна рука, а это другая рука». Однако наибольшую славу ему принесла книга о морали — *Principia Ethica*. Она вышла в 1903 году и мгновенно приобрела популярность, а для Блумсберийского кружка вообще стала священным тек-

стом — правда, таким, который чаще перелистывают, нежели изучают. Вирджиния Вулф в одном из своих писем спрашивала: «Вы читали книгу, которая сделала всех нас такими мудрыми и добрыми, — *"Principia Ethica"*?»

В *Principia Ethica* Мур утверждает, что понятие «добро» в этике, по существу, не поддается определению — как, например, понятие «желтый». «Добро — это добро, — писал он, — и все тут». Попытки выразить понятие добра другими способами он заклеймил как «натуралистическую ошибку» — наподобие той, которую, по словам философа XVIII века Дэвида Юма, мы совершаем всякий раз, когда пытаемся вывести «должное» из «сущего», то есть ценность из факта. С точки зрения логики невозможно перейти от описания состояния дел («Люди в Бурунди голодают») к моральному суждению («Мы должны послать им еду»): второе не следует из первого *логически.*

Откуда же тогда мы узнаем, как следует поступать? Мур полагал, что мы постигаем добро интуитивно, что интуиция — это моральное око разума. Мы воспринимаем добро так же, как воспринимаем желтый цвет. Вместо родителей, учителей, государства, Библии высшим нравственным авторитетом становится совесть. Блумсберийский кружок углядел в этой мысли Мура «зеленый свет» экспериментам и сексуальной свободе — или, как сказали бы не-блумсберийцы, распущенности и вседозволенности.

Но трудно представить, чтобы преподаватели моральных наук образца 1946 года воплотили эту идею свободы в собственной жизни или стали по-отечески внушать ее своим питомцам. «Скука смертная», — лаконично выразился о них Майкл Волфф. Эти в высшей степени порядочные и добросовестные, пусть и не хватавшие звезд с неба преподаватели служили, однако же,

важной цели. В те времена говорили: «Стоит студенту попасть к Витгенштейну — и на других преподавателей у него не остается времени». К этому следовало бы добавить пояснение: студенты «не обязательно выходили от Витгенштейна, чему-то научившись». Да, для фейерверка мысли, для высокого интеллектуального накала Уэвеллкорт был самым подходящим местом. Но сдавать экзамены студенты ходили к тем самым «скучным» преподавателям.

В отличие от Оксфорда, в Кембридже 1940-х годов было мало профессоров философии. В Оксфорде к тому времени ввели новый курс — «политика, философия и экономика»; он быстро набирал популярность, и каждый колледж обзавелся преподавателем философии, а самые большие и богатые колледжи даже двумя-тремя. При этом на весь Кембридж таковых было с полдюжины. Соответственно и философский центр тяжести сместился в сторону Оксфорда. В Англии набирала силу витгенштейнианская школа, и после Второй мировой войны ее сердцем стал Оксфорд. А в Кембридже, хотя некоторые преподаватели признавали влияние Витгенштейна и даже выражали благодарность ему в книгах и статьях, его идеи практически не отразились на их методах преподавания.

Основных преподавателей философии было четверо: Ч. Д. Броуд, Р. Б. Брейтуэйт, Дж. Уиздом и А. С. Юинг. Все они, кроме Броуда, присутствовали в тот вечер в Н3. Если Витгенштейн делил свою жизнь между Кембриджем, Веной и Норвегией, то его коллеги все время проводили в университете. У них не было преданных учеников, и вряд ли они слишком заботились о том, чтобы ими обзавестись. Нельзя сказать, чтобы они оставили свой след в Кембридже или в философии, — но такова участь большинства университетских преподавателей. Внешне они служили образцом безупречных манер ан-

глийских джентльменов и были бесконечно далеки от шумной венской экспрессивности, присущей как Витгенштейну, так и Попперу. Они высоко ценили толерантность и считали, что в дискуссии необходимо умение посмотреть на вещи с точки зрения оппонента. Говорили они вежливо, неторопливо, размеренно (хотя, с точки зрения многих студентов, выглядели при этом смешно и глупо), почти никогда не сердились и не повышали голос. Наблюдая накал страстей в Н3, они наверняка чувствовали себя неуютно и тревожно.

Ричард Беван Брейтуэйт, обитатель комнаты Н3, сыграл, по воспоминаниям Питера Гича, эпизодическую роль в этом спектакле — ползком пробрался к кочерге и убрал ее с глаз долой. Брейтуэйт был знаком с обоими героями. С Поппером он впервые встретился в Лондоне в 1936 году, и после этого Поппер указал Брейтуэйта в числе поручителей, подавая заявку на грант Совета поддержки ученых — английского общества, оказывавшего финансовую помощь ученым-беженцам. Этот эпизод стал началом дружеских отношений длиною в жизнь, хотя дружба эта всегда была сдержанной, на почтительном расстоянии. В следующий раз — через несколько месяцев после того, как Поппер в начале 1946 года вернулся из Новой Зеландии, — они встретились на севере Англии, на совместной конференции Аристотелевского общества и ассоциации *Mind*; Брейтуйэт открывал заседание, а Поппер выступал с докладом о статусе правил логики. В Кембридже Поппер общался в основном с Брейтуэйтом — именно он рассказал гостю о расписании поездов из Лондона, пригласил пообедать за профессорским столом в Кингз-колледже и проявил радушие, предложив расположиться на ночлег у него дома.

Брейтуэйт родился в 1900 году, в 1924-м был избран в совет Кингз-колледжа и даже сочтен достойным при-

глашения в тайное братство «Апостолы» — кембриджский клуб для избранных, для интеллектуалов высшей пробы. Он рано осознал значимость «Логико-философского трактата» и в 1923 году выступил перед Клубом моральных наук с докладом по книге Витгенштейна. А тридцать лет спустя, в 1953 году, он станет преподавателем философии морали в Найтсбридже, хотя этика никогда не была его специальностью. В этой роли ему предстоит стать одним из первых, кто привнесет в философию средства математики и теории игр. К тому времени экономисты уже осознали потенциал простых игр для моделирования сложных человеческих взаимодействий; Брейтуэйт применил те же методы к морали. Вот один из его гипотетических случаев: два холостяка, Матвей и Лука, живут через стенку. Лука обожает вечерами играть на фортепьяно, а хобби Матвея — игра на трубе в джаз-оркестре. Обоим для репетиций необходимы тишина и покой. С учетом разнообразных допущений об их предпочтениях Брейтуэйт доказал, что оптимальный вариант для Луки с его классической музыкой — семнадцать вечеров, а для Матвея с его джазом — двадцать шесть.

Поппер среди подобных головоломок чувствовал себя как рыба в воде. Но для его отношений с Брейтуэйтом куда важнее был их общий интерес к таким вещам, как философия науки, вероятность, бесконечность и причинность.

Тема причинности вообще обладала особым очарованием для кембриджских философов — не только для Брейтуэйта, но и для Броуда, и для Рассела. Все они были увлечены гипотетической задачей о двух фабриках — одна расположена в Манчестере, другая в Лондоне. На каждой из фабрик есть гудок, который ровно в полдень оповещает об окончании утренней смены. В таком случае, эмпирически может оказаться верно, что всякий раз

в полдень, когда в Манчестере звучит гудок, труженики лондонской фабрики прекращают работу. И здесь мы видим, как сказал бы Юм, «смежность событий» — вслед за манчестерским гудком отправляются домой лондонские рабочие. Однако очевидно, что первое не есть причина второго. Вопрос: а почему, собственно? Где именно пролегает граница между случайной и причинно-обусловленной связью двух событий? Как распознать эту загадочную силу причинности — скрытую, вечно ускользающую, неуловимую, которую никто никогда не видел и не трогал? Может быть, причинность — всего лишь химера, обман воображения?

Утверждая, что это — подлинные философские проблемы, Поппер мог рассчитывать на поддержку Брейтуэйта. Но даже если бы последний и не разделял философских взглядов Поппера, у него все равно была причина стать в тот вечер на его сторону. Дело в том, что тринадцатью годами ранее Брейтуэйт был вынужден принести публичные извинения Витгенштейну на страницах журнала *Mind* — главного философского издания страны, которое читали все коллеги.

Корни этой истории кроются в пресловутой подозрительности Витгенштейна — он всегда боялся стать жертвой плагиата. Вернувшись в Кембридж из Вены в 1929 году, Витгенштейн стал проводить семинары, и Брейтуэйт их посещал. В 1933 году Брейтуэйт написал для *University Studies* статью, в которой пытался прояснить некоторые новые идеи Витгенштейна. Рассвиреневший Витгенштейн немедленно разразился посланием в *Mind*, отрицая всякую связь между своими идеями и теми взглядами, которые Брейтуэйт «ложно» приписал ему. В ответ Брейтуйэт направил в *Mind* покаянное письмо с извинениями за то, что помянул имя Витгенштейна всуе. Заканчивалось письмо, однако же, ядовитой ремаркой: «До какой именно степени я исказил

идеи доктора Витгенштейна — об этом можно будет судить не раньше, чем выйдет книга, которую все мы с нетерпением ждем». Брейтуэйт имел основания подозревать, что Витгенштейн с его неустанным поиском совершенства так никогда ничего и не опубликует.

Сам же Брейтуэйт не испытывал каких-либо колебаний относительно публикации своих идей. Его лекции 1946 года вышли отдельной книгой, в которой были такие слова: «Совершенно ясно: я могу делать в философии то, что делаю, только потому, что в свое время мне посчастливилось учиться в Кембридже у Дж. Э. Мура и Людвига Витгенштейна». Однако в тексте книги Витгенштейн почти не упоминается. А когда в 1947 году Витгенштейн оставил свою должность, Брейтуэйт утверждал, что это место должен занять кто-то из идейных оппонентов Витгенштейна. Кстати, Поппер принял решение не претендовать на должность, прежде занимаемую Витгенштейном: тот факт, что однажды он нагрубил профессору Броуду по поводу увлечения последнего паранормальными явлениями, явно не повышал его шансов. В итоге место Витгенштейна занял не Поппер, а Г. Х. фон Вригт, преданный витгенштейнианец.

Возможно, в тот вечер в комнате Н3 был не один, а двое Брейтуэйтов. Судя по некоторым воспоминаниям, в числе слушателей присутствовала вторая жена Брейтуэйта Маргарет, экстравагантная особа, известная также под девичьей фамилией Мастерман. Ее отец, Чарльз Мастерман, министр либерального правительства, в Первую мировую войну создал департамент пропаганды. Маргарет раньше была секретарем Клуба моральных наук и теперь по-прежнему приходила на собрания и семинары в сопровождении супруга. Сидела она обычно на подоконнике. По свидетельству одного очевидца (возможно, обладающего чересчур богатым воображением), она отличалась привычкой не носить трусиков.

(Он утверждает, что отвлекся от инцидента с кочергой, поскольку Маргарет то и дело перекладывала ногу на ногу.)

Супруги Брейтуэйт были щедры и радушны. Они всегда предлагали свое гостеприимство чете Попперов, когда те приезжали в Кембридж. Кроме того, как мы увидим позже, когда Витгенштейн отвернулся от своего коллеги Фридриха Вайсмана, бежавшего из Вены, именно Брейтуэйты предоставили тому все, в чем он нуждался: кров, немного денег и дружеское общение.

Еще один преподаватель, Алфред Сирил Юинг, которого Майкл Волфф припоминает как «серого тусклого человечка», наверняка не принимал участия в дебатах. Но если бы Поппер заметил Юинга в толпе, у него были бы основания вспомнить о нем с признательностью. Именно Юинг в 1936 году прислал Попперу официальное письмо с приглашением прочесть в Кембридже курс лекций, после того как Дж. Э. Мур, руководитель отделения, уладил финансовую сторону с Советом поддержки ученых.

Юинг, на год старше века, учился в Оксфорде, несколько лет преподавал в Уэльсе, а в Кембридже появился в 1931 году. Достопочтенный Морис Уайлз вспоминает лекции профессора Юинга: «Очень педантичен. Скажет пару вводных слов и заявляет: "Сейчас я буду диктовать, записывайте". Это действовало угнетающе. Как будто снова в школу вернулись. У него всегда на все был готовый ответ. Ни шага в сторону». Юинг ходил в тяжелых ботинках, подходящих скорее для горных походов, нежели для прогулок по равнинам Восточной Англии, — как будто «боялся промочить ноги». Математик Георг Крайзель описывал его так: «Он выглядел как человек, до сих пор живущий с мамочкой» — как оно, собственно, и было на самом деле.

Юинг был глубоко религиозен и серьезен до крайности. А. Дж. Айер, подшучивая над его верой в загробную жизнь, спросил, чего Юинг больше всего ждет в ином мире. Ответ последовал незамедлительно: «Бог скажет мне, существуют ли синтетические суждения a priori».

Насколько понятен был Юингу ход дискуссии, развернувшейся в Н3, судить трудно. Морис Уайлз однажды сказал ему, что не понял ни слова из сказанного Витгенштейном. «Я тоже», — признался Юинг в ответ. Да и сам Витгенштейн не пытался скрывать свое презрение к Юингу, даже перед студентами. Увлекаясь солипсизмом — теорией, согласно которой знать что-то наверняка можно лишь о себе самом, — на одном из собраний Клуба моральных наук Витгенштейн привел Юинга в качестве примера: «Предположим — разумеется, чисто гипотетически, — что у Юинга есть ум». Не щадил он и работ Юинга, и здесь критика его была уже неприкрытой и уничтожающей. На одной дискуссии в Корнелле Витгенштейн вспомнил определение Юинга: «Благо есть то, что справедливо вызывает наше восхищение».

> Он помотал головой: «Это определение ничего не проясняет. Три концепции, и все три туманны. Представьте три каменных обломка. Вы их поднимаете, соединяете, скрепляете — и получается каменный шар. Глядя на этот шар, вы можете получить представление о форме каждого из трех его элементов. А теперь представьте, что в руках у вас — три мягких бесформенных комка грязи, и вы лепите из них шар. Вот Юинг и делает такой шар из трех комьев грязи».

И, наконец, в Н3 присутствовал еще один преподаватель моральных наук — Джон Уиздом, единственный из кембриджских философов, ставший впоследствии убежденным витгенштейнианцем. Уиздома любили студенты,

он был не так чопорен, как его коллеги, и в целом ответственно относился к работе. Впрочем, бывало, что он отменял занятия и отправлялся на велосипеде на ипподром в Ньюмаркет — делая ставки, он проверял свои теории вероятности.

Как и Брейтуэйт, Уиздом встречался с Поппером ранее в том же году, на совместном заседании ассоциации *Mind* и Аристотелевского общества. Там он поднял вопрос о том, каким образом мы узнаем, что человек рассержен. Так же, как узнаем, что закипел чайник, — то есть по физическим признакам? Можно ли и о гневе — явлении из области чувств — судить только по внешним проявлениям?

Его подробные исследования употребления языка и проявляющихся в нем сложных и разнообразных грамматических структур основаны на творческом применении витгенштейновского подхода. До получения места в Кембридже Уиздом несколько лет преподавал в Университете Сент-Эндрю в Шотландии, но с переездом в Кембридж в 1934 году принципы и стиль его работы резко изменились. Именно тогда он начал посещать семинары Витгенштейна.

Как и многие поклонники Витгенштейна, Уиздом балансировал на грани между восторгом и страхом, желая нравиться, но в то же время не быть слишком навязчивым. Это видно в первом же эссе из его книги «Иные умы» (*Other Minds*), где он пишет: «Сколь многое в этой работе сделано под влиянием Витгенштейна, способны оценить только те, кто его слушал. Я ему бесконечно обязан... Но не думаю, чтобы мой труд мог снискать его одобрение: он недостаточно добротен — поверхностен и плосковат». Так или иначе, он подражал методам и стилю Витгенштейна и тоже скептически относился к возможностям философии. Первокурсников, явившихся на первую лекцию и нерешительно топтавшихся на поро-

ге, он обычно приветствовал двусмысленным вопросом: «На философию? Мудрость, небось, ищете?»[1]

Ч. Д. Броуда 25 октября в Кембридже не было, а если бы он и был, то вряд ли захотел бы почтить своим присутствием Клуб моральных наук; но не упомянуть его в этой главе никак нельзя. Броуд, предшественник Брейтуэйта на посту преподавателя философии морали в Найтсбридже, был самым известным из нашей четверки. Некоторые уверяют, что видели его тем вечером в Н3, но они ошибаются: в ту осень Броуд наслаждался творческим отпуском в Швеции.

В Кембридже Броуд представлял — и активно формировал — антивитгенштейнианское крыло. Благодаря своим основным работам двадцатых-тридцатых годов он завоевал прочную научную репутацию, выходившую далеко за пределы университета. Работы эти были посвящены вечным вопросам: связи между духом и телом, доказательству наших знаний о внешнем мире, о том, что происходит в сознании при восприятии объекта. К 1946 году Броуда в основном интересовала этика. В эссе, написанном незадолго до встречи в Клубе моральных наук, он рассматривал этику террористического акта, при котором, кроме заранее намеченной жертвы, страдают невинные. Витгенштейн никогда не тратил сил на вопросы практической этики. С его точки зрения, мораль всегда оставалась тем, что можно показать, но нельзя объяснить; она проявляется в образе жизни и не укладывается в законы логики.

«Скорее надежен, чем талантлив», — проницательно охарактеризовал Рассел своего молодого ученика Броуда, который тогда был мало заметен в тени Витгенштейна. Броуд-преподаватель и его причуды — до сих пор

[1] Wisdom в переводе с английского — «мудрость». — *Примеч. пер.*

излюбленная тема на встречах выпускников. Он заранее писал полный конспект своей лекции, а потом читал его студентам вслух, повторяя каждое предложение дважды, а шутки — трижды. По воспоминаниям Мориса Уайлза, это была единственная примета, по которой можно было догадаться, что прозвучала шутка. А вернувшись из творческого отпуска длиною в семестр, Броуд начал лекцию со слов: «Пункт Д...»

Невыносимо скрупулезный и столь же скучный на лекторском поприще, вне стен аудитории Броуд прославился как злостный сплетник и брюзга. За глаза он неустанно хулил Витгенштейна, да и в письменных работах не упускал случая сказать о нем что-нибудь язвительное. Броуд признавался, что не любит ходить в Клуб моральных наук. По его собственным словам, «ни ум, ни язык» его «не были достаточно остры для плодотворного участия в устных философских дискуссиях; и я не был готов каждую неделю часами торчать в густом табачном дыму, наблюдая, как Витгенштейн исправно прыгает через обруч, а верные поклонники с дурацки-благоговейными лицами так же исправно им восхищаются». В книге, опубликованной еще в середине двадцатых годов, Броуд прошелся по «философическим ужимкам и прыжкам» своих «юных друзей, пляшущих под дудку герра Витгенштейна с ее невыносимо пронзительными синкопами».

Витгенштейн до конца жизни платил Броуду такой же неприязнью. Джоан Беван, жена доктора, в доме которого Витгенштейн провел последние месяцы жизни, однажды решила подшутить над ним и сказала, что Броуд зайдет к ним на чай. Узнав, что это был розыгрыш, Витгенштейн сделался мрачнее тучи и два дня не разговаривал с хозяйкой.

И все же у Броуда была одна черта, которую Витгенштейн (да и Поппер) высоко ценил и всегда ассоциро-

вал с англичанами. Речь идет о чувстве справедливости, которое неизменно брало верх над любыми другими соображениями. Именно поэтому в 1939 году, когда Мур вышел на пенсию, Броуд поддержал кандидатуру Витгенштейна на должность профессора. Известна его фраза: «Не дать Витгенштейну должность профессора философии — все равно что не дать Эйнштейну должность профессора физики». Впоследствии, во время войны, Броуд еще раз стал на сторону Витгенштейна в странном споре о том, следует ли платить последнему заработную плату. Витгенштейн настаивал на том, что не следует. Тогда, в 1942 году, Витгенштейн работал в лондонской больнице Гая, разносил лекарства из больничной аптеки по палатам, а на выходные приезжал в Кембридж читать лекции. Он был недоволен качеством этих занятий — возможно, потому, что тогда, в разгар войны, студенты были «не того калибра», — и потому предложил заменить лекции домашними семинарами, а его самого временно вычеркнуть из платежной ведомости и возмещать ему только необходимые расходы, пока он не удостоверится, что это нововведение себя оправдывает. Броуд, тоже взявший на себя дополнительную работу — казначея в Тринити-колледже — и называвший ее своим вкладом в военные действия, написал в Клуб моральных наук, что Витгенштейн —

> «чрезвычайно добросовестный человек с высочайшими нравственными стандартами; я не сомневаюсь, что большинство из нас на его месте приняло бы плату не раздумывая. И все же факт остается фактом: в этой ситуации он чувствует себя очень неуютно. Он не может не использовать любую возможность заниматься философией, и своего рода сократовский диалог с аудиторией — неотъемлемая часть этих занятий».

Говоря это, Броуд был убежден, что Витгенштейн не кривит душой. «Зная Витгенштейна, я полностью уверен, что университет ничем не рискует, заключая договор такого рода».

7

В вихре венского вальса

> Насколько я понимаю, отношения между венскими философами начала 1920-х годов были сложными, напряженными и зачастую параноидальными.
>
> *Стивен Тулмин*

Со стороны ожесточенная стычка между Витгенштейном и Поппером могла показаться неправдоподобной. Ведь, казалось бы, у них столько общего: целая цивилизация — и ее распад. Хотя Витгенштейн был на тринадцать лет старше Поппера, оба застали культурный подъем и космополитизм Австро-Венгерской империи, оба пережили поражение страны в Первой мировой войне, оставившее след в их жизни, попытки возведения республики на обломках монархии, постепенное превращение этой республики в корпоративное государство и, наконец, погружение в пучину нацизма.

И, конечно же, их объединяла Вена. Там, в мраморных залах Пале Витгенштейн на Аллеегассе, 16, жил австрийский сталелитейный магнат Карл Витгенштейн. Людвиг Йозеф Иоганн, родившийся 26 апреля 1889 года в 8 часов 30 минут вечера, был его восьмым и последним ребенком. Всего в миле оттуда, выходя окнами на южный вход в собор Святого Стефана, располагался уютный, набитый книгами дом, где предстояло расти Карлу Раймунду Попперу. Он родился 28 июля 1902 года и был младшим из трех детей состоятельного адвоката. Между домами Витгенштейнов и Попперов возвышался Хофбург, резиденция Габсбургов, где в скромно обставленном кабинете работал — чаще всего, пожалуй, имен-

но работал — император Франц-Иосиф, «первый бюрократ империи».

Жизнь в Вене, в столице империи, под властью которой в зените ее славы находились венгры, чехи, словаки, поляки, итальянцы, галичане, словенцы, сербы, хорваты — не говоря уж об австрийцах, — была на удивление дружной, а венцы отличались сплоченностью. Витгенштейна и Поппера могло бы связывать множество нитей: еврейское происхождение, интерес к музыке, знакомство с радикальными деятелями культуры, педагогическое образование, причастность к первоисточнику логического позитивизма — Венскому кружку. Но несмотря на все пересечения культурных, социальных и научных кругов, в которых они вращались, эти двое, что примечательно, все-таки исхитрились не познакомиться. Витгенштейн знал архитектора Адольфа Лооса, который, в свою очередь, был знаком с Арнольдом Шенбергом, чьи концерты, устраиваемые дома для узкого круга музыкантов, посещал Поппер. При всем при том было известно, где именно и в какое время суток в тесных пределах Рингштрассе можно найти ту или иную легендарную фигуру. Это был мир кофеен и *Stammtisch*, столиков для завсегдатаев. За кофе, стаканом воды и — порой — кусочком штруделя создавались статьи, оттачивались аргументы, писались театральные рецензии, завязывались знакомства.

Хотите обсудить проект модернистского здания с Лоосом или додекафоническую музыку с Альбаном Бергом? Загляните в «Café Museum» или в «Herrenhof». Вас задела очередная блистательная статья Карла Крауса в *Die Fackel*, и вы намерены выяснить с ним отношения? Пожалуйста — вы найдете его в «Cafй Central», где он неизменно ужинает острыми сосисками. Только не забудьте, что днем он спит, а работает ночью. Кстати, там же вы застанете и поэта Петера Альтенберга; этот наверняка будет писать очередную открытку, посредством

которых он общается с друзьями. Если вам нужен кто-то из математиков вроде Геделя, то у вас больше всего шансов увидеть его в кафе с белыми столешницами, на которых так удобно царапать уравнения. Партию в шахматы? Испытайте фортуну, вызовите на бой политического беженца и завсегдатая кофеен Льва Бронштейна — позже ставшего известным под партийным псевдонимом «Троцкий». А может быть, вам нужен репортер криминальной хроники из популярной газеты? Тогда придется заглянуть в заведение рангом ниже — например, в «Café Wirzl» Йозефа Рота, с «засаленными картами, запахами кофе, пива "Okocimer", дешевых сигар и хлебных палочек»; именно там репортеры в ожидании своих «источников» коротают время за картами таро.

Забавно представить Витгенштейна и Поппера в «Café Wirzl» за пивом и картами. Увы, этот заманчивый образ придется скрепя сердце прогнать; но все равно очевидно, что в Вене у них было множество общих друзей и знакомых, а это значит, что они, скорее всего, не раз и не два находились в нескольких шагах друг от друга. Именно так обстояло дело, например, 15 июля 1927 года, когда полиция открыла огонь по рабочей демонстрации социал-демократов и случайным прохожим, убив восемьдесят пять человек. «Мы с моей будущей женой были среди свидетелей этой сцены и так же, как другие, не верили своим глазам», — писал Поппер. Где-то совсем рядом был и Витгенштейн с сестрой Маргарет. По его настоянию она отправила машину с шофером, и они прогуливались пешком. Услышав пальбу, Маргарет было бросилась наутек, но брат сурово произнес: «Когда слышишь ружейные выстрелы, бежать нельзя ни в коем случае».

Что же до пересечения светских кругов, достаточно сказать, что обе семьи были дружны с семейством Фрейдов. Сестра Зигмунда Фрейда Роза Граф была близкой

подругой родителей Поппера. В 1916 году, когда она гостила у них, на пороге внезапно появился ее сын в военной форме, и это была его последняя встреча с матерью — вскоре он погиб на войне. Сестра Витгенштейна Маргарет, имевшая касательство ко многим разношерстным интеллектуально-художественным течениям, которыми изобиловала тогдашняя Вена, познакомилась с Фрейдом в начале 1930-х годов. После Первой мировой войны глава Американской администрации помощи и будущий президент США Герберт Гувер назначил ее специальным представителем благотворительной программы для Австрии. Потом она работала консультантом-психотерапевтом в тюрьмах для несовершеннолетних преступников и в Университете Граца; это и привело ее на занавешенную шалью кушетку в кабинете Фрейда. Маргарет подвергалась у него психоанализу в течение двух лет, углубляя свои представления о лечении неврозов, и они оставались дружны до самой его смерти. 3 июня 1938 года, в день бегства из Вены, Фрейд подписал ей в подарок свою книгу «Будущее одной иллюзии»: «Госпоже Маргарет Стонборо по случаю моего временного отъезда».

Труды Фрейда оказали влияние и на брата Маргарет, и на Карла Поппера — но эффект был диаметрально противоположным. Витгенштейн проводил параллели между своими поздними работами и психотерапией; Поппер клеймил фрейдизм как образчик дышащей на ладан лженауки.

На философские взгляды наших героев повлиял, несомненно, еще один элемент культурного брожения в их родном городе, а именно реформа образования. Оба они с интервалом в четыре года получили педагогическое образование. Оба преподавали: Витгенштейн — в глухих австрийских деревнях, Поппер — в Вене. Витген-

штейн учил младших школьников, Поппер — младших и средних, а также, под эгидой психиатра (и бывшего коллеги Фрейда) Альфреда Адлера, детей из неблагополучных семей. Оба увлекались идеями вдохновенного Карла Бюлера, профессора философии в Педагогическом институте, и Отто Глекеля — венского советника по образованию и вдохновителя недолговечного эксперимента, связанного с австрийской школьной реформой. Считается, что Глекель тесно сотрудничал с Маргарет Стонборо, когда та была специальным представителем Гувера.

Витгенштейн начал преподавание в 1919 году, вернувшись из итальянского лагеря для военнопленных. Это не было мимолетной прихотью — он проработал сельским учителем около шести лет, и этот этап его жизни следует рассматривать сквозь призму долгой семейной традиции служения общественному благу. Старшая из его сестер, Гермина, тоже занималась просвещением бедняков. А Маргарет, прося в 1942 году принять ее на работу в Американское общество Красного Креста (которое, когда речь зашла о ее трудоустройстве, мистическим образом трансформировалось в Управление стратегических служб — предтечу ЦРУ), писала, что трудится всю свою взрослую жизнь и никогда не получала платы. Однако Людвиг, в отличие от сестер, не просто повиновался долгу аристократа-филантропа, ощущающего себя обязанным помогать тем, кому повезло меньше. Он хотел избавить свою жизнь от всего ненужного, необязательного, от всяческой мишуры, лишить себя малейшего намека даже на обычный комфорт, не говоря уж о роскоши. Он избрал путь аскета — и отправился учить крестьянских детей в дальние австрийские деревни, в глушь, куда можно было добраться только пешком.

Для Карла Поппера выбор преподавательского по-

прища не имел ничего общего с аскетизмом — это было естественное продолжение работы с неблагополучными детьми, которой он занялся сразу же после школы. Но он поступил в Венский педагогический институт еще и потому, что некоторые курсы там совпадали с университетскими. Это была реальная возможность подступиться к высшему образованию, которого он не получил бы иным способом, так как не имел возможности сдать последний выпускной экзамен — *Matura*. Как мы увидим позже, ему пришлось бросить школу, так как отец его стремительно обеднел.

Педагогический институт был основан для воплощения в жизнь австрийской школьной реформы. Это была попытка повернуть систему образования от казарменной муштры (безоговорочное подчинение, слепое преклонение перед авторитетами, ребенок — «пустой сосуд», знания вбиваются в его голову под диктовку) к принципам активного участия ребенка в образовательном процессе путем самопознания и поиска решений. И Поппера, и Витгенштейна учили поощрять это в детях. С новым подходом была неразрывно связана уверенность в том, что уму свойственно создавать структуры, организующие информацию.

И хотя Витгенштейн подшучивал над «вульгарными лозунгами и проектами» этой программы, его «Словарь для народных школ», знаменитый *Wörterbuch für Volksschulen*, кодифицирующий диалекты австрийской деревни и проникнутый уважением к ее культуре, написан именно в духе реформы образования — и в духе идей, позже отразившихся в его «Философских исследованиях», — например, что человеческие сообщества могут использовать язык самыми разными способами, и все эти способы будут совершенны. Отголоски австрийской образовательной реформы были слышны и в его манере преподавания, в том, как он придумывал приме-

ры и задавал все новые и новые вопросы в ответ на отклики студентов.

Для Поппера важнейшим событием в годы учебы стало знакомство с Карлом Бюлером. Благодаря Бюлеру он пришел к идее, что человек мыслит в терминах проблем и их вероятных решений. Именно так, будет доказывать Поппер позднее, и происходит научный прогресс. Наука — не простое накопление фактов с последующим их осмыслением; ученые сначала представляют себе решения и лишь потом ищут доказательства в их пользу.

К тому времени, как Глекель пригласил Бюлера в Вену, Витгенштейн уже преподавал в альпийской деревушке. Студентом Бюлера он не был, но процессы освоения языка ребенком были для него предметом всепоглощающего интереса, и очевидно, что он знал и самого Бюлера, и его работы. (Бюлер и его жена Шарлотта, выдающийся детский психолог, присутствовали на устроенной Маргарет судьбоносной встрече Витгенштейна с Морицем Шликом.) Позже Витгенштейн не раз назовет Бюлера шарлатаном.

Поппер придерживался диаметрально противоположной точки зрения: «У преподавателей педагогического института я мало чему научился, зато мне очень много дал Карл Бюлер». Признание было взаимным: в отзыве, служившем рекомендацией для назначения Поппера на должность в Новой Зеландии, Бюлер назвал его докторскую диссертацию «мудрым и тонким философским исследованием», добавив, что он «чрезвычайно высоко» ценит преподавательские способности кандидата.

Но сколь бы многое ни связывало Витгенштейна и Поппера, между ними явственно просматривается пропасть. С одной стороны — личный шофер, благотворительность, бескорыстное стремление покинуть Вену ради бедных деревенских детей. С другой — насущная

житейская необходимость. Чтобы осознать всю глубину этой пропасти, нужно заглянуть в дом Витгенштейна на Аллеегассе.

8

Концерты в Пале

Мультимиллионер в роли сельского учителя — явное извращение.

Томас Бернхард

И Витгенштейн, и Поппер росли в высокообразованных семьях. Отец Поппера был адвокатом, чьи дом и контора располагались в самом сердце Вены; в его домашней библиотеке начитывалось десять тысяч томов, а на досуге он переводил сочинения античных классиков с древнегреческого и латыни на немецкий. Заботясь о бездомных, он заседал в комитетах по обеспечению жильем обнищавших рабочих — одно из таких общежитий в свое время приютило молодого Гитлера. За свой труд Поппер-старший был удостоен императорской награды — произведен в рыцари ордена Франца-Иосифа. Но семейство Витгенштейнов принадлежало к другому классу — классу, представители которого откровенно смотрели сверху вниз на буржуазные семьи, подобные Попперам.

К концу XIX века Витгенштейны прочно заняли свое место среди самых богатых семейств Австрии, уступая лишь венской ветви Ротшильдов. Первое лицо в сталелитейном картеле страны, человек, способный с легкостью гнуть цены на сталь, Карл Витгенштейн был настоящим гением предпринимательства. Говорили, что, будь он немцем, Бисмарк поставил бы его управлять экономикой страны. Это все равно что сегодня предложить Карнеги, Меллону или Рокфеллеру место в администрации США.

Жил он в великолепном Пале Витгенштейн на Аллеегассе, ныне Аргентиниерштрассе (сейчас на этом месте — обшарпанная многоэтажка, построенная в послевоенные годы). Карл Витгенштейн, не любивший выставлять богатство напоказ, избегал слова «Пале» и предпочитал называть свой дворец просто домом — «Хаус Витгенштейн». Стоял этот «дом» близ Карлскирхе — церкви императора Карла VI с ее грузной барочной роскошью, в центре района, заселенного в конце XIX века новой торгово-промышленной аристократией. Здесь красовались внушительные резиденции семейств, стоявших в жесткой старомодной иерархии австро-венгерского общества всего на одну ступеньку ниже подлинной знати — двора и правительства. Брамс, очень часто бывавший у Витгенштейнов, сказал: «Они вели себя друг с другом, словно при дворе».

Особый социальный статус предполагал и особые социальные обязательства. Дом Витгенштейнов был лучшим из лучших музыкальных салонов в городе Малера, Шенберга, Веберна, Берга и, конечно же, Брамса. Именно там впервые прозвучал «Квинтет для кларнета» Брамса. Композитор давал уроки игры на фортепиано музыкально одаренным детям Карла и Леопольдины, а однажды даже втирал в голову Маргарет марочное шампанское, чтобы быстрее росли остриженные после болезни волосы. Частыми гостями в доме были Клара Шуман, Малер, дирижер Бруно Вальтер (последний, кстати, был в родстве с бабушкой Поппера). Рихард Штраус играл дуэты с братом Людвига Паулем — выдающимся пианистом, потерявшим на Первой мировой правую руку. В 1931 году Равель написал для него свой знаменитый Концерт для фортепиано с оркестром ре минор для левой руки. (Концерт Прокофьева, ранее заказанный композитору, Пауль играть отказался: «...я в нем не понимаю ни одной ноты и играть не буду». Прокофьев парировал,

что в музыке Пауль принадлежит к прошлому веку.) Не будет большим преувеличением сказать, что если Поппперы посещали концерты, поддерживаемые ими финансово, то с Витгенштейнами дело обстояло ровно наоборот: музыканты, которым они покровительствовали, сами приходили с концертами к ним домой, где пианистам вольно было выбирать из шести роялей.

Бруно Вальтер, бывший с 1901 по 1912 год дирижером Венской оперы, а позже музыкальным руководителем, писал в своих мемуарах: «Витгенштейны продолжали благородную традицию передовых кругов венского общества, считая, что на них возложена обязанность поддерживать искусство и его творцов. В доме Витгенштейнов часто бывали знаменитые художники и скульпторы, выдающиеся представители мира науки. Я неизменно наслаждался всепроникающим духом гуманности и культуры». Однако отношения Витгенштейнов со старой венской знатью были неоднозначны — семейство не только держалось особняком, но и стремилось вести себя как можно скромнее. Это проявлялось и в упорстве, с каким Карл настаивал на названии «Хаус Витгенштейн», и в анонимности огромных пожертвований на благотворительность. Карл не разрешил сестрам Людвига брать уроки верховой езды, чтобы они не приучались воспринимать себя как аристократок. А когда некий дворянин был назначен министром финансов, Карл выступил в печати с гневным протестом, утверждая, что обладание графским титулом само по себе не гарантирует исправного исполнения обязанностей министра.

Карл считал себя человеком передовых взглядов и в качестве такового активно поддерживал революцию изобразительного искусства: здание для общества «Сецессион», противопоставившего себя Союзу художников Вены, было построено в 1897 году преимущественно на его деньги. Живописец Густав Климт называл Карла Вит-

генштейна «министром изящных искусств», а в 1905 году по случаю замужества Маргарет написал ее портрет. Эта композиция исполнена эротики, и только темные глаза выдают предчувствие беды. При первой же возможности Маргарет упрятала картину на чердак своего загородного дома.

Как бы ни старались Витгенштейны не привлекать к себе внимания, их богатство бросалось в глаза, а покровительство искусствам далеко не всем было по вкусу. *Die Fackel* язвительно высмеивал знатные венские семейства, кичившиеся своими щедрыми пожертвованиями. Эстафету обвинений против богатых подхватывает Томас Бернхард, лучший современный австрийский прозаик и драматург, чьи тексты свидетельствуют об одержимости Людвигом. В вымышленных мемуарах «Племянник Витгенштейна», впервые опубликованных в 1982 году, он жестоко и грубо высказывается о покровительстве Витгенштейнов Климту. Предметом нападок Бернхарда становятся

> «омерзительные картинки периода Климта, в том числе одна — кисти самого Климта, которому фабриканты оружия Витгенштейны заказывали свои портреты, как, впрочем, и другим знаменитым мастерам того времени, ибо такова была мода среди так называемых нуворишей начала века — заказывать свои портреты под видом меценатства. У Витгенштейнов, как и у прочих им подобных, не было времени на искусство, а зваться меценатами им хотелось».

Дальше Бернхард клеймит Витгенштейнов как «врагов искусства и разума, задыхающихся в своем богатстве, в своих миллионах».

До Первой мировой войны Людвиг, судя по всему, в полной мере наслаждался отцовским состоянием. Его

кембриджский друг Дэвид Пинсент, сам происходивший из весьма состоятельной семьи, поверяет дневнику свое удивление — Витгенштейн предложил поехать на каникулы в Исландию за счет своего отца. «Я спросил, во сколько, по его расчетам, обойдется поездка, на что он сказал: "Ах, это не имеет значения: ни у меня, ни у вас денег нет — да хоть бы у вас и были, это неважно. Зато у моего отца их полным-полно". И он заявил, что его отец оплатит наше путешествие». Когда они отправились в путь и встал вопрос о том, где Пинсенту остановиться в Лондоне, Витгенштейн повел его в «Гранд-Отель» на Трафальгарской площади: «Я пытался предлагать менее претенциозные гостиницы — тем более что сам Витгенштейн поселился у Рассела, — но он не желал ничего слышать. В этой поездке об экономии не могло быть и речи». Со временем Витгенштейн прославится спартанской обстановкой своей кембриджской обители, однако до войны дело обстояло иначе. Пинсент записал в дневнике, как в октябре 1912 года помогал Витгенштейну перетаскивать мебель в его комнаты в Тринити-колледже. Мебель прибыла из Лондона; все, что мог предложить Кембридж, Витгенштейн отверг, назвав «отвратительным». «Вся его мебель делалась по заказу, по его собственным чертежам, и была довольно странной, но отнюдь не плохой». А по возвращении из Исландии Пинсент запишет: «Мы поужинали — и ужин был под стать шампанскому».

Когда в 1913 году отец Витгенштейна умер от рака, Людвига называли богатейшим человеком в Австрии и одним из самых богатых в Европе. Послевоенная инфляция поглотила все сбережения отца Поппера; отец Витгенштейна сберег средства семьи, вовремя переведя их на зарубежные счета.

Однако Людвиг недолго пробыл баснословно богатым. Война преобразила его духовно. По воспоминани-

ям его сестры Гермины, солдаты называли его «тот, с Евангелием», потому что он всегда носил с собой толстовское изложение Благой Вести. Вернувшись из плена, Людвиг сразу же отказался от наследства в пользу семьи: единственного оставшегося в живых брата Поля и сестер Гермины и Хелены. (Маргарет к тому моменту вышла замуж за весьма состоятельного американца Джером Стонборо и в деньгах не нуждалась.) Гермина вспоминала, как долго и мучительно разговаривал Людвиг с отчаявшимся нотариусом, осознавая, что бесповоротно расстается с огромным состоянием. Но она вспоминала и другое: этот переворот в мировоззрении стал возможен не в последнюю очередь потому, что «он был готов, совершенно искренне и спокойно, позволить брату и сестрам помочь ему, что бы ни случилось».

С этого времени Витгенштейн начал вести суровую жизнь аскета, одержимого чистотой и порядком. Пауль Энгельман, его друг, а впоследствии коллега-архитектор, объясняет эти качества

> «всепоглощающим стремлением избавиться от обузы, которая невыносимым бременем ложилась на его отношение к внешнему миру: не только от галстука, но и от состояния. Кстати, о галстуках: в юности (помню, он рассказывал) он выбирал их очень придирчиво и наверняка с безупречным вкусом. Но он отказался от всего этого не для того, чтобы наложить на себя епитимью... [Он] решил отделаться от всего, большого ли, малого ли, что казалось ему вздорным и нелепым».

Схожее объяснение давал сам Витгенштейн своему племяннику Джону Стонборо: «"Если бы ты собрался в долгий горный поход, — говорил он, — ты бы оставил тяжелый рюкзак у подножия горы". Таково было дядино отношение к деньгам. Он хотел избавиться от этой тяж-

кой ноши». В некрологе *The Times* упоминалось о том, что «Витгенштейн выказывал все признаки созерцательной жизни религиозного отшельника», о его склонности к уединению и высшей степени самоотречения.

И все же Витгенштейн не полностью отказался от привилегий выходца из богатой семьи. В 1920-е и 1930-е годы, когда он вел дискуссии с Морицем Шликом, основателем Венского кружка, и одним из членов кружка Фридрихом Вайсманом, в его распоряжении было сразу несколько домов, где можно было спокойно, без помех, встречаться и беседовать. Это был, во-первых, Нойвальдег, резиденция в предместье Вены, куда семья Витгенштейнов уезжала на весну и осень. Во-вторых — дом на Аугустиниерштрассе, принадлежавший брату и сестре Людвига, — там, в свободном кабинете, он и устраивал встречи. И, наконец, в запасе всегда оставался Хохрайт — летнее семейное прибежище в горах, всего в часе езды от Вены. Привязанность Людвига к Вене и сестрам никогда не ослабевала. С 1929 года, когда он вернулся в Кембридж, до 1937-го и с 1949-го до 1951-го — года его смерти — он неизменно проводил в Австрии летние и рождественские каникулы.

Избавиться от аристократических манер оказалось куда труднее, чем от богатства. Ливис видит в Витгенштейне мятущуюся душу и связывает это со знатным происхождением. «Думаю, не только я замечал, что его свойство, которое я назвал про себя уверенностью, было как-то связано с воспитанием, со сдержанным чувством собственной исключительности. Было в этом что-то аристократическое». Возможно, тревожность, подмеченная Ливисом, была следствием конфликта между врожденными манерами плутократа и стремлением к суровому аскетизму. Бернхард выражается о том же гораздо грубее: «Мультимиллионер в роли сельского учителя — явное извращение».

Что же касается Поппера, то и он получил прекрасное воспитание и, возможно, втайне испытывал чувство собственной исключительности — но у него не было ни аристократических манер, ни тем более семейного финансового источника, к которому он мог бы прильнуть в трудную минуту. В 1919—1920 годах он тоже вел жизнь аскета, но отнюдь не по собственной воле. Он покинул дом и поселился «в заброшенной части бывшего военного госпиталя, который студенты превратили в самое примитивное общежитие. Я стремился к независимости и не хотел висеть тяжким грузом на шее у отца — ему было уже за шестьдесят, и все его сбережения стремительно поглотила послевоенная инфляция».

Хотя Карл Витгенштейн запрещал своим близким щеголять роскошью, в таком сплоченном городе, каким была Вена, Витгенштейнов наверняка знали все, в том числе и Попперы. Имя «Витгенштейн» то и дело мелькало в новостях — не только в деловой и светской хронике в местных газетах, но и в *Die Fackel*, журнале Карла Крауса, беспощадно громившего власть имущих. Поэтому немыслимо, чтобы имя Карла Витгенштейна — его бизнес, его благотворительность, его статьи по экономике, положение его семьи в культурной жизни Вены — не всплывало в беседах за обеденным столом Попперов.

Предубеждение Карла Поппера против Витгенштейна явственно слышится в презрительно оброненной фразе (ее припомнил Питер Мунц): Людвигу Витгенштейну неведома разница между кофейней и окопом. Слово «кофейня» имело для Поппера очень четкие ассоциации: оно означало беззаботную жизнь богачей, необременительную болтовню, модные течения мысли. Своему бывшему студенту, а позже — коллеге, израильскому философу Джозефу Агасси, Поппер сказал, что «"Трактат" отдает кофейней».

В том, что касается знакомства Витгенштейна с окопами, Поппер был откровенно не прав. Если «Трактат» чем-то и «отдавал», это был запах смерти и тления. Витгенштейн добровольцем отправился на Первую мировую и сражался за Австрию с выдающейся храбростью. Он мог бы задействовать связи своей семьи, чтобы остаться в тылу, — но он, напротив, воспользовался ими, чтобы его послали на фронт: в семнадцать лет ему прооперировали двустороннюю грыжу, и он имел полное право держаться поодаль от пушечной пальбы. Служа в артиллерии, он выбрал себе самое опасное место — наблюдательный пост — и оставался на нем даже после того, как его дежурство заканчивалось. Говорили, что Витгенштейн должен был получить австро-венгерский эквивалент Креста Виктории — высшей военной награды Великобритании, — но битва была проиграна, а за поражение наград не дают. И всю войну Витгенштейн не прекращал работу над «Трактатом»!

Пауль Энгельман пишет, что «Витгенштейн рассматривал воинскую обязанность как долг, важнее которого быть не может. Узнав, что его друг Бертран Рассел попал в тюрьму за антивоенную деятельность, он не перестал уважать его за личную храбрость, но чувствовал, что в этом случае героизм явно направлен не на ту цель».

В годы Второй мировой войны чувство долга вновь взяло в Витгенштейне верх над всеми прочими соображениями. Ему было уже за пятьдесят, когда он покинул Кембридж и в период бомбежек Лондона устроился санитаром в больнице Гая на юге столицы. Здесь вновь проявилась его способность полностью отдаваться выбранному делу — на сей раз таким делом стала помощь группе медиков, исследующей пулевые ранения. А когда эта группа перебралась в Ньюкасл, он принял приглашение отправиться с ними.

Надо сказать, что Витгенштейн, возможно, внес еще один — хотя и странный — вклад в победу Англии. В 1939 году он спорил с Аланом Тьюрингом о противоречиях в математической логике. Представление Витгенштейна о несущественности таких противоречий Тьюринг считал категорически неверным. (Витгенштейновская философия языка со времен «Трактата» очень сильно изменилась. Тогда он верил в совершенный, идеальный язык, лишенный всякой неоднозначности. Теперь же он полагал, что, если социальная группа развивает или усваивает язык, содержащий внутренние противоречия, — значит, так тому и быть.) Возможно, воспоминание об этих разногласиях сыграло свою роль в тьюринговских разработках «Бомбы» — примитивного компьютера, позволившего Блетчли-Парку вовремя дешифровать немецкий код «Энигма».

Поппер мог сколько угодно насмехаться над Витгенштейном, но сам он на войне никогда не был. Когда закончилась Первая мировая, ему было всего шестнадцать лет; во время Второй мировой он работал в нескольких тысячах миль от линии фронта, в спокойной и безопасной Новой Зеландии, откуда помог организовать спасение примерно сорока австрийских беженцев. Он пытался поступить на службу в вооруженные силы Новой Зеландии, но не прошел медкомиссию. Однако он считал своим вкладом в победу над фашизмом книги «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги». И в этом он был, безусловно, прав, несмотря даже на то, что «Открытое общество» увидело свет только после падения фашистской Германии. В автобиографии «Unended Quest» Поппер называет эти книги своим «вкладом в победу». А в 1946 году он в присутствии Эрнеста Геллнера сказал Исайе Берлину и А. Дж. Айеру, что считает «Открытое общество» «книгой борьбы» — подразумевая борьбу, в исходе которой он, как и Витгенштейн, был

кровно заинтересован, ибо оба они были выходцами из еврейских семей.

9

Родившийся евреем

В западной цивилизации еврея всегда взвешивают на весах, которые ему не подходят.
Витгенштейн

Несмотря на все различия в социальном и имущественном статусе, у Витгенштейна и Поппера была одна неискоренимая общая черта: оба они принадлежали к ассимилированным еврейским семьям самого космополитичного города Европы. Посему на кембриджскую стычку можно посмотреть и по-другому: как на столкновение двух еврейских изгнанников, чьи корни по-прежнему оставались в Вене. Однако культурное родство не только не объединяло их — напротив, на фоне этого родства становилось очевидно, насколько несхожим было их отношение к жизни.

Еврейское происхождение влекло за собой большие проблемы. Оппозиция «изгойство — ассимиляция» не отражает всей сложности положения евреев в многонациональной христианской Вене при Франце-Иосифе. Нельзя сказать, что они полностью ассимилировались, но и изгоями в полной мере тоже не были. После признания гражданских прав евреев перед ними открылись широкие возможности для самоопределения. Но кем бы евреи себя ни считали, вопрос об их социальном статусе всегда решал кто-то другой. Изгнание из общества, дискриминация, неписаные запреты, пресловутый «еврейский вопрос» — все это определялось нееврейским христианским большинством.

4. Заказ № 2365.

Зигмунд Фрейд осознавал и признавал себя евреем. «Вы, несомненно, знаете, что я с радостью и гордостью признаю свое еврейство, хотя отношение мое к любой религии, включая нашу, в высшей степени негативно», — писал он. Ни Витгенштейн, ни Поппер не могли бы сказать о себе ничего подобного. Оба они принадлежали к обращенным в христианство еврейским семьям, каковых в Вене было множество. Причем Попперы крестились незадолго до рождения Карла; старшие его сестры родились еще в иудейской вере.

Венские евреи, независимо от соблюдения религиозных обычаев, были сплоченной общиной. Работа, общение, браки — все это происходило и совершалось среди своих. На рубеже веков крещеные евреи по-прежнему жили в преимущественно еврейских районах Вены — Инненштадт, Леопольдштадт, Альзергрунд — и дружбу водили тоже с евреями, неважно, крещеными или нет.

По сравнению с другими крупными городами Европы в Вене был самый высокий процент обращения евреев в христианство. Тому был целый ряд причин — и вездесущий антисемитизм, и убежденность в том, что в габсбургском обществе только христианин может добиться успеха. Свою роль играло и брачное право, запрещавшее браки между иудеями и христианами. Чтобы приверженцы разных религий могли пожениться, один из них должен был перейти в веру другого или хотя бы объявить себя неверующим. В браке между евреем и нееврeем на этот шаг, как правило, шел именно еврей.

Евреи, которые росли и воспитывались в немецкоязычных странах, ассимилировались особенно активно. И все же полного растворения в обществе не было и быть не могло. Даже если человек с молоком матери впитывал нормы семейной, трудовой, культурной, политической жизни, все равно, как писал венский драматург

и прозаик Артур Шницлер, «невозможно было пренебречь тем, что он еврей, — особенно если он был заметной в обществе фигурой. Все это замечали — и неевреи, и уж тем более евреи». Такое было характерно не только для Вены. Алан Ислер в «Принце Вест-Эндском» замечает с горечью: «Для гоев он остается евреем, конечно; и для евреев, ввиду его успеха, он тоже все-таки еврей». Эту истину с негодованием признавал и Поппер, которого нередко просили дать оценку тому или иному событию «с точки зрения еврея».

Существовала масса эвфемизмов — тонких и не слишком, — намекающих на еврейское происхождение, обращение еврея в христианство и способы такого обращения. Немецкий историк Барбара Зухи приводит целый ряд таких выражений. Желая намекнуть на еврейское происхождение, говорили «*Liegend getauft*» (крещенный в младенчестве). Композитор Феликс Мендельсон был «*als Kind getauft*» (крещенный в детстве). Он был другом бабушки Людвига по отцу, Фанни Фигдор, и наставником ее племянника, скрипача-виртуоза Йозефа Иоакима. Еще более «еврейским» и, следовательно, чуждым для употреблявших подобные термины было словцо «*Übergetreten*», означавшее тех, кто сознательно принял решение креститься.

> «С годами эти выражения распространились и среди евреев. "*Liegend getauft*" произносили с легкой насмешкой, а иногда даже с оттенком *Schadenfreude* [злорадства]: "das hat ihm auch nicht viel genützt" – "не больно-то это ему помогло". Или же под этим могло подразумеваться: его, в отличие от сознательно крестившихся, нельзя осуждать; да, он вырос католиком или протестантом, но это был не его выбор. Если же речь шла о человеке известном или знаменитом, о выдающемся деятеле культуры, всеобщем кумире, тогда, ко-

нечно же, гордо говорили: "он из наших", тем самым причисляя его к сообществу *Grosse Juden der Geschichte* ("великих евреев всех времен")».

Поппера тоже вполне могли бы назвать *Liegend getauft* — в отличие от Витгенштейна, в чьей семье корни христианства уходили гораздо глубже.

Чувство отчуждения от христианского большинства было уделом многих венских евреев — не только иудеев, но и христиан. Когда в двадцатые годы Поппер искал успокоения на абонементных концертах Арнольда Шенберга, он на многих производил впечатление человека странного, нелюдимого. Лона Трудинг, ученица Шенберга, вспоминает о Поппере как о «прекрасном человеке, таком же великом человеке, как и мыслителе. Он был не таким, как все. Он был чужаком в лучшем смысле этого слова». Очевидно, что Поппер подчеркнуто держался особняком. Историк Малахи Хакоэн делает фундаментальное обобщение: «Жизнь и работа этого изгнанника служат воплощением проблем, связанных с либерализмом, еврейской ассимиляцией и космополитизмом в Центральной Европе».

У Витгенштейна чувство отчужденности от мира тоже было частью натуры — но по несколько иным причинам. Как всякий, кто рос в роскоши, недостатка в общественном признании он не испытывал. Да, после Первой мировой войны Витгенштейн по собственной воле отказался от всех привилегий — но, по словам Теодора Редпата, он всегда осознавал себя «наследником богатого и знатного австрийского семейства, и порой это проявлялось в нем на удивление откровенно — например, он часто употреблял словечко "Рингштрассе" по отношению ко всему, на его взгляд, второсортному». Рингштрассе была и остается по сей день оживленной красивой улицей, опоясывающей центр Вены; для Вит-

генштейна же это слово обозначало показную, наносную роскошь, лишенную содержания. И хотя район Вены, окруженный Рингштрассе, был вполне фешенебельным, в устах Витгенштейна его название отнюдь не звучало синонимом высшего класса. Тем же презрительным тоном он в последние годы жизни отзывался о платьях юных леди на майском балу в Тринити-колледже — «мишура». Наверное, именно дешевой мишурой выглядели бы эти наряды на великолепных приемах в Пале Витгенштейн в дни его расцвета перед Первой мировой.

Это великолепие было сравнительно недавним. Стремительный социальный взлет Витгенштейнов, еврейской семьи из немецкого городка Хессе, — показательный пример толерантности во времена Франца-Иосифа. Дедушка Людвига, родом из семьи управляющего имением небогатого немецкого князя, сначала торговал шерстью, затем, уже в Вене, — недвижимостью; его сын, отец Людвига, стал промышленным магнатом и покровителем искусств, вошел в круг старинной аристократии — и все это за каких-то восемьдесят лет. И все же, как показал конец тридцатых годов, австрийское общество было зданием, возведенным на тончайшем льду.

Вене времен юности Витгенштейна и Поппера предстояло стать почвой, на которой взрастут Гитлер и Холокост, — или, как в кошмаре Карла Крауса, «испытательным полигоном для уничтожения мира». Писателю Герману Кестену Вена виделась «исчезнувшей волшебной сказкой Дикого Востока». Это был город «зарождения прекрасного в разлагающейся культуре». Под зарождением прекрасного подразумевалось интеллектуальное и творческое будущее: новое пыталось вырваться из удушающих объятий старого.

Истоки этих перемен следует искать в перевороте, вызванном стремительной индустриализацией в XIX

веке, — в промышленной революции, одним из движителей которой стал Карл Витгенштейн. На рубеже веков начало формироваться новое мировоззрение, которое отвергало и казавшиеся незыблемыми ценности эпохи Просвещения, и любовь к внешним знакам отличия, и покорность традициям — все, что тянуло империю вниз, сужало горизонты, препятствовало нововведениям. На смену всему этому пришло стремление к экспериментам, к приоритету функции над формой, к честности и ясности выражения.

Под самыми стенами Хофбурга, но бесконечно далеко от его диктата формальностей и традиций лежал этот город — город Эрнста Маха и теории неопределенного и колеблющегося «я»; город Фрейда и мощи бессознательного; город Шенберга и додекафонии, вытеснившей традиционную тональность. В этом городе в одно и то же время жили Артур Шницлер с его литературой внутреннего монолога и сексуального влечения как главной движущей силы человеческих отношений; Адольф Лоос, требовавший избавить архитектуру от украшений ради украшений; ненавидевший себя еврей Отто Вейнингер, чьей книгой «Пол и характер» был потрясен молодой Витгенштейн; Карл Краус, борец с фигурами речи, затемнявшими подлинное положение дел в политике и культуре. Стремление Крауса очистить от лжи язык общественной жизни созвучно размышлениям Витгенштейна о языке.

И ведущую роль в интеллектуальной жизни этого города играли евреи. Ассимилируясь, они органично вписывались в его космополитичный облик. Из перечисленных в предыдущем параграфе евреями были шестеро. Шенберг, правда, обратился в протестантизм, но, бросая вызов Гитлеру, вновь объявил себя иудеем. Когда в 1929 году Венский кружок официально начал свою деятельность, восемь из четырнадцати его членов были еврея-

ми, а кое-кого из остальных все принимали за евреев — например, Виктора Крафта. По этому поводу вспоминается совет сатирика Леона Хиршфельда путешественникам: «Старайтесь не быть в Вене слишком интересным или оригинальным, иначе в один прекрасный момент вас за глаза назовут евреем».

Оглядываясь в прошлое, еврейские интеллектуалы вспоминали империю Габсбургов как золотой век: высокая толерантность плюс разнообразие национальностей и культур — в этой атмосфере прекрасно чувствовали себя и евреи, хоть ортодоксы из Галиции, хоть «окультуренные» венцы. На этой почве возник даже парадоксальный аргумент в пользу империи как якобы самой прогрессивной и либеральной формы правления, при которой «расцветают все цветы».

В 1850-е — как раз в то время, когда дедушка Людвига по отцу, Герман Христиан Витгенштейн, перебрался в Вену из Лейпцига и начал торговать недвижимостью, — появился стишок, воспевавший свободный дух этого самого интернационального и космополитичного города Европы:

> Тот — католик, тот — турок, а тот — иудей,
> Но никто никому не бывал лиходей;
> Все веками блюдут без помех свой завет,
> И вражды не бывало меж ними и нет![1]

Если в 1857 году евреи составляли два процента населения Вены, то в 1900 году — уже девять процентов, и численность еврейского населения продолжала возрастать вплоть до войны, хотя уже и медленнее. Еврейская община Вены по величине была третьей в Европе, после Варшавы и Будапешта. Но даже эти внушительные цифры не отражают роли, которую играло австрийское

[1] Пер. Сергея Шоргина.

еврейство во всех областях жизни — кроме разве что императорского двора и правительства.

В 1913 году английский обозреватель Уикем Стид, корреспондент *The Times* в Австрии, не отличавшийся любовью к евреям, отмечал, что «с точки зрения экономики, политики и общего влияния на жизнь страны они — евреи — представляют собой наиболее существенный элемент Монархии». Даже мэр Вены в 1890-е годы Карл Люгер, член христианско-социальной партии, который и к власти-то пришел, введя в политический дискурс термин «антисемитизм», вынужден был сказать: «Я не враг венским евреям; они вовсе не плохи, и мы без них не можем... Евреи — единственные, кто всегда готов действовать». Между 1910-м и 1913-м годом безработный и нетрудоспособный Гитлер не выжил бы в Вене, если бы не еврейская благотворительность в пользу бездомных — вспомним Поппера-старшего! — и не еврейские лавочники, покупавшие его картины.

Еврейское происхождение закрывало путь на государственную службу и в высшие военные чины даже тем, кто уже не исповедовал иудаизм, поэтому евреям была прямая дорога в интеллектуальные профессии. В 1880-е годы евреи составляли треть учащихся в классических гимназиях и пятую часть — в реальных училищах. На медицинских факультетах евреи составляли почти половину студентов, на юридических — одну пятую, философских — одну шестую. Роберт Вистрих, исследователь истории венского еврейства времен империи, верно уловил прилив гражданской энергии, вызванный признанием гражданских прав евреев:

> «Со вступлением в силу конституции 1867 года, наделявшей всех австрийских граждан равными гражданскими и политическими правами, евреи проявили готовность применить свои творческие таланты... Они

создавали благотворительные учреждения, они основывали газеты и просветительские издания, они блистали в музыке и литературе, экономике и политике. Евреи внесли свой вклад в развитие Австрии как банкиры, филантропы, учителя, врачи, писатели, ученые... Более того, они плечом к плечу с австрийскими соотечественниками сражались за свою страну, в том числе и в духовных битвах».

Своим выдающимся положением евреи были обязаны Австрии — и платили ей преданностью. В этом свете, если помнить о многонациональности империи, не так уж странно звучит утверждение главного раввина Вены Адольфа Йеллинека, сделанное в 1883 году: «Евреи высоко подняли знамя единства Австрии». В те времена ходил анекдот, скорее горький, чем забавный, про то, как офицеры австро-венгерской армии сыплют землю на могилу погибшего товарища: мадьяр бросает горсть земли со словами: «За Венгрию!», чех — «За Чехию!», словак — «За Словакию!», поляк — «За Польшу!»... и только еврей произносит: «За Австрию».

Но никакая верность родине не могла уберечь от антисемитизма на государственном уровне. Во фразе императора Франца-Иосифа, обращенной к его дочери Марии-Валерии, слышится роковой парадокс: «Конечно, мы обязаны делать для защиты евреев все, что в наших силах; но, положа руку на сердце, кто из нас не антисемит?» (Сразу вспоминается высказывание бывшего дипломата, биографа и критика Гарольда Николсона: «Я ненавижу антисемитизм, но недолюбливаю евреев».) Как бы вольготно ни чувствовали себя евреи в интеллектуальной жизни Вены, в остальном город оставался глубоко антисемитским. За полвека до прихода Гитлера к власти сторонники Карла Люгера распевали: «Да здравствует Люгер, да сдохнут жиды!» Рост антисемитизма был горь-

ким плодом успехов австрийского еврейства. «Если на свете существует город, имеющий право зваться колыбелью современного политического антисемитизма, то этот город, безусловно, Вена», — к такому выводу пришел историк Петер Пульцер. И ни Витгенштейну, ни Попперу не удалось в полной мере избегнуть этого зла.

Когда в других европейских странах начались репрессии против евреев, спокойное существование австрийского еврейства было нарушено. Евреи Восточной Европы, спасаясь от погромов, хлынули в Вену, где становились *Luftmenschen* — «людьми воздуха»: нищенствовали, занимались мелкой торговлей, ходя от дома к дому с тележками и тюками. Эти обитатели самых бедных кварталов со своими пейсами, лапсердаками и меховыми шапками были, казалось бы, бесконечно далеки от своих (зачастую бывших) единоверцев из мира адвокатских и докторских кабинетов, редакций газет и журналов, вечерних посиделок в кофейнях; а уж от таких семейств, как Витгенштейны, их отделял поистине целый мир. Старейший друг Поппера, историк искусства Эрнст Гомбрих, уроженец Вены, писал о реакции на это «нашествие»:

> «Нужно признать, что западные евреи презирали восточных и жестоко высмеивали их за неспособность понять, принять и усвоить традиции западной культуры... Я не вправе осуждать или оправдывать этот антагонизм, однако очевидно, что ассимилированные венские евреи ощущали большее родство с нееврейскими соотечественниками, нежели с евреями, бежавшими с востока».

Евреи — представители среднего класса проводили четкую границу между местными и пришлыми евреями:

себя они называли *Krawattenjuden* — «евреи в галстуках», а беженцев из Восточной Европы — *Kaftanjuden*, «евреи в лапсердаках».

К концу века, когда австрийская экономика переживала серьезные трудности, антисемитские мотивы зазвучали настойчивее. Животной ненависти требовалось обоснование — и на место предрассудка пришла наука. Историк Стивен Беллер пишет:

> «...успехи биологии, воодушевлявшие социал-дарвинизм, национализм и расизм, стали угрозой либеральным принципам Просвещения, на которых держалась интеграция евреев в Центральной Европе. А в Вене, где бургомистр Карл Люгер и его приспешники из христианско-социальной партии умело подогревали старую, как мир, неприязнь к "маленькому человечку" еврейского происхождения, этот "биологический подъем", принявший форму "научного" антисемитизма, похоронил надежды евреев (и сочувствующих им) на эмансипацию».

Стоило отойти на шаг от основных областей еврейской жизни — и вскоре уже слышались крики «Saujud!» — «Грязный жид!». Теодор Герцль расстался с мечтой о всеобщей еврейской ассимиляции и крещении в Дунае и обратился к идее сионизма. В 1897 году он создал Всемирную сионистскую организацию. Поворот в его мировоззрении произошел после того, как он побывал в Париже на слушаниях по делу Дрейфуса — еврейского офицера французской армии, против которого были выдвинуты сфабрикованные обвинения.

Конец Первой мировой войны обернулся для Австро-Венгрии поражением и распадом, а для ее еврейства — трагическим переломом. Благополучие евреев было возможно лишь в атмосфере национального согласия —

атмосфере, которая в недолговечной Австрийской республике быстро сошла на нет. В студенческие годы Поппера антисемитизм в Вене стал еще более откровенным и злобным. На поверхности Вена оставалась прежней — блестящая космополитичная культурная столица *fin d'empire*. Однако ее внутренняя политика была чревата ненавистью. В самой столице у власти были социалисты, многие из которых были евреями, но страной управлял альянс католической, христианско-социальной и пангерманской партий, в которых антисемитизм рос как на дрожжах.

В войну еврейское население Вены выросло на треть: вновь беженцы с востока, чуждые буржуазной идее ассимиляции. Но и столица, и страна в целом были уже не те, что прежде. Это болезненное перерождение ощутил выдающийся ученый-гебраист Н. Х. Тур-Синай, бежавший из Вены:

> «Война изменила *raison d'être* города и его еврейства; не только вновь прибывшие со всей серьезностью их проблем, но и все венские евреи в каком-то смысле превратились в беженцев... Разрушены были самые основы еврейской жизни. Австрийцы больше никому не были нужны; теперь были только немцы».

Многонациональная империя рухнула, превратившись во множество обломков — мелких национальных государств. Все покровы культуры и цивилизации были сорваны, и евреи внезапно оказались в «немецкой» стране. Роберт Вистрих несколькими скупыми штрихами выразил ощущение неминуемой катастрофы: «После смерти [императора Франца-Иосифа] была дана воля варварству».

Еврейские интеллектуалы реагировали на события по-разному. Одни эмигрировали; другие ушли в комму-

нистическое подполье; третьи заинтересовались сионизмом и принялись переосмысливать свое еврейство. Многие были так уверены в незыблемости своего места в культурной жизни Вены, что не допускали и мысли об опасности. Некоторые даже поддержали католическое консервативное правительство, предпочитая из двух зол выбирать знакомое. Ко всему этому примешивалась, выражаясь словами Малахи Хакоэна, «тоска по "австрийской идее" либерально-плюралистического государства, которое существовало разве что в мечтах евреев и некоторых бюрократов времен Франца-Иосифа».

Семейство Витгенштейнов относилось к категории считавших, что их «тронуть не посмеют». Карл Поппер, со своей стороны, рассудил, что у него нет иного выбора, кроме эмиграции. Покидая родину, он взял с собой «австрийскую идею», и она обусловила его представление об идеальной модели общества. По мнению Хакоэна, Поппер «до конца своих дней оставался венским ассимилированным евреем с прогрессивными взглядами». Сам Поппер ни за что не согласился бы с таким определением. Назвать его евреем означало навлечь на себя самое искреннее и пылкое его возмущение. Однако же именно еврейство побудило его покинуть Австрию и удалиться в академическую провинцию, откуда он вернулся, желая многое доказать коллегам, но имея на это мало времени. Комнате Н3 предстояло стать трибуной для одной из первых таких демонстраций.

10

Поппер читает *Mein Kampf*

Протестант, точнее, евангельский христианин, но еврейского происхождения.

Поппер

В *Unended Quest* Карл Поппер писал: «После долгих раздумий мой отец решил, что жизнь в христианском обществе обязывает причинять этому обществу как можно меньше обид — то есть ассимилироваться». Отец Карла, Симон, был родом из Богемии, а дедушка и бабушка с материнской стороны — из Силезии (область, ныне принадлежащая Польше) и Венгрии. Евреи из тех краев были самыми «германизированными» в Империи. Малахи Хакоэн так описывает степень их слияния с венской культурой: «Они отправляли своих детей учиться в немецкие школы, работали "белыми воротничками" и трансформировали профессиональную элиту Вены». Ярким примером этой тенденции был отец Поппера, ставший компаньоном в юридической фирме последнего либерального мэра Вены Раймунда Грубля (отсюда и второе имя Карла Поппера — Раймунд). Мать Поппера, Женни Шифф, происходила из семьи еврейской *haute bourgeoisie*. Их семья, по мнению Хакоэна, служила воплощением трех добродетелей — «*Besitz* (собственность), *Recht* (закон) и *Kultur* (культура), превыше всего чтимых венскими либералами».

Религиозный выбор родителей Поппера — обращение в протестантскую, а не в католическую веру — тоже был вполне типичен для венских евреев: возможно, их

привлекала протестантская этика с ее упором на добросовестный труд и личную порядочность; а может быть, дело было в том, что переход в католицизм — правящую религию — казался слишком уж большим предательством.

Каково же было отношение самого Поппера к его еврейским корням? В 1936 году, обращаясь к английскому Совету поддержки ученых с просьбой помочь ему выехать из Австрии, Поппер писал о себе: «протестант, точнее, евангельский христианин, но еврейского происхождения». Отвечая на вопрос анкеты, хочет ли он, чтобы от его имени обратились за помощью к религиозным общинам, напротив строки «ортодоксальные иудеи» он написал решительное «НЕТ» — и подчеркнул двумя чертами.

Однако еврейское происхождение не зря называют «клубом с пожизненным членством». Как бы сам Поппер ни относился к своей национальности, он ничего не мог поделать с интересом к ней других людей — как евреев, так и нееврев. Например, в 1969 году тогдашний редактор *Jewish Year Book* обратился к сэру Карлу Попперу, профессору, с вопросом: хочет ли он, будучи евреем, числиться в разделе «Кто есть кто», «где упомянуты евреи, достигшие выдающихся успехов во всех областях жизни». На это Поппер ответил, что, несмотря на еврейское происхождение, его родители стали христианами еще до его рождения, что сам он был крещен в младенчестве и воспитан в протестантской вере, — после чего добавил:

> «Я не верю в идею рас; мне ненавистны любые формы расизма и национализма, и я никогда не принадлежал к иудейской вере. Таким образом, я не вижу, на каком основании я мог бы относить себя к евреям. Я сочувствую национальным меньшинствам, но евреем себя не

считаю, хотя это и вынуждает меня подчеркивать свое происхождение».

И тем не менее Поппер всегда осознавал свое еврейство. В 1984 году, выступив с резким протестом против политики Израиля в отношении арабов, он заявил: «Я вынужден стыдиться своего происхождения» (*sic*). Идею избранного народа он считал «отвратительной».

По мнению Поппера, евреи не вправе были надеяться, что будут признаны немцами, сохранив при этом свою веру. Он защищал выбор своего отца:

> «Это означало бросить вызов организованному иудаизму. Это означало прослыть трусом, дрожащим перед угрозой антисемитизма. Но ответ прост: антисемитизм — это зло, которого должны бояться все, и евреи, и неевреи, и задача всех людей еврейского происхождения — делать все возможное, чтобы не провоцировать его. Происходила ассимиляция; многие евреи уже слились с большинством населения. Люди, которых презирают из-за их происхождения, в ответ заявляют, что гордятся им; такая реакция считается естественной. И все же гордость такого рода не только нелепа, но и в корне неверна, даже если она спровоцирована расовой ненавистью. Всякий национализм и расизм есть зло, и еврейский национализм — не исключение».

Евреи должны понести свою часть вины и за антисемитизм, и за то, что стояли особняком по отношению к большинству. Этот подход напоминал призывы Карла Крауса: евреи должны выйти из культурно-социального гетто, в которое они сами себя загнали; только это принесет им освобождение.

В реальности полная ассимиляция была такой же иллюзией, как мечта Герцля о всеобщем крещении. Впро-

чем, у Поппера был иной взгляд, обусловленный его высоким мнением об империи Франца-Иосифа. Она, полагал Поппер, являла собой черновик либерально-космополитического общества, в котором все народы будут процветать в своем разнообразии. Яркой иллюстрацией тому была австро-венгерская армия, солдаты которой говорили чуть ли не на десяти языках. Историческая истина, однако же, была сложнее: царствование Франца-Иосифа было отмечено подъемом националистических настроений, с которыми он безуспешно пытался бороться, причем националисты ревностно блюли чистоту рядов.

Когда же после Первой мировой от империи откололись государства Центральной и Южной Европы, национализм разгулялся вовсю. Поппер осознал опасность, грозившую лично ему от рук тех, кто видел в нем еврея. Гитлер пришел к власти в Германии только в 1933 году, Германия поглотила Австрию только в 1938-м, но Поппер задолго до этого увидел тучи, сгущавшиеся над центральноевропейским еврейством, и прогнозы его были мрачны: «С 1929 года я ожидал, что Гитлер захватит власть, что он в той или иной форме захватит Австрию и что будет развязана война против Запада». Трудно отказать Попперу в прозорливости. Он прочел *Mein Kampf* и отнесся к этому очень серьезно. Он работал учителем и заканчивал *Logik der Forschung* («Логику научного открытия»), а по улицам Вены уже маршировали молодые люди со свастиками, «распевая нацистские песни». Один из рассказов Поппера заставляет вспомнить Геринга с его пресловутым «когда я слышу слово "культура", я хватаюсь за пистолет». Произошло это перед самым приходом Гитлера к власти. Поппер столкнулся с парнем из Каринтии в фашистской форме, с пистолетом. «Он сказал мне: "Что, поспорить хочешь? Я не спорю, я стреляю"». Возможно, именно этот случай, размышляет Поп-

пер, и посеял семя, из которого впоследствии выросло «Открытое общество».

В 1930-е годы дискриминация австрийских евреев усилилась как никогда прежде. Гитлер был уже на пороге, а дома со всех сторон давило клерикально-корпоративное государство. Роберт Вистрих пишет:

> «Богаты были евреи или бедны, ютились в гетто или выступали на подмостках "Бургтеатра", хранили верность иудейской вере или слились с христианским населением — все они служили мишенью для нападок венских антисемитов. Что бы ни делал еврей, везде его встречали предвзятость и враждебность».

Нацистская партия Австрии захватила власть над университетами, сделав их закрытой зоной для евреев, — студенты-нацисты не пускали их туда силой.

Худшее, однако же, было еще впереди. Но к тому времени Карла Поппера уже не было в Европе. Как только он задумался о том, чтобы оставить преподавание в школе, двери в академическую карьеру в Австрии захлопнулись окончательно, а ключи от них были у нацистов. Атмосфера становилась все невыносимее и в конце концов привела Поппера к решению, изменившему его судьбу и усилившему ощущение отверженности от нормального течения академической жизни. Это ощущение станет неотъемлемой частью его мировоззрения и вызреет в протест, который и вырвется наружу 25 октября 1946 года, на заседании Клуба моральных наук.

11

«Немножечко еврей!»

> Если я исчерпал все доводы, я достиг твердой породы, и лопата моя уперлась в камень. Тогда мне остается сказать: «Я просто делаю то, что делаю, вот и все».
>
> *Витгенштейн*

И Попперу, и Витгенштейну — второму даже с бóльшим основанием — можно было бы предъявить одно и то же обвинение: в их работах отражается явная ненависть к собственному еврейству, даже антисемитизм.

Если Поппера больше интересовало место еврейского народа во внешнем мире, в общественно-политической жизни, то Витгенштейн, как и следовало ожидать, был сосредоточен на мире внутреннем — как собственном, так и других людей. Его постоянно терзала идея, что еврейское происхождение — это механизм, контролирующий сознание; что евреи изначально, от рождения, думают определенным образом; что «еврейскость» (в том числе, разумеется, его собственная) ограничивает или искажает мысль.

Непросто представить, как в тридцатые годы в нем пробуждалось еврейское самосознание, ибо Витгенштейны в свое время сделали все, чтобы еврейство стало для них безвозвратным прошлым. Прадедушку Людвига по отцу звали Моисей Майер, но в 1858 году семья взяла фамилию Витгенштейн — в честь Сайн-Витгенштейнов, у которых Майер служил управляющим в Хессе. Многие ошибочно считали Людвига отпрыском этого германского княжеского семейства. В некрологе, опубликованном в *The Times*, сообщалось, что Витгенштейн происходил из знатного австрийского рода: «в числе его предков был князь Витгенштейн, воевавший против Наполеона».

Дед и бабушка Людвига по отцовской линии обратились в протестантизм, а еврейские предки со стороны матери с давних пор были христианами и вступали в христианские браки; сама она была католичкой, и Людвига крестили в ее веру. С точки зрения ортодоксального иудаизма Людвиг вообще не был евреем, поскольку еврейкой не была его бабушка с материнской стороны, Мария Штальнер. Но от нацистских преследований это, как мы увидим, не спасало. Обучавшая Витгенштейна в Кембридже русскому языку Фаня Паскаль, размышляя о его происхождении и крещении, делала вывод, что его нельзя считать евреем. В детстве, на Украине, она в полной мере испытала на себе антисемитизм царской России; по ее словам, о таких, как Витгенштейн, ее бабушка говорила: «Немножечко еврей».

Что думали о своих еврейских корнях сам Людвиг, его братья и сестры, — об этом можно судить по-разному. Для начала стоит вспомнить о том, как еще подростками Людвиг и Пауль захотели записаться в один венский спортивный клуб, куда вход евреям был закрыт. Людвиг думал, что невинная ложь позволит им обойти запрет, однако Пауль так не считал — и они нашли другой клуб. Если это правда, то непонятно, как трактовать другой случай: вскоре после аншлюса Пауль, «бледный от ужаса», объявил сестрам: «Мы считаемся евреями». Ужас его был вполне оправдан. В Германии уже три года действовали Нюрнбергские законы, согласно которым все евреи были лишены гражданских прав (оставаясь при этом подданными Германии). Музыкантам-евреям запрещалось выступать с концертами. Вена и Прага были наводнены еврейскими музыкантами из Германии, ищущими работу. Среди знакомых Пауля наверняка были такие люди. Однако его недоумение выглядит странно в свете реалистичности, проявленной им в ситуации со спортивным клубом.

Сохранилось еще одно семейное предание Витгенштейнов — о том, как Милли, одна из тетушек Людвига, спросила его дядю и своего брата Луиса, «верны ли слухи о том, что они евреи». «Pur sang [чистокровные], — ответил он. — Pur sang». Позже взгляды внучки Милли на их еврейское происхождение сыграют для семьи жизненно важную роль.

И, наконец, сам Людвиг. В начале Первой мировой, отправляясь добровольцем на фронт, он с мрачным предчувствием записал: «Мы можем проиграть эту войну и проиграем, не в этом году, так в следующем. Сама мысль о том, что наш народ будет побежден, страшно угнетает меня, потому что я целиком и полностью немец».

Все эти истории говорят об одном: Витгенштейны так глубоко вросли корнями в культуру католической Вены, что, хотя они и осознавали свое еврейское происхождение, в их жизни оно не играло совсем никакой роли. Они не то чтобы активно отрицали свое еврейство (хотя однажды Людвиг подошел к этому совсем близко, после чего терзался чувством вины) — они его просто не замечали.

И их трудно в этом упрекнуть. Пауль Энгельман, еврей и друг Людвига, утверждал, что Витгенштейн не осознавал своего происхождения вплоть до 1938 года: «В некоторых случаях — взять хотя бы Отто Вейнингера и Карла Крауса, которыми Людвиг восхищался — явно прослеживается влияние специфического еврейского окружения; и, конечно же, эти люди воспринимали себя как евреев. Но еврейские корни самого Витгенштейна были слишком далеки, чтобы как-то на него повлиять, и он, похоже, вообще не вспоминал о них до самого аншлюса».

Но какое бы впечатление ни производил Витгенштейн на Энгельмана, знавшего его со времен Первой мировой, все-таки в тридцатые годы он пережил глубинное осознание своего еврейства. Именно в этот период

он писал размышления о еврействе и составлял «исповеди» в грехах, которые в 1931-м и 1937-м зачитывал избранным друзьям и знакомым — напуганным этими признаниями и зачастую не желающим их слушать. Один из его «грехов» состоял в следующем: он не опроверг заблуждения тех, кто считал, что в нем не три четверти еврейской крови, а всего четверть. Если бы соображения, изложенные ниже, принадлежали перу другого автора (скажем, Т. С. Элиота), их бы заклеймили как откровенно антисемитские:

> «Порой говорят, что такие черты еврейской природы, как скрытность и хитрость, порождены постоянными гонениями. Это, конечно же, неверно; напротив, нет сомнений, что именно природная скрытность и позволяет евреям пережить все преследования.
>
> История евреев в контексте истории народов Европы не оценена так, как того заслуживает степень их вмешательства в европейские дела, поскольку их присутствие в этой истории ощущается как своего рода болезнь, аномалия, и никто не хочет ставить болезнь на одну доску с нормальной жизнью... Можно сказать так: народ сможет считать эту опухоль естественной частью своего организма, только полностью изменив восприятие этого организма, — иначе он будет, в лучшем случае, терпеть ее. Такой терпимости, или безразличия к подобным вещам, можно ожидать от одного человека, но не от целого народа, ибо именно небезразличие к подобным вещам и делает людей народом»[1].

[1] Этот пассаж — из «Культуры и ценности» под редакцией Г. Х. Фон Вригта. Питер Уинч, переведший этот текст на английский, передает «Beule» словом «tumour» («опухоль»). Директор архива Витгенштейна в Кембридже Михаэль Недо, немец по национальности, отмечает, что точнее было бы переводить это слово как «bump» («шишка, выпуклость»).

Еще Витгенштейн винит себя в том, что способен мыслить только «репродуктивно», подхватывая оригинальные идеи других (неевреев). В его глазах это — типично еврейская черта: «даже величайшие еврейские мыслители были не более чем талантливы (взять, например, меня)». Очередное широкое обобщение по поводу еврейского ума. Позже, беседуя со своим кембриджским другом Морисом О'Коннором Друри о религиозных чувствах, он упомянет свои «стопроцентно иудейские» мысли.

Пока Витгенштейн размышлял о том, что значит быть евреем, немецкие газеты и радиостанции на все голоса пели славословия Гитлеру. Цитируя фрагмент, приведенный выше, биограф Витгенштейна Рэй Монк вынужден отметить — и, судя по всему, это признание дается ему нелегко: «В замечаниях Витгенштейна о евреях ужаснее всего использование языка — точнее, лозунгов — из области расизма и антисемитизма... Многие самые вопиющие заявления Гитлера... весь этот навязчивый бред находит параллели в витгенштейновских записях 1931 года». Собственно, витгенштейновский «навязчивый бред» содержит характеристику евреев как чужеродного тела в кровотоке нации. Витгенштейн — в отличие от Крауса и Поппера — судя по всему, считал, что ассимиляция евреев невозможна; напротив, попытка евреев слиться с тем или иным обществом виделась ему угрозой для этого общества. Именно такое мышление и легло в основу фашистских Нюрнбергских законов.

Монк, однако же, дистанцирует Витгенштейна от *Mein Kampf*, говоря, что стиль нацистских лозунгов был для него «в каком-то смысле метафорой самого себя», стремившегося начать все сначала. Между двумя своими «исповедями» Витгенштейн успел побывать в Советском Союзе, где собирался жить и работать — хоть преподавать в университете, хоть заниматься физическим тру-

дом. Самое простое объяснение его вопиющих высказываний о еврействе, «исповедей», поездки в Союз заключается в том, что все это были элементы, выражаясь словами Рэя Монка, «процесса очищения» — непреодолимого побуждения докопаться до дна, до твердого основания, и начать строить заново. Нечто подобное, полагал Витгенштейн, необходимо было проделать и в политике, чтобы выкорчевать старое и преодолеть застой. Потому-то он и относился сочувственно к стремлению Сталина перестроить жизнь в Советском Союзе — «до основанья, а затем...». Фаня Паскаль с содроганием вспоминает как-то сказанное ей Витгенштейном, что (умственная) ампутация сделает его здоровее. Он был словно дерево: если не обрубать ветви — захиреет и умрет.

Не похоже, чтобы Витгенштейн когда-нибудь пожалел о сказанном или изменил точку зрения на еврейство. Ибо мораль, которую он выводил из своих размышлений, не имеет ни малейшего сходства с *Mein Kampf*, хотя отчасти и подражает ей по образности, по фигурам речи. Зато эта мораль полностью согласуется с ответом Витгенштейна на вопрос: «Как нам жить?» Он не рассматривал характерные еврейские черты как нечто злонамеренное. Единственная вина евреев состояла в их неспособности осознать свою природу. Честность же требовала признать свою ограниченность.

Примечательно, что его размышления касались только национальных черт евреев, но не религиозной жизни. Гораздо позже, в 1949 году, Витгенштейн говорил О. К. Боувсма, что «не понимает современного иудаизма. Что от него осталось после того, как перестали практиковать жертвоприношения? Молитвы да песнопения».

Разумеется, и Витгенштейн, и Поппер глубоко переживали захват Австрии Германией 12 марта 1938 года.

Два дня спустя Гитлер с балкона Хофбурга, бывшего императорского дворца, держал речь перед сотнями тысяч венцев — считается, что ни до, ни после столько австрийцев не собиралось в одном месте, — восторженно приветствовавших его с Хельденплац — Площади героев. «Как фюрер и канцлер немецкого народа, — говорил он, — я заявляю перед лицом истории, что моя родина присоединилась к Рейху».

Аншлюс вынудит Витгенштейна лицом к лицу столкнуться с фактом собственного еврейства — и с высокими фашистскими чинами в Берлине.

12

Малыш Люки

Я только что от рейхсфюрера: фюрер отдал приказ о физическом уничтожении евреев.
Рейнхард Гейдрих, обергруппенфюрер СС

...нервное напряжение последнего месяца или двух. (Моя семья в Вене в большой беде.)
Витгенштейн

В июне 1938 года, когда Карл Поппер понемногу обустраивался на новом месте, преодолевая неудобства академической жизни в Новой Зеландии, Людвиг Витгенштейн вел переговоры в Берлине, спасая от СС своих сестер и других членов семьи.

Нюрнбергские законы действовали в Германии с 1935 года, и Австрия давно уже страдала от фашистского давления, но Витгенштейны все еще не ощущали в этом никакой опасности для себя. Может быть, в повседневной жизни тема их еврейского происхождения попросту не всплывала. Может быть, они боялись признаться себе в том, что происходит. А может быть, им казалось — и это нетрудно понять, — что положение в высшем обществе Вены делает их неуязвимыми. В 1920 году, узнав, что Людвиг собирается стать учителем в скромной деревенской школе, потрясенный Пауль написал ему письмо, напоминая о «невероятной славе имени, которое в Австрии носим только мы, о широчайшем круге знакомств нашего отца, дяди Луиса, тети Клары, о наших владениях, разбросанных по всей стране, о благотворительных деяниях...»

Размышляя о том, какие последствия будет иметь для Германии приход нацистов к власти, Витгенштейн по-

дозревал худшее: «Подумать только, что бывает, когда власть в стране захватывает шайка бандитов. Возвращение Средневековья. Не удивлюсь... если снова начнется охота на ведьм, и людей будут заживо сжигать на кострах». Но несмотря на столь мрачные прогнозы, ему как будто и в голову не приходило, что все это может отразиться и на Австрии. Он просто не помнил четырнадцатилетнего Адольфа Гитлера, учившегося в Линце в той же школе, что и он, но двумя классами младше, — как тот носил цветок подсолнуха в знах верности Великому Рейху, размахивал красно-черно-золотым флагом и приветствовал своих товарищей возгласом «Хайль!» Посему газетные сообщения о том, что Германия намеревается ввести войска на его родину, Людвиг объявлял нелепыми слухами: «Гитлеру не нужна Австрия. Какая ему от нее польза?»

Это мнение было высказано им буквально накануне аншлюса. Философом он был лучшим, нежели провидцем. Но, вспоминает Друри, услышав на следующий день, что Гитлер вошел в Австрию, Витгенштейн, «к моему удивлению, не выглядел чрезмерно встревоженным. Я спросил, грозит ли опасность его сестрам. [Он ответил] "Они слишком респектабельны, никто не посмеет их тронуть"». Это были отголоски письма Пауля двадцатилетней давности — о высоком положении Витгенштейнов в австрийском свете. В глубине души, однако, Витгенштейн был обеспокоен сильнее, чем позволял себе обнаруживать.

В Вене все сразу стало ясно — как в ужасе осознал Пауль, теперь они считались евреями. А это означало большую беду. Притеснения евреев в Австрии начались мгновенно и были еще более жестокими, чем в самой Германии; австрийцы словно стремились наверстать упущенное. Уже через день после речи Гитлера на Хель-

денплац еврейские чиновники и судьи были вышвырнуты с работы, мелкие промышленники — убиты, а врачи и адвокаты под улюлюканье толпы зубными щетками соскребали с тротуаров лозунги против аншлюса. Были разграблены дома, магазины, предприятия, принадлежавшие евреям.

«Не щадили никого», — вспоминает очевидец тех событий, англичанин Норман Бентуич. Он помнит «первобытную жестокость, гонения и то отчаяние, до которого была доведена еврейская община Вены — одна из культурнейших в мире и третья по величине в Европе. Очереди у консульств змеились на целые мили, и стоявшие в них непрерывно подвергались нападкам и издевательствам».

В апреле за воссоединение с Германией проголосовало 99,71% населения — и нельзя сказать, что эта цифра не отражает настроения австрийцев в период, когда объединение уже было свершившимся фактом. Однако следует помнить, что плебисцит и сам опрос проводились под вездесущим нацистским надзором и что католическая церковь настоятельно просила своих прихожан поддержать аншлюс, называя это «национальным долгом». Вскоре после опроса Геринг объявил, что через четыре года Вена будет «*judenrein*» (очищена от евреев): «Их тут не останется». Однако Линц, родину фюрера, требовалось очистить от евреев немедленно!

На этом этапе политика фашистов состояла в том, чтобы вытеснить евреев из страны, принудив к эмиграции. Насколько сильным было давление, можно судить по цифрам. В промежутке между мартовским аншлюсом и ноябрьской «Хрустальной ночью» Австрию — или, как ее теперь называли, Остмарк — покинули пятьдесят тысяч евреев, а к маю 1939 года в стране осталось меньше половины изначального еврейского населения.

Для фашистской экономики эмиграция, помимо прочего, означала пополнение казны Рейха за счет разграбления евреев. Новая власть стремительно шла к этой цели. Геринг приказал произвести учет всех еврейских предприятий; общая цифра составила два с четвертью миллиарда рейхсмарок, не считая стоимости жилых зданий. С 14 апреля был введен эмиграционный налог, *Reichsfluchtsteuer*, составлявший 25% всего налогооблагаемого имущества. Всякий эмигрант считался врагом Рейха, поэтому любое оставшееся в стране имущество стоимостью более пяти тысяч рейхсмарок подлежало конфискации. А с 27 апреля регистрации подлежал весь капитал, превышающий пять тысяч рейхсмарок, — чтобы ничего не было тайком вывезено или припрятано.

В ноябре 1938 года прогремела «Хрустальная ночь» — тщательно подготовленный «акт мести» за немецкого дипломата, убитого в Париже еврейским юношей. Семью этого юноши в числе пятнадцати тысяч других польских евреев власти Германии насильственно выдворили из страны — и люди оказались под открытым небом, на «ничьей земле» между Германией и Польшей. По всей «Великой Германии» прокатилась волна насилия: были осквернены сотни синагог, разгромлены тысячи еврейских домов, магазинов, школ. Все это происходило по велению нацистской партии — и по ее же велению было прекращено, когда руководство сочло, что дело зашло слишком далеко. В Австрии причиненный ущерб был оценен в 4 миллиона долларов. В довершение ко всему австрийской еврейской общине пришлось выплачивать свою часть контрибуции, наложенной на евреев Германии (*Judenvermögensabgabe*), — 20—25% имущества стоимостью выше пяти тысяч марок. Налог на эмиграцию вместе со штрафом составил два миллиарда рейхсмарок — и все эти деньги шли на вооружение.

Несмотря на тревоги Пауля, сестры — Гермина и Хелена — вполне могли полагать, что они надежно защищены от забот и тревог венской еврейской общины. Они не имели к ней никакого отношения и не участвовали в ее делах. Семья стремилась к полной ассимиляции — так распорядился дедушка Людвига по отцу Герман Христиан, запретивший одиннадцати своим детям вступать в браки с евреями. Однако отец Людвига, Карл, нарушил этот запрет и женился на полуеврейке — правда, из семьи, давно обращенной в католичество. В итоге дети Карла были на три четверти евреями по крови, если и не по внешнему облику. Но после того как 31 мая 1938 года в Австрии начали действовать Нюрнбергские законы, семье Витгенштейнов наверняка пришлось распрощаться с иллюзией собственной неуязвимости. (Все это не касалось Маргарет, которая была замужем за американцем и в годы войны жила в Нью-Йорке. Ее старший сын Томас был агентом Управления стратегических служб, а младший, Джон, служил в военной разведке Канады.)

Цель Нюрнбергских законов, как объявил Гитлер на специальном заседании рейхстага после съезда партии в Нюрнберге в сентябре 1935 года, состояла в создании правового режима, в рамках которого немецкий *Volk* должен строить отношения с евреями. Этот режим включал в себя понятие «граждане рейха»; немецкие евреи этого звания лишались. Они становились бесправными, чужаками в собственной стране; только тот, в чьих жилах текла арийская кровь, мог именоваться *Reichbürger* и наслаждаться всей полнотой социально-политических прав. Эти законы, говоря в исторической терминологии, отменяли эмансипацию евреев. Кроме того, они запрещали браки и внебрачные связи между немцами и евреями — чистота арийской крови была провозглашена необходимым условием выживания *Volk*. Из всего этого

вытекал вопрос, жизненно важный для семейства Витгенштейнов с момента аншлюса: кого считать евреем? К моменту речи Гитлера окончательный ответ уже был сформулирован.

Главную проблему представлял статус тех, кого нацисты именовали «*Mischlinge*», то есть «с примесью еврейской крови». После долгих препирательств между нацистской партией (стремящейся раскинуть сети как можно шире) и государственными чиновниками (желавшими, напротив, сузить охват в практических целях) был издан ряд дополнительных указов. Нацисты были вынуждены принять во внимание высокую степень ассимиляции в немецком обществе. Межнациональные браки заключались веками, и чересчур жесткие законы повлекли бы за собой недовольство слишком многих немцев, чьи жены и мужья имели еврейское происхождение.

Теоретики расовой чистоты решили проблему *Mischlinge*, приняв за исходное поколение дедушек и бабушек. Евреями считались те, у кого трое из четырех предков имели сто процентов еврейской крови. Когда стопроцентными евреями были только двое из четырех предков, их потомок считался евреем только в том случае, если он исповедовал иудаизм или состоял в браке с евреем. Но это не значит, что «полуевреев» фашистский террор обходил стороной. Арийцами и, следовательно, полноправными гражданами Германии они все равно не были и жили в постоянном страхе за свою жизнь, заклейменные ярлыком «*Mischlinge* первой степени».

Каков же был, согласно этим законам, статус Людвига Витгенштейна, его сестер и брата? Если их отец Карл был чистокровным евреем, а мать Леопольдина — наполовину , тогда они считались бы в полной мере евреями и лишались бы прав *Reichsburger*. Если отец был евреем лишь наполовину, они назывались бы «*Mischlinge* первой

степени». А вот если бы удалось доказать, что евреем был только кто-то один из их бабушек и дедушек, тогда они звались бы «*Mischlinge* второй степени». Это заметно повысило бы их шансы избегнуть преследований и сохранить собственность.

15 июля 1938 года Пауль, Гермина и Хелена зарегистрировали свое имущество согласно требованиям к евреям, — но при этом сделали оговорку: они заявили, что ждут пересмотра своего расового статуса, поскольку их дед по отцу, Герман Христиан, был евреем только на пятьдесят процентов.

Процедура «*Befreiung*» — изменения статуса еврея на *Mischlinge* первой или второй степени, или *Mischlinge* на арийца — существовала в Третьем рейхе с 1935 года. Однако было еще и такое понятие, как *Befreiung* за заслуги — верную службу родине или партии. Этим занимался заместитель Гитлера Рудольф Гесс. Он мог изменить расовый статус «полукровок» и членов их семей, которые служили в Армии с первых дней войны 1914 года или участвовали в боевых действиях на стороне Германии или ее союзников, — по принципу «верность должна быть вознаграждена».

И Людвиг, и Пауль в свое время отправились добровольцами на фронт, были ранены и отмечены наградами. Посему первая попытка Витгенштейнов вырваться из тисков Нюрнбергских законов состояла в следующем: Гермина предъявила список медалей, полученных Паулем и Людвигом в Первую мировую войну, — свидетельство того, что их семья преданно и отважно служила Австрии. Эти вопросы решались «в верхах», в Берлине, Министерством внутренних дел и рейхсканцелярией; туда-то Гермина и Пауль и повезли медали. Однако к 1938 году фюрер уже выразил неудовольствие обилием прошений подобного рода: «Я получаю горы таких заявлений, целые горы, *meine Parteigenossen*! На свете на-

верняка есть евреи и поскромнее, чем в Третьем рейхе. Возмутительно! Я этого не потерплю!»

Летом 1938 года сестер ждал еще один удар. Пауль, единственный, на чью заботу и помощь они могли рассчитывать, принял решение об эмиграции. Потеряв в 1914 году на русском фронте правую руку, он много лет прилагал огромные усилия, чтобы оставаться концертирующим пианистом; свободное время он посвящал загородным прогулкам. Теперь первое стало невозможным, а второе — опасным для жизни. Он воевал за Австрию, за Австрию он лишился руки — и теперь у себя на родине был лишен возможности делать то, что любил больше всего на свете. Вероятно, именно это стало последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Но была и другая причина. У Пауля, о чем не ведали родные, были две маленькие дочки — Элизабет и Иоганна. Их матери Хильде, австрийке-католичке, Пауль давал частные уроки фортепиано — вероятно, благотворительные. Одаренная, любившая Бетховена, она происходила из типичной пригородной венской семьи — впрочем, не из такой, какая снискала бы одобрение сестер Пауля. Отец Хильды был трамвайным кондуктором. Однако в этой истории были и более важные обстоятельства. Хильда была на двадцать восемь лет моложе Пауля, и она была слепа. Она потеряла зрение в возрасте шести лет, в 1921 году, переболев дифтерией и корью. Однорукий пианист средних лет и его юная слепая ученица были искренне и глубоко привязаны друг к другу. Это была настоящая любовь, и можно себе представить, как беспокоило Пауля будущее Хильды. Он боялся, что детей отнимут у матери и воспитают в нацистском духе. На чашу весов было брошено все — богатство, семья, карьера музыканта.

Пауль просил Гермину и Хелену поехать с ним, но они отказались, и он один отправился в Швейцарию.

Оттуда он совершил путешествие в Англию к Людвигу, рассказал ему о своей семье и попросил совета — где обосноваться. Брат порекомендовал Америку. Пауль покинул Европу в апреле 1939 года, благополучно обосновался в Нью-Йорке, и впоследствии занял очень жесткую позицию в переговорах семейства Витгенштейнов с Рейхом. Путь к нему Хильды и детей оказался долгим. В сопровождении друга семьи они отправились из Вены в Италию, а оттуда, после многих треволнений, — в Швейцарию, где им пришлось задержаться на несколько месяцев. Затем они вернулись в Италию и на борту маленького генуэзского лайнера, битком набитого беженцами — одного из последних, — после долгих мытарств добрались до Венесуэлы; следующим пунктом следования была Панама и, наконец, Куба, где их встретил Пауль и привез в Нью-Йорк.

Пауль вырвался из Европы буквально за месяц до того, как шеф швейцарской полиции Генрих Ротмунд отправился в Берлин, гордый успехами своей кампании против «иудаизации» Швейцарии. В столице он потребовал, чтобы власти Германии ставили евреям в паспорта штамп, красную букву J, по которой швейцарские пограничники будут распознавать евреев и преграждать им путь в страну.

Возникает правомерный вопрос: почему все Витгенштейны не воспользовались своим богатством, чтобы выехать из страны? С разрешением на эмиграцию проблем бы не возникло: в то время нацисты рассматривали огромный налог на эмиграцию, которым облагали богатых евреев, как средство для финансирования отъезда тех, кто были победнее. Но все же для обеих сестер Вена была родным домом, а Хелена к тому же не могла оставить своего больного мужа, Макса Зальцера. С отъездом Пауля жизнь их стала еще труднее, да и в международной политике сгущались тучи. Тревога и страх — толь-

ко этим, наверное, можно объяснить нелепый шаг, который они предприняли, пытаясь обезопасить себя.

Осенью 1938 года Гермина и Хелена приобрели поддельные югославские паспорта. Они надеялись, что югославским гражданам будет легче покинуть страну, если бежать все-таки придется. Полиция почти сразу же схватила изготовителей фальшивых паспортов; сестер тоже арестовали. В тюрьме, правда, они пробыли недолго, но это сказалось на их здоровье. Каким, должно быть, мрачным казалось будущее этим достойным и благородным дамам, не желавшим ни роскоши, ни славы и сделавшим благотворительность главным принципом своей жизни в родном городе! В октябре 1938 года Людвиг признался Дж. Э. Муру, что мысли об их судьбе не дают ему покоя.

Вся надежда семьи теперь была связана с заявлением, которое они сделали в июле: они представят доказательства того, что их дед по отцу Герман Христиан Витгенштейн не был евреем. Это означало бы шанс на изменение расового статуса — в случае благополучного «решения вопроса» они бы считались уже не евреями, а полуевреями. Внучка их тети Милли, Бригитта Цвиауэр, уже начала действовать. В сентябре 1938 года она подала в *Reichsstelle fur Sippenforschung* — Берлинское правительственное бюро генеалогических расследований — прошение, в котором доказывала, что Герман Христиан Витгенштейн был внебрачным потомком княжеского рода Вальдек. К прошению была приложена фотография его детей, якобы совершенно непохожих на евреев. Действительно ли Герман Христиан был незаконнорожденным? Сын Маргарет, Джон Стонборо, считает, что это «маловероятно, но все же возможно»; в конце концов, отмечает он, семья Мейеров-Витгенштейнов пользовалась княжеским покровительством, живя в Хессе.

И все же путь к спасению крылся скорее в средствах семьи, нежели в ее родословной. Берлинский рейхсбанк

заинтересовался богатством Витгенштейнов, немалая часть которого находилась в Соединенных Штатах. Гитлеровской военной машине требовались деньги: в ноябре 1938 года Геринг заявил совету обороны Рейха, что перевооружение истощило резервы иностранной валюты — и это несмотря на приток средств в результате аншлюса и ограбления австрийского еврейства.

Насколько богаты были Витгенштейны? Никто из детей не пошел по стопам отца и не занялся сталелитейным бизнесом, да и бизнесом вообще; поэтому очень вероятно, что с 1913 года, когда умер Карл, состояние семьи не увеличивалось. Напротив, скорее всего, оно пострадало из-за депрессии и инфляции, постигшей после войны молодую Австрийскую республику. И все же прозорливость Карла, переведшего свой капитал за границу — в основном в США, Голландию и Швейцарию, — позволила семье сравнительно безбедно пережить великую инфляцию, которая разорила Попперов. Однако, когда Людвиг в 1919 году отказался от наследства в пользу брата и сестер, Гермина — старшая из сестер и глава семьи — утверждала, что Витгенштейны «потеряли большую часть своего состояния». Мировой экономический кризис тридцатых годов тоже не мог не сказаться на их положении; однако в 1938 году Людвиг говорил Кейнсу: «мои родные, которые были очень богаты до войны, и сейчас еще вполне состоятельны».

Все это, конечно, относительно — что поймет всякий, кому доведется увидеть бывший особняк Хелены на Брамсплац, 4. Состояние семьи в 1920 году оценивалось в двести миллионов долларов, да и в 1938-м Витгенштейны оставались одним из богатейших семейств Австрии. Кроме упомянутого здания, им принадлежал дом 7 на той же Брамсплац и еще одиннадцать городских домов, в том числе три главных фамильных резиденции. Это не считая Хохрайта — огромного загородного име-

ния, окруженного лесом, тоже принадлежащим Витгенштейнам. Составленный Паулем при регистрации список основных капиталов в ценных бумагах, включая акции тридцати ведущих американских компаний, занял более пяти больших страниц убористой печати. В числе задекларированных ценностей была и коллекция антикварных струнных инструментов, среди которых значилась скрипка Страдивари. Немудрено, что для рейхсбанка зарубежная собственность Витгенштейнов была желанной целью — и рычагом давления в переговорах об изменении расового статуса.

Согласно одному источнику, за помощью в этой сделке сестры обратились к венскому адвокату, специалисту по защите коммерческих интересов доктору Артуру Зейсс-Инкварту, который позже был осужден на Нюрнбергском процессе как один из главных военных преступников и повешен. По удивительному совпадению, когда канадская военная разведка арестовала его, переводчиком был назначен Джон Стонборо, племянник Витгенштейна. Джон не хотел, чтобы арестованный догадался о его принадлежности к семье Витгенштейнов, и даже попытался избежать встречи с ним, сказав производившему задержание американцу: «Когда он увидит наручники, переводчик ему не понадобится».

Зейсс-Инкварт был, по сути, человеком Гитлера в Австрии, связующим звеном между национал-социалистами и властями Австрии в годы, предшествовавшие аншлюсу. Перед самым аншлюсом его карьера достигла пика: от министра внутренних дел в последние дни Австрийской республики до обергруппенфюрера СС и *Reichsstatthalter,* то есть губернатора, провинции Остмарк (бывшей Австрии) в Третьем рейхе — на этом посту он продержался до апреля 1939 года. Позже он был заместителем Ганса Франка, генерал-губернатора Польши, а затем стал генерал-губернатором Нидерландов и руково-

дил депортацией голландских евреев.

С учетом этих обстоятельств трудно поверить, что Зейсс-Инкварт стал бы защищать интересы Витгенштейнов, хотя их прошение об изменении расового статуса и было направлено в июле 1938 года в его ведомство — в канцелярию *Reichsstatthalter* — и, надо сказать, не принесло никаких результатов. Однако некая связь между Витгенштейнами и Зейсс-Инквартом все-таки имелась: занимаясь благотворительностью, Маргарет познакомилась с братом последнего, Рихардом — директором государственного приюта для «трудных» детей. Нацистом Рихард не был. После войны она посылала его семье продуктовые посылки. Очень вероятно, что именно заступничество Рихарда позволило Паулю выехать в Швейцарию.

Так или иначе, после того как в дело вмешался рейхсбанк, Витгенштейны вели переговоры уже напрямую с берлинскими властями, а окончательное решение принимал сам Гитлер. О том, как трудно было получить *Befreiung*, красноречиво говорят цифры: в 1939 году было подано две тысячи сто просьб об изменении расового статуса; фюрер удовлетворил только двенадцать.

Трагедия одной из просительниц в контексте судьбы Витгенштейнов особенно показательна. Гарриет Фрайфрау фон Кампе была внучкой Герсона Блайхредера — иудея, бисмарковского банкира и в свое время самого богатого человека Германии. Муж ее происходил из аристократической прусской семьи. Когда все прочие пути к *Befreiung* были перекрыты, она предложила передать в дар Рейху все свое состояние, утверждая при этом, что ее настоящий отец — не Блайхредер, а «один ариец». Ответ на это был прост: 1942 год, Рига, концлагерь. Ее братья просили не применять к ним антиеврейских репрессивных мер — на том основании, что они воевали за Германию, поддерживали нацистскую партию с первых

дней ее основания и намеревались получить статус полноценных арийцев. Оберштурмфюрер СС Адольф Эйхман, к декабрю 1942-го единолично распоряжавшийся разрешениями на выезд и эвакуацией евреев со всей территории Рейха, ни одного из этих прошений не удовлетворил: братья продолжали считаться евреями, «особенно в свете того, что фюрер неоднократно выражал свою волю по этому поводу». На Восток их, правда, не выслали, им удалось бежать в Швейцарию, но они были уже совсем нищие.

Витгенштейнам повезло больше — и это позволяет предположить, что решающую роль тут сыграло не столько их богатство, сколько проблемы, с которыми столкнулся Рейхсбанк, пытаясь прибрать его к рукам. Очевидно, что этот вопрос решался не в провинциальном Остмарке, а на высшем уровне, в Берлине.

При поддержке трех юристов (один — американский, второй отвечал за семейную холдинговую компанию, третий — венский адвокат, нанятый, что примечательно, по предложению нацистской стороны) Маргарет, Бригитта Цвиауэр и Людвиг вели переговоры с канцелярией Рейха, Министерством внутренних дел и валютным отделом рейхсбанка. Роль *Reichsstelle fur Sippenforschung* — бюро, в которое, собственно, и подавался запрос, — была, по всей видимости, сведена к получению приказов свыше.

Основа сделки заключалась в том, что прошение Бригитты будет удовлетворено, если изрядная часть семейных денег перейдет с зарубежных счетов на счета Рейхсбанка. Но нарастала угроза войны, и переговоры затягивались. Пока другие члены семьи, пытаясь урегулировать этот вопрос, постоянно переезжали то в Цюрих, то в Берлин, то в Нью-Йорк, сестры оставались в Вене, вне себя от тревоги и страха.

Гитлер уже заявил, что, если евреям «удастся вновь втянуть народы в мировую войну, последствием станет

уничтожение всей еврейской расы в Европе». Уже была разделена и захвачена Чехословакия. Уже был заключен пакт со Сталиным. А Витгенштейны все вели переговоры с рейхсбанком — и друг с другом.

Пауль, уже живший в Америке, счел обсуждавшуюся сумму непомерно большой и для защиты своих интересов нанял собственного нью-йоркского адвоката — Сэмюэля Р. Вахтеля из фирмы *Wahtell, Manheim & Group*. Заплатить Рейху ровно столько, сколько необходимо, чтобы обеспечить безопасность сестер, и ни цента больше — такова была позиция Пауля. Нацистские власти занимаются шантажом, а когда имеешь дело с шантажистами, ни в коем случае нельзя давать слабину и идти на уступки. В письме к Людвигу Вахтель сообщал, что его клиент сделал предложение, которое должно было устроить Рейхсбанк, но банк предпочел надавить на сестер в Вене, чтобы они уговорили брата заплатить больше. Один из нанятых сестрами адвокатов, доктор Шене, убеждал Пауля принять условия Рейхсбанка, намекая, что в противном случае его клиенткам грозит опасность. О том же просила его и Маргарет, которую Пауль считал слишком слабохарактерной. Он бывал очень раздражителен с теми, кто не желал разделять его взгляды.

Какова была во всей этой истории роль Людвига? Через неделю после аншлюса его кембриджский друг, итальянский экономист Пьеро Сраффа, предостерег его против поездки в Австрию, где он теперь был бы подданным Германии. Витгенштейн вынужден был признаться себе, что становиться немцем страшно — «как прикасаться к раскаленному железу» — и что, будучи евреем, он попросту не сможет выехать из Австрии.

18 марта 1938 года он писал Кейнсу: «После аннексии Австрии Германией я стал немецким гражданином и, по

законам Германии, немецким евреем (поскольку трое из моих бабушек и дедушек были крещены во взрослом возрасте)». Хорошо, что эти строки, равно как и более ранние «исповеди» о трех четвертях еврейской крови, не попались на глаза Эйхману. Но будущее семьи пока не вызывало у Витгенштейна опасений: «Почти все мои родные в Вене — люди скромные, весьма уважаемые, всегда отличавшиеся патриотическими чувствами и поступками, потому в целом маловероятно, чтобы им могла грозить опасность».

Гораздо больше его волновал собственный статус на территории Великобритании, и он задумывался о натурализации. Через две недели после того, как он официально стал считаться подданным Третьего рейха, Витгенштейн спросил в совете Тринити-колледжа, можно ли ему оставаться в Англии. Как отмечал А. С. Юинг, Витгенштейн очень ждал появления своего имени в списке профессорско-преподавательского состава, ибо это облегчило бы ему получение британского гражданства. Но от заседания совета профессоров проку было мало. Протокол гласил, что «иностранный подданный» попросил секретаря обратиться в Министерство внутренних дел с просьбой позволить ему читать лекции «по приглашению совета профессоров». «Было решено, что все шаги в этом направлении должны быть предприняты самим иностранным подданным, а не университетом».

Тем временем гражданство Великобритании стало насущной необходимостью. По словам Друри, Людвиг боялся, что в случае войны будет интернирован как иностранец. В 1939 году, после объявления войны, ему довелось получить представление об ожидавшей его участи. Он отправился в Понтиприд навестить Друри — и тотчас оказался в полицейском участке. Его иностранное имя показалось подозрительным заведующей гостиницей — особенно когда она услышала шутку Друри

о затемнении, — и она известила полицию о странном постояльце.

Витгенштейн и раньше размышлял о получении британского гражданства, но отказался от этой идеи, не желая быть «поддельным англичанином». Теперь же, когда Центральная Европа ощутила реальность фашизма, лучше было стать поддельным англичанином, чем оставаться настоящим немцем. Он попросил Кейнса помочь ему найти адвоката. (Кейнс вообще на протяжении многих лет оказывал Витгенштейну бесценную помощь: знакомства в Кембридже, деньги, виза в Россию и, наконец, натурализация.) В начале мая 1938 года Витгенштейн, как полагалось, поместил в *Cambridge Daily News* объявление о том, что он ходатайствует о натурализации. Однако, даже несмотря на все усилия найденного Кейнсом поверенного, господина Гуоткина, только 12 апреля 1939 года Витгенштейн присягнул на верность Великобритании и стал ее подданным. А 2 июня — это была пятница — он получил британский паспорт номер 234161. Теперь, наконец, он мог вернуться в Вену, а оттуда поехать в Берлин и вплотную заняться судьбой сестер.

В среду 5 июля Витгенштейн отправился в Берлин. Он остановился в «Эспланад-отеле» в центре города, близ Потсдамер-плац. Открытый в начале века, это был, согласно путеводителю Бедекера, «отель высочайшего класса»; только две другие берлинские гостиницы, «Адлон» (излюбленное место нацистов) и «Кайзерхоф», удостоились такой же оценки. Витгенштейн пробыл в Берлине весь следующий день и в пятницу 7 июля вернулся в Вену. Его сестра Гермина гордилась тем, как он держался и какое впечатление произвели на главу валютного отдела рейхсбанка (эту должность тогда, скорее всего, занимал некий доктор Райнель) его проницательность и ясная манера выражаться. Через две недели Витгенштейн на борту судна *Queen Mary* отбыл в Нью-

Йорк — поговорить с Паулем и его адвокатом Сэмюэлем Вахтелем. Поселился он на Лексингтон-авеню, возле Рокфеллер-центра, и позже вспоминал, что в Нью-Йорке ему понравился один-единственный человек. Это был мальчишка-итальянец, чистильщик обуви в Центральном парке, вычистивший ботинки Витгенштейна дважды. Витгенштейн, в свою очередь, заплатил ему вдвое больше, чем тот попросил.

30 августа 1939 года Хелена и Гермина получили заветную светло-голубую бумажку, от которой зависела их судьба. Текст документа гласил, что они признаны *Mischlinge* первой степени. Это положение тоже было для них небезопасным, а для других членов семьи означало невозможность карьеры — будь то государственная служба, наука или иное поприще. Двоюродного брата Людвига, профессора Эрнста фон Брюке, вынудили уйти с работы, а затем выслали. Однако впереди была хорошая новость. 10 февраля 1940 года глава *Reichsstelle fur Sippenforschung* доктор Курт Майер отправил письмо в Венское отделение нацистской партии — по всей видимости, в ответ на запрос. В письме подтверждалось, что Герман Витгенштейн, родившийся 12 сентября 1802 года в Корбахе, должен в соответствии с Нюрнбергскими законами считаться чистокровным немцем. Послание стоит того, чтобы процитировать его целиком:

> «В ответ на ваше письмо от 12.01.40 сообщаю:
>
> Мое решение по вопросу о происхождении Витгенштейна и его потомков было основано на инструкции министра внутренних дел Рейха от 29.08.39, каковая, в свою очередь, восходит к приказу Фюрера и Рейхсканцлера. Исходя из этого, бюро сочло возможным не продолжать расследование о происхождении. Решение Фюрера и Рейхсканцлера без каких-либо ограничений

применимо к Герману Витгенштейну (род. в Корбахе 12.09.1802), которого следует считать чистокровным немцем и внуки которого соответственно не подпадают под действие раздела 2(2), предложение 2, Первого приказа о гражданстве Рейха.

Поскольку были приняты постановления о происхождении в отношении многочисленных потомков Германа Витгенштейна, их расовая классификация согласно Закону Рейха о гражданстве не должна более представлять затруднения. В сомнительных случаях, при необходимости, можно запросить соответствующие постановления Отдела генеалогических исследований.

Подпись: доктор Курт Майер».

Второе предложение раздела 2(2) классифицировало как евреев всех, кто исповедовал иудаизм. Иными словами, если Герман Христиан когда-то, до крещения, и был членом Корбахской синагоги, это не могло помешать признанию его немцем.

Итак, благодаря вмешательству младшего братца, «малыша Люки», худшее для сестер было позади. Через несколько дней после поездки Людвига в Нью-Йорк Пауль написал Сэмюэлю Вахтелю, что «нравственный долг нельзя откладывать на потом», и согласился на передачу имущества. 21 августа 1939 года в Цюрихе Пауль подписал три бумаги, которые разрешали внутрисемейные проблемы и позволяли осуществить сделку с рейхсбанком. «Руководствуясь любовью и глубокой привязанностью к двум своим сестрам», он вложил свои деньги и имущество, оставшиеся в Вене после его отъезда, в доверительный фонд для Гермины и Хелены — «на черный день». Он согласился на ликвидацию совместных средств, вложенных в частную швейцарскую фирму — это была основная часть семейного капитала, — чтобы

расплатиться с нацистами. И, наконец, он подписал соглашение, по которому венским Витгенштейнам гарантировался статус *Mischlinge*. Безопасность и благополучие были куплены дорогой ценой. Сумма была достаточно велика, чтобы представлять интерес для верхушки нацистских властей: ошеломляющая цифра в 1,7 тонн золота — эквивалент двух процентов золотого запаса Австрии, присвоенного Берлином в 1939 году.

Уже через год за австрийских евреев взялись всерьез, и депортация пошла полным ходом. Сестры Витгенштейна пережили войну без потрясений. Больше их никто не беспокоил. Но война вбила клин между ними и Паулем. Сестры обвиняли его в том, что из-за его неблагоразумия, упрямства и нежелания идти на уступки в переговорах с рейхсбанком их жизнь была поставлена под угрозу. У Маргарет были и другие претензии. Она воспользовалась своими связями, чтобы получить для Пауля разрешение выехать в Швейцарию. Это разрешение дали ей с условием, что он вернется, и Пауль обещал это условие выполнить. Маргарет считала, что он нарушил обещание. Пауль же утверждал, что сдержал слово — он один раз мимоходом побывал в Вене, и, стало быть, формально условие было соблюдено. Его — гордого, ранимого, скрытного человека — раздражала недальновидность сестер, которые подвергли свою жизнь неоправданному риску, отказавшись поехать с ним, и при этом еще и порицали его за паникерство. Им так и не удалось преодолеть обиду и взаимное непонимание. Семейные узы распались, став еще одной жертвой фашизма...

Витгенштейны были далеко не единственными, кто вел подобные переговоры с властями. Рейх всегда стремился придать экспроприациям законный вид. Поэтому в каком-то смысле это действительно были переговоры — хотя и не между равными. Историк Рауль Хиль-

берг отмечает, что «ариизация (собственности) была, наверное, единственным этапом, на котором у евреев оставалась хоть какая-то возможность для маневра, хоть какой-то шанс стравить немцев между собой, хоть какая-то надежда потянуть время. Но это была опасная игра. Время было против евреев».

Члены семьи Поппера, оставшиеся в Вене, были не так богаты и не так удачливы, как Витгенштейны: шестнадцать его родственников со стороны матери стали жертвами Холокоста. Родителей Карла к тому времени уже не было в живых. Его сестра Анни вскоре после того, как брат покинул Вену, переехала в Швейцарию, где занялась сочинением любовных романов — но не сразу; сначала она была танцовщицей. Карл приходил в ярость при любом намеке на то, что ее произведения могли содержать рискованные пассажи.

Карл Поппер ходатайствовал о получении британского гражданства дважды — в 1938 году, перед аншлюсом, и в 1941-м, — но сначала помешали ограничения, связанные с длительностью пребывания в стране, а потом — война. Военные годы он прожил без гражданства, довольствуясь статусом «дружественного иностранца». Но когда он собрался покинуть Новую Зеландию и занять должность в Лондонской школе экономики, этот статус принес целый ряд неприятностей, связанных с получением выездных и въездных виз. «Проблемы, связанные с нашим отъездом, отвратительны», — писал он Эрнсту Гомбриху. Но в конце концов все они благополучно разрешились. Когда в 1946 году натурализация вновь вступила в действие, Поппер и его жена в числе первых получили гражданство Великобритании. Последний раз Поппер выказал досаду уже перед посадкой на *New Zealand Star* — судно, которое должно было доставить их в Англию: «Нельзя сказать, что мы вне себя от

счастья, заплатив 320 фунтов за сомнительное удовольствие — провести пять, а то и шесть недель в обществе неизвестно кого. Особенно меня беспокоит то, что от качки в сочетании с запахом табака мне наверняка станет дурно. Ну что ж, придется потерпеть». В первых числах января 1946 года Поппер ступил на берег Альбиона.

Поппер любил Австрию, однако демонстративно повернулся спиной к прошлому. Когда в 1945 году его спросили, не думает ли он вернуться в Вену, он ответил: «Нет, никогда». После войны он отказался от предложенной ему профессорской должности в Австрии. Впрочем, время от времени он выступал по австрийскому и немецкому радио, а в 1986 году даже согласился прочесть краткий курс лекций в Венском университете. В 1969-м он говорил экономисту Фридриху фон Хайеку — уроженцу Вены, с которым познакомился в 1935 году в Лондоне, — что размышлял о возвращении в Австрию, но решил не делать этого — из-за тамошнего антисемитизма. Однако со временем, тщательно исследовав возможность двойного гражданства в Великобритании, он все-таки восстановил австрийское гражданство — дабы облегчить жизнь жене, если она его переживет. Жена его не была еврейкой, в Австрии жили ее родные, и мысли о родине никогда не покидали ее. Малахи Хакоэн пишет: «Куда бы ни заносила их судьба во второй половине века, она везде тосковала по дому. Она, как и ее муж, стала жертвой катастрофы, постигшей Центральную Европу. Но его мечты всегда оставались с ним; ее же мечты пошли прахом».

В эпитафии историка Фрица Штерна на смерть Герсона Блайхредера есть горькие слова, которые можно счесть постскриптумом к судьбам Витгенштейна и Поппера. При Прусской монархии Блайхредер был богат, знатен, влиятелен; «только одного у него не было — чувства принадлежности к своему народу, ощущения надеж-

ности и безопасности, которое бывает только среди своих. В этом, пожалуй, и состоит трагедия ассимиляции».

Однако есть в этой истории еще один важный момент. И Витгенштейн, и Поппер пережили катастрофу фашизма и войны, которая уничтожила культурную среду, взрастившую их, преследовала и губила их семьи. Но у одного были богатство и влияние, а следовательно, и свобода идти своим путем — и в житейском, и в философском смысле. Другому же приходилось рассчитывать только на себя, зарабатывая на жизнь и завоевывая философское пространство, где он мог бы оставить свой след.

Свобода, богатство, социальный статус, признание коллег — все это лежало между ними непреодолимой пропастью, которая стала особенно заметна после одного прогремевшего в Вене убийства. Убийство это не только имело политические последствия, но и преобразило лик венской философии, в которой Витгенштейн, несмотря на свою подчеркнутую отстраненность, сыграл — к великому разочарованию Поппера — ведущую роль.

13

Смерть в Вене

Получай, ублюдок проклятый!
Иоганн Нельбек

21 июня 1936 года, около девяти часов утра, Мориц Шлик, как обычно, вышел из своего дома, выходящего окнами на английский сад перед дворцом Бельведера в верхнем конце улицы Принца Евгения, на трамвае «Д» неспешно доехал до центра и пешком направился в Венский университет, где руководил кафедрой философии индуктивных наук. Поднявшись по каменным ступеням, ведущим к величественному парадному входу, он быстрым шагом прошел через железные ворота, миновал гулкие своды центрального зала и, повернув направо, двинулся вверх по лестнице к аудиториям, где проходили занятия по философии и праву. Пятидесятичетырехлетний профессор опаздывал на лекцию по философии естественного мира, где намеревался говорить о причинности, детерминизме и существовании свободной воли человека.

Шлик не был блистательным оратором, говорил он еле слышным монотонным голосом, но на его лекциях всегда было полно народа. Студентам импонировали ясность его мыслей и широта интересов — от естественных наук до логики и этики. Осанистый, седовласый, в неизменной жилетке, он всегда держался с достоинством, но при этом был добр и обаятелен, и студенты его любили. В академических кругах он тоже пользовался

огромным уважением — как основатель и главная движущая сила группы философов и ученых, провозгласившей господство логического позитивизма в философии и вошедшей в историю под названием «Венский кружок». Более того: все знали, что именно Мориц Шлик вернул в философию Людвига Витгенштейна.

Шлик спешил на лекцию, а на лестнице его подстерегал некто Иоганн (или Ганс) Нельбек, прежде бывший его аспирантом. За угрозы Шлику Нельбека уже дважды помещали в психиатрическую лечебницу, где ему был поставлен диагноз «параноидная шизофрения». Нельбек был безумно влюблен в студентку Шлика Сильвию Боровицку, и с этим были отчасти связаны его навязчивые идеи по отношению к бывшему научному руководителю. Боровицка, сама будучи особой взбалмошной и неуравновешенной, категорически отвергла ухаживания Нельбека и вдобавок выказала, с его точки зрения, явный недостаток ума — призналась в романтических чувствах к преподавателю индуктивных наук. Неизвестно, отвечал ли ей взаимностью Шлик — женатый отец двоих детей; ясно лишь, что больное воображение Нельбека нарисовало картину бурного романа между профессором и студенткой.

Но это было, в глазах Нельбека, далеко не единственное оскорбление, нанесенное ему профессором. Еще находясь на принудительном лечении, он начал мучительные и преимущественно тщетные поиски работы. Каждый отказ становился болезненным ударом по его самолюбию. Он пытался скрыть свой диагноз, и его чуть было не приняли на должность преподавателя философии в образовательный центр для взрослых, но тут правда выплыла наружу. В этом Нельбек тоже винил Шлика — в конце концов, именно из-за жалоб последнего он оказался в палате для душевнобольных! Распаляя и растравляя себя, Нельбек вынашивал планы мести.

Иногда, читая лекцию об анализе логических суждений или природе истины, Шлик отрывал взгляд от записей — и видел среди студентов долговязую, костлявую фигуру Нельбека, его мрачное лицо в очках. Дома тоже не было покоя из-за телефонных звонков с оскорблениями и угрозами.

Профессор, известный своей невозмутимостью, ощутил страх — он признавался в этом друзьям и коллегам. Он обратился в полицию и нанял телохранителя. Но время шло, угрозы не осуществлялись, а затем и вовсе сошли на нет. Тогда Шлик решил, что обойдется без охраны, и прекратил контакты с полицией, сказав одному из коллег: «Боюсь, они уже думают, что это я сумасшедший».

В девять часов пятнадцать минут, когда Шлик повернул на площадку между двумя лестничными пролетами, Нельбек выхватил пистолет и четыре раза выстрелил в упор. Четвертая пуля, застрявшая в ноге, явно была лишней: третья пробила толстую кишку и желудок, а две первые попали прямо в сердце. Профессор Мориц Шлик умер мгновенно. Сейчас на этом месте мемориальная доска.

Выстрелы Нельбека прервали жизнь не только Морица Шлика, но и Венского кружка. Существование кружка и прежде было под угрозой — вся система образования в корпоративно-католической Австрии уже пропиталась ядом антисемитизма. Накал фанатизма был таков, что, едва распространилась весть об убийстве Шлика, пресса — зеркало общественных настроений — с готовностью выдвинула свою версию событий: профессор наверняка был евреем, а убийца — верным сторонником правительства. Появились десятки газетных статей, авторы которых поносили Шлика и горячо сочувствовали убийце.

Автор одной из таких статей, скрывшийся под псевдонимом «Академикус», поставил перед собой цель поместить случившееся в «правильный контекст» и поведать читателю о «подлинных фактах и мотивах», приведших к убийству. Народ должен осознать, что Шлик был ведущим представителем «нового и пагубного искажения философии», враждебного метафизике и поддерживаемого самыми низкими и презренными элементами общества — евреями, коммунистами и масонами. Это философское течение — логический позитивизм — отрицало существование Бога и духа и рассматривало человека как простую совокупность клеток. В Морица Шлика стрелял не безумец, но несчастный отчаявшийся человек, которого лишили смысла жизни. Больше терпеть нельзя: пришла пора очистить идеологическую территорию от пагубных сил врага:

> «Пусть еврейские философы отправляются в свои культурные институты и там преподают. Но в Венском университете, в христианской, немецкой Австрии должны преподавать философы-христиане! В последнее время неоднократно говорилось, что мирным решением еврейского вопроса в Австрии в первую очередь должны озаботиться сами евреи, ибо в противном случае этот вопрос неизбежно будет разрешен насильственным путем. Остается лишь надеяться, что страшное убийство в Венском университете ускорит поиски по-настоящему удовлетворительного решения еврейского вопроса».

Вступиться за профессора дерзнули лишь немногие смельчаки, в том числе и сын Шлика. Неправда, говорили они, что Шлик был евреем или атеистом. Он был немецким протестантом; его дети были крещены и прошли конфирмацию. Неправда, что он имел дело с коммунистами. И неправда, что он окружил себя ассистентами-

евреями. Среди его помощников был всего один еврей, библиотекарь Фридрих Вайсман, который к тому же был уже уволен в ходе очередной компании по очистке университета от евреев. Заявить, что национальность Шлика и его помощников вообще не имеет никакого отношения к делу, никому из заступников и в голову не пришло; и это многое говорит о тогдашней политической атмосфере.

Когда Нельбек предстал перед судом, было совершенно очевидно, что его признают виновным — пусть бы даже все считали, что Шлик получил по заслугам. Нельбек был схвачен с поличным: он стоял над трупом с еще дымящимся пистолетом в руке. Один из очевидцев показал, что Нельбек крикнул: «Получай, ублюдок проклятый!» А главное — он добровольно признался в убийстве.

За убийство полагалась смертная казнь через повешение, но суд, учитывая чистосердечное признание подсудимого и его душевную болезнь, проявил снисходительность и приговорил Нельбека к десяти годам тюрьмы. Однако с учетом тяжести содеянного к нему было применено дополнительное наказание — сон на жесткой кровати, которую предписывалось менять каждые три месяца.

Впрочем, излишняя суровость была ни к чему — процесс по делу Нельбека и без того наделал много шуму. В глазах общественности убийца Шлика стремительно превращался из психа-одиночки в национального героя. После аншлюса его выпустили из тюрьмы на поруки, и в годы войны он внес свой вклад в дело Третьего рейха, работая техником в геологическом отделе Управления нефтепродуктов. Прошение о помиловании, поданное в 1941 году, было отклонено; ученую степень ему тоже не вернули. В конце концов, рассудили чиновники, можно зайти слишком далеко, если каждого убийцу оп-

равдывать на том основании, что им руководило чувство гражданского негодования.

Однако к тому времени сторонники корпоративного государства уже утвердились в мысли, что Шлик был еврейским философом, который исподтишка отравлял своим учением благородную арийскую душу, а Нельбек, движимый идеологическими убеждениями, оказал австрийской философии бесценную услугу, за что ему должны быть благодарны не только философы, но и весь народ Австрии и Германии.

Убийство Морица Шлика стало точкой разрыва незримой цепи, связывавшей двух венцев — Витгенштейна и Поппера. Новая философия логического позитивизма, выросшая из научного метода и утверждавшая, что целью философии является прояснение смысла предложений, стала жертвой профашистских сил; пылкие дебаты прекратились, чтобы возобновиться уже в англоязычном мире.

Шлик приехал в Вену во времена более просвещенные. Происходивший из небогатой немецкой дворянской семьи, он изучал физику в Берлине у Макса Планка и был знаком с великими учеными той поры. В 1922 году он получил профессорскую должность в Вене. Он не только прибавил славы университету — оказалось, что он к тому же обладает редким даром притягивать к себе таланты.

Довольно скоро Шлик собрал вокруг себя круг замечательных людей, которые встречались по четвергам и обсуждали философские вопросы. Они получили известность как Венский кружок. В период между двумя мировыми войнами они ниспровергли положения, на которых веками зиждилась философия, — в частности, изгнали из нее этику и метафизику. Их *modus operandi*, логический позитивизм, казался им приливом будуще-

го — и действительно, ему удалось размыть казавшиеся незыблемыми берега философии во всем англоязычном мире.

В кружок входили экономисты, социологи, математики, логики, представители естественных наук и, разумеется, философы — мыслители такого калибра, как Отто Нейрат, Герберт Фейгль, Рудольф Карнап, Курт Гедель, Виктор Крафт, Феликс Кауфманн, Филлип Франк, Ганс Хан и его сестра Ольга Хан — слепая, курящая сигары женщина, специалист по булевой алгебре. Был там и Фридрих Вайсман, человек, которому суждено было лишиться средств к существованию — сначала из-за нацистов, а потом из-за жестокости Витгенштейна.

Венский кружок стал первым философским связующим звеном между Людвигом Витгенштейном и Карлом Поппером. Витгенштейн был и почетным членом кружка, и его творческим гением, хотя отвергал и членство, и похвалы. Поппер же так и не был приглашен в кружок, хотя страстно мечтал об этом, и потому предпочел перейти в оппозицию — став, таким образом, оппонентом Витгенштейна за много лет до встречи в комнате Н3.

Венский кружок собрал ученых столь разных темпераментов и интеллектуальных интересов, что он никогда бы не вырос во что-то хотя бы отдаленно напоминающее философское течение, если бы не Шлик с его кротким нравом, обаянием и доброжелательностью. Он легко успокаивал вспышки самомнения и мягким юмором разряжал напряженность. Играло свою роль и то, что он и только он ведал приглашениями в кружок. Те, кто получал эти приглашения, чувствовали себя избранными и испытывали благодарность к Шлику; те же, кто их не получал — например, Поппер, — ощущали, что их недооценивают.

Ярчайшей звездой кружка был великий чародей знаков и символов, логик Рудольф Карнап — родом, как и

Шлик, из Германии. На политической арене блистал Отто Нейрат, экономист и социолог, человек огромного ума и бьющей через край энергии, любивший жизнь и женщин. Он сразу обращал на себя внимание: рабочая кепка, всклокоченная рыжая бородища и могучая стать — в письмах он вместо подписи рисовал слона. Из молодого поколения самым мощным интеллектом отличался Курт Гедель — тщедушный и стеснительный юноша в очках, чьи теоремы о неполноте показывали, что попытки Рассела вывести математику из логики неизбежно оказываются тщетными.

Их встречи проходили в пыльном читальном зале, на первом этаже здания на Больцмангассе, где располагались институты математики и физики. Перед доской полукругом стояли стулья, а в дальнем конце комнаты был длинный стол — для курильщиков и тех, кто делал заметки. К венцам, которых обычно было не больше двадцати, изредка присоединялись гости из-за границы — Уильям Куайн из Америки, Альфред Тарский из Польши, А. Дж. Айер из Англии, Карл Гемпель из Берлина. Словно птицы, поклевавшие некий экзотический плод, они, вернувшись из Вены, рассыпали у себя на родине семена диковинного растения. Так влияние Венского кружка быстро распространялось по миру. Например, Айер, опубликовавший в 1936 году в Англии книгу «Язык, истина и логика», наутро проснулся знаменитым. Эта блестящая и дерзкая полемическая работа почти целиком была построена на осмыслении идей, которые автор усвоил за несколько месяцев, проведенных в Австрии.

Собрания проходили по одной и той же схеме. Шлик просил тишины и читал вслух письмо кого-нибудь из своих знаменитых корреспондентов (таких, например, как Эйнштейн, Рассел, немецкий математик Давид Гильберт, Нильс Бор); идеи, содержавшиеся в этих письмах, зачастую становились отправной точкой дискуссии.

Затем начинался собственно семинар, тема которого всегда оговаривалась на предыдущей встрече.

Идейно всех связывало одно: уверенность в необходимости применения к философии научного метода. Венцы считали, что строгость логических законов принесет философии ту же пользу, что и любой другой науке. Этим они отличались от коллег из «второй философской столицы мира» — Кембриджа, — полагавших, напротив, что наука обязана учиться у философии. По выражению Гилберта Райла, «в Вене считалось, что философия — это кровососущий паразит; в Англии — что это медицинская пиявка». Однако главным врагом Венского кружка была отнюдь не кембриджская философия, но немецкий идеализм — традиция Фихте, Гегеля, отчасти Канта, утверждающая примат разума и духа над физикой и логикой. В глазах австрийских философов эта школа являла собой неудобоваримую смесь помутнения рассудка, шаманства и тупости.

Семинары всегда отличались высоким накалом. Члены кружка ощущали себя центром чего-то нового и свежего; они укрощали самых свирепых драконов философского прошлого. А когда в 1929 году Шлик отказался вернуться в Германию, где ему предлагали доходную и престижную должность (ну кто же, право, добровольно променяет Вену на Бонн?), коллеги подготовили публикацию в его честь. Получился полуофициальный манифест Венского кружка, отражавший его цели и ценности. Назывался он «*Wissenschaftliche Weltauffassung: Der Wiener Kreis*», то есть «Научное миропонимание: Венский кружок». Интеллектуальными прародителями движения в этом документе названы Альберт Эйнштейн, Людвиг Витгенштейн и Бертран Рассел.

Эйнштейн был ярчайшей звездой на небосклоне этой новой эпохи просвещения: его поразительно контринтуитивные описания времени и пространства опровер-

гали — так тогда считалось — утверждение Канта о существовании в этом мире вещей, понять которые можно сугубо умозрительно, через созерцание. Один из примеров — кантовское утверждение «Всякое событие имеет причину», которое якобы сообщает нам нечто конкретное о мироустройстве, но не выводится из эмпирических наблюдений. Другим примером считались законы ньютоновой физики. Эйнштейн продемонстрировал абсурдность этого представления — ибо, несмотря на невозможность умозрительного выведения законов Ньютона, эти «законы» оказались ложными.

Вторым в почетном списке выступал Бертран Рассел. Его привлекательность для Венского кружка заключалась, во-первых, в том, что он упрямо отстаивал эмпиризм — теорию, согласно которой всякое знание о мире основано на опыте, — и, во-вторых, в том, что он первым применил логику к математике и языку. Рудольф Карнап и Ганс Хан принадлежали к очень узкому кругу тех, кто действительно усвоил и переварил расселовскую *Principia Mathematica*, опубликованную в 1910—1913 годах. Карнап, еще будучи нищим студентом в Германии в период великой инфляции начала двадцатых, написал Расселу, обратившись с просьбой выслать ему экземпляр этого фолианта, включавшего в себя три тома — 1929 страниц, который он не мог найти (или же не мог позволить себе приобрести); и Рассел в ответном письме на тридцати пяти страницах изложил основные доказательства. Хан оказал подобную услугу всему Венскому кружку: он прочитал им ускоренный курс расселовской логики и извлек философскую квинтэссенцию из этого «кладбища формул».

Но Людвиг Витгенштейн вызывал у венцев глубочайшее благоговение. В феврале 1933 года А. Дж. Айер делился со своим другом Исайей Берлином впечатлениями о Венском кружке: «Витгенштейн — это их божество». Рас-

сел же, по словам Айера, воспринимался ими всего лишь как «предтеча Христа [Витгенштейна]».

На самом деле, к тому моменту, как двадцатичетырехлетний аспирант Айер в ноябре 1932 года приехал из Оксфорда в Вену, период особенно страстного преклонения перед Витгенштейном уже миновал. Немецкий оригинал «Логико-философского трактата» — «*Logisch-philosophishe Abhandlung*», — опубликованный в 1921 году, наделал много шума в родном городе автора. Мориц Шлик одним из первых оценил его значение, и в середине двадцатых на собраниях Венского кружка трактат читали вслух и разбирали предложение за предложением — причем не один раз, а дважды. Этот скрупулезный разбор длился почти целый год.

Аналогичное упорство потребовалось Шлику, чтобы лично познакомиться с автором «Трактата». Мечтая о встрече, Шлик в 1924 году написал ему письмо, где объяснил, что он убежден в важности и истинности фундаментальных идей Витгенштейна.

Витгенштейн ответил сердечным посланием. В это время он преподавал в деревенской начальной школе и пригласил Шлика к себе. К несчастью, Шлику помешали другие дела, а когда он наконец-то отправился в деревню, выяснилось, что Витгенштейн уволился и переехал.

Но все-таки знакомство состоялось — благодаря Маргарет, сестре Людвига. Оставив учительство и вернувшись в Вену, Людвиг занялся строительством особняка для сестры на Кундмангассе. Джон, сын Маргарет, был студентом Шлика. В 1927 году Маргарет по просьбе Людвига обратилась к Шлику: ее брат хочет познакомиться с ним, но не с остальными членами группы, как предлагал Шлик. Жена Шлика вспоминает, что муж в тот день уходил из дома, охваченный благоговейным трепетом, словно отправлялся в паломничество. «Вернулся он в

огромном волнении, почти ничего не говорил, и я чувствовала, что не нужно ни о чем спрашивать».

Как позже иронично заметил Герберт Фейгль, Шлик был так глубоко впечатлен гением Витгенштейна, «что приписывал ему глубокие философские прозрения, которые сам же гораздо яснее и отчетливее сформулировал задолго до того, как попал под гипнотическое обаяние Витгенштейна».

После нескольких встреч со Шликом Витгенштейн наконец согласился, чтобы к ним присоединились и другие члены кружка — но не более двух. Обычно это бывали Вайсман и Карнап, реже — Фейгль. Место встречи менялось: они собирались то дома у Шлика, в десяти минутах ходьбы от Пале Витгенштейн на Аллеегассе, то в самом Пале, а то в другом доме Витгенштейна, расположенном посредине между ними. Единственным, кому все это доставляло неудобства, был совершенно безденежный Фридрих Вайсман.

Вайсман со своим высоким интеллектом и глубиной мысли заслуживал работы в любом университете мира. Однако в Вене, где все громче раздавались требования очистить науку от евреев, максимум, что мог сделать для него Шлик, — это устроить библиотекарем, тем более что Вайсман еще не закончил диссертацию. Из разорившейся семьи, без счета в банке, на низкооплачиваемой работе, вынужденный кормить жену и маленького сына, Вайсман жил в густонаселенном еврейском квартале в северо-восточной части города — ничего другого он просто не мог себе позволить. Его крохотная квартирка находилась на Фрухтгассе, то есть в венском варианте трущоб — шумном, многолюдном районе Леопольдштадт, на другом берегу Дунайского канала, за Рингштрассе, кольцом окружавшей фешенебельную Вену, Вену изобилия и роскоши. Нога Витгенштейна, скорее всего, никогда не ступала в ту часть родного го-

рода, где жил Вайсман. И когда, рассуждая о том, что такое намерение, аристократ Людвиг приводил такой пример: «Допустим, я говорю: "Господин Вайсман, отправляйтесь на Фрухтгассе". Что это значит?» — не исключено, что это была великосветская колкость.

Вайсман же был настолько очарован этим эксцентричным богачом, чьей семье принадлежала едва ли не половина Вены, что он — тощий, вечно голодный — безропотно плелся пешком через весь город ради участия в этих встречах круга избранных. Австрийский математик Карл Менгер, тоже член Венского кружка, в выражениях, напоминающих высказывания Фейгля о Шлике, говорил, что раболепие Вайсмана перед «его кумиром» Витгенштейном «доходит до абсурда». Вайсман, как и положено подобострастному ученику, даже перенял у своего идола привычку хлопать себя ладонью по лбу.

Бывало так, что этот «шлеп», как сказали бы обитатели Леопольдштадт, оказывался тщетным. Зачастую Витгенштейн отказывался обсуждать философские вопросы и настаивал на чтении стихов. В то время он особенно любил бенгальского поэта Рабиндраната Тагора; скорее всего, его привлекала кристальная чистота и ненавязчивая духовность этих стихов. Читал он, обычно повернувшись лицом к стене. И когда озадаченные логики глядели ему в спину, стараясь не выдать своего нетерпения, возможно, до них начинало доходить, что они, быть может, совсем неправильно понимают своего мессию.

> «Тщеславие поэта со стыдом рассеивается перед тобою. О поэт-наставник, я сажусь у ног твоих. Пусть моя жизнь будет проста и правдива, как свирель из тростника, которую ты наполняешь звуками»[1].

[1] Пер. Н. Пушешникова, под ред. И. Бунина (*Тагор Р.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 12: Воспоминания, письма, стихи. М.: Худож. лит., 1965. С. 300).

Неотразимая привлекательность Венского кружка для мира философии проистекала из простоты его базового принципа: только два типа высказываний имеют право на существование. Во-первых, это высказывания, истинность или ложность которых обусловлена значением входящих в них слов. Это такие высказывания, как «все холостяки неженаты», уравнения типа «2 + 2 = 4» и логические умозаключения, наподобие «Все люди смертны; Сократ — человек; следовательно, Сократ смертен». Во-вторых, это высказывания эмпирические, истинность или ложность которых поддается верификации: «Вода кипит при ста градусах по Цельсию»; «Земля плоская» (высказывание, доступное для верификации и имеющее смысл даже в том случае, если оно ложно).

Все прочие высказывания, согласно Венскому кружку, попросту бессмысленны. Так, поскольку существование Бога невозможно ни доказать, ни опровергнуть, всем высказываниям о религии прямая дорога в интеллектуальную мусорную корзину, а вслед за ними отправляется и метафизика. Туда же следуют и утверждения об эстетике, этике и смысле жизни. Высказывания типа: «Убийство — грех», «Нужно всегда быть честным» или «Пикассо рисует лучше, чем Моне» могут быть по-настоящему поняты только как выражение личного суждения: «Я не одобряю убийство»; «С моей точки зрения, люди должны всегда говорить правду»; «Пикассо мне нравится больше, чем Моне». «Все доступно человеку» — гласил манифест кружка. «Человек есть мера всех вещей».

Основная функция философии, полагали они, — не погружаться в дебри метафизики, а прояснять понятия, которыми оперируют ученые. Ученые — вот главные игроки на поле. Философ лишь помогает им, анализируя тактику игры. Философия всегда будет играть подчиненную роль по отношению к науке.

Однако даже в терминах самого кружка все было не так просто. Если высказывание имеет смысл только потому, что его можно верифицировать, то что такое верификация? На заре Венского кружка многие его члены отдавали все свои силы решению этого вопроса. Например, как сделать, чтобы максима «Смысл предложения — это способ его верификации» относилась и к предложениям об истории, таким, как «Вильгельм-Завоеватель выиграл битву при Гастингсе»? Венский кружок полагал, что задача науки — генерировать предсказания, которые потом можно будет подвергнуть проверке. Но какие доступные проверке предсказания можно найти в высказывании о Норманском завоевании 1066 года?

Ответ на это был таков: орудия, которыми традиционно пользуется историк (архивы, письма, археологические и устные свидетельства и так далее), подобно инструментам ученого — бунзеновским горелкам, штативам и колбам — снабжают исследователя доказательствами в пользу преимущества одной теории над другой. Более того: высказывания из области истории действительно порождают предсказания, в том смысле, что если высказывание истинно, то следует ожидать, что все последующие свидетельства будут подтверждать его истинность.

В последующие годы утверждение о том, что высказывания из области истории имеют смысл только потому, что они в принципе поддаются проверке, многим покажется странным. Втискивание всех очевидно осмысленных высказываний в смирительную рубашку верификации выглядело искусственным и насильственным. Оно означало, например, что высказывания о состояниях других людей («У Хенни болит голова») следует оценивать только на основании данных «за» или «против» самого высказывания («Нужен ли Хенни аспирин?»). Альтернативная, продиктованная здравым

смыслом точка зрения состоит в том, что такие утверждения, как «Всякий раз, когда из комнаты выходят люди, мебель исчезает, а когда они входят, появляется снова», осмысленны: они имеют смысл, несмотря на то, что проверить их невозможно. Даже внутри Венского кружка принцип верификации вызывал все больший скептицизм, а к середине тридцатых от него почти полностью отказались. А позже, когда А. Дж. Айера спросили о недостатках движения, он ответил: «Думаю, самый важный недостаток состоял в том, что почти все его выводы были ложными». И все же какое-то время это было самое модное философское учение западного мира.

Теория, согласно которой осмысленные высказывания должны быть либо аналитическими (когда истинность или ложность высказывания можно определить исходя из значений входящих в него слов или символов, — «все треугольники имеют три стороны»), либо доступными наблюдению, получила известность как «логический позитивизм», а «Библией» большинства логических позитивистов стал «Логико-философский трактат». Именно из «Трактата» они почерпнули принцип верификации и, подобно Расселу, были согласны с одним из главных утверждений Витгенштейна: все математические доказательства, независимо от их сложности, и все логические умозаключения — например, «Если идет дождь, то дождь либо идет, либо не идет», или «Все люди смертны; Шлик — человек; следовательно, Шлик смертен» суть просто тавтологии. Иными словами, они не несут никакой информации о реальном положении дел; они лишены сути; речь в них идет только о внутренних взаимоотношениях высказываний или уравнений. Они не могут сообщить нам, нужно ли брать зонтик, действительно ли Шлик смертен, и вообще, человек ли он.

1 Людвиг Витгенштейн в дни истории с кочергой. Студентов завораживала страстность его мысли, его «интеллектуальный накал»
2 Карл Поппер в 1946 году. Он приехал в Англию из Новой Зеландии, где преподавал в университете, и популярность его росла с каждым днем благодаря выходу его книги, развенчивающей тоталитаризм, — «Открытое общество и его враги»

3 Кингз-колледж, вид со стороны реки. Комната H3, где разыгралась сцена с кочергой, расположена на втором этаже в левой части здания, справа от часовни

4 Ричард Брейтуэйт, преподаватель философии в Кингз-колледже и тогдашний обитатель комнаты H3; говорят, именно он — виновник исчезновения кочерги, которой Витгенштейн размахивал перед носом у Поппера

5 Питер Мунц в 1946 году. На его долю выпало большое интеллектуальное испытание: он успел поучиться и у Поппера, и у Витгенштейна

PROGRAMME.

DATE	DISCUSSION OPENED BY	IN ROOMS OF	ADDRESS	SUBJECT
Thur. Oct. 17	Dr N. Malcolm	Mr Braithwaite	H, King's	The Theory of Sensa
Fri. „ 25	Dr K. R. Popper	„	„	Methods in Philosophy
Thurs. „ 31	Mr J. L. Austin	„	„	Nondescription
Thur. Nov. 7	Impromptu Discussion	„	„	
„ 14	Prof. L. Wittgenstein	„	„	
„ 21	Mr S. E. Toulmin	„	„	Disagreement
Fri. Nov. 29	Prof. H. H. Price	„	„	Universals and Resemblances

All meetings begin *punctually* at 8.30 p.m.

6 Программа Клуба моральных наук на семестр: выдающиеся мыслители читали серьезным студентам трудные для понимания доклады

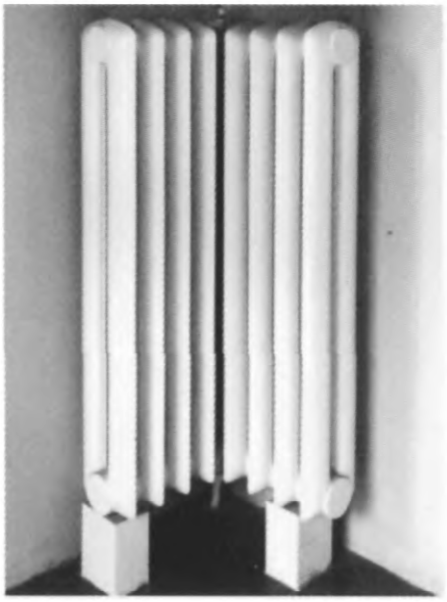
7 Бертран Рассел в 1940-е годы. В глазах Поппера это был великий мыслитель и писатель, с точки зрения Витгенштейна — «говорлив и поверхностен, хотя, как всегда, хватает все на лету»

8 «Наш малыш Люки». Витгенштейн с сестрами и братом. В верхнем ряду слева направо: Хелена, Гермина и Маргарет; в нижнем ряду слева направо — Пауль и Людвиг. Гермина, старшая из сестер, была ему как мать

9 Поппер с сестрами Дорой и Анни (слева направо). Карл тоже был младшеньким

10 Радиатор как произведение искусства. Изготовлен в 1928 году по проекту Людвига для дома его сестры Маргарет на Кундсмангассе. Радиаторы пришлось заказывать за границей — взыскательного Витгенштейна не устраивало качество австрийского литья

11 Кухонный шкаф, сделанный руками Карла Поппера. Поппер, как и Витгенштейн, в юности хотел заниматься ручным трудом и потому поступил в ученики к столяру-краснодеревщику. В 1924 году этот шкафчик поставил точку в его обучении. Поппер писал, что от мастера-краснодеревщика он узнал о теории познания больше, чем «от любого другого из моих учителей»

12 Парадный вход на Аллеегассе, 16. С точки зрения венцев, это великолепное здание заслуживало имени «Пале» («Дворец»); Карл Витгенштейн предпочитал скромное «дом»

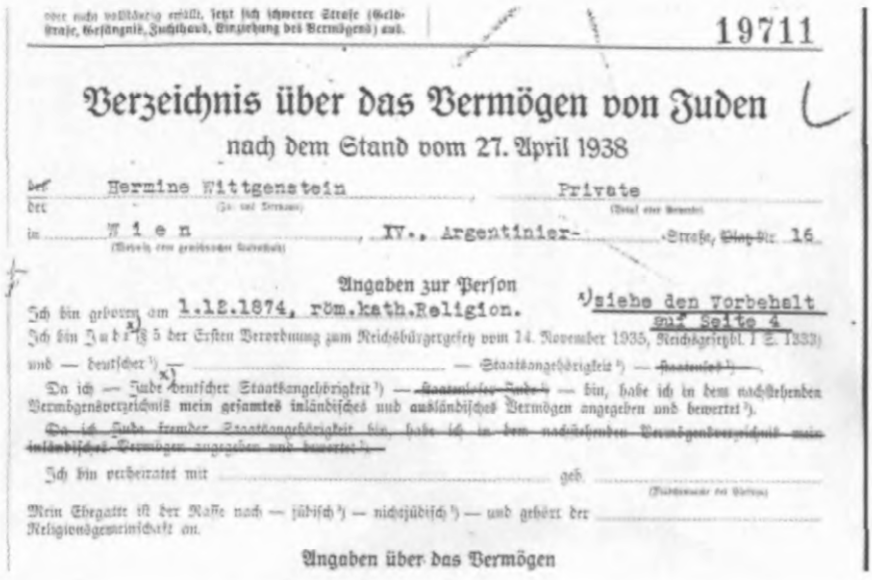
13 Окна Попперов, выходящие на собор Святого Стефана. Домашняя библиотека насчитывала десять тысяч книг

14 Мориц Шлик, основатель Венского кружка, погибший в 1936 году от руки сумасшедшего убийцы — своего бывшего студента. Враги немедленно заклеймили Шлика как представителя «нового зловещего извращения философии»

15 Поппер — школьный учитель в Вене в начале 1930-х годов. Он получил педагогическое образование в духе нового подхода, побуждавшего детей мыслить самостоятельно; прежде они лишь механически зазубривали уроки

19711

Verzeichnis über das Vermögen von Juden

nach dem Stand vom 27. April 1938

der Hermine Wittgenstein, Private

in Wien, IV., Argentinier- Straße, Platz-Nr. 16

Angaben zur Person

Ich bin geboren am 1.12.1874, röm.kath.Religion. *) siehe den Vorbehalt auf Seite 4

Ich bin Jude i. S. § 5 der Ersten Verordnung zum Reichsbürgergesetz vom 14. November 1935, Reichsgesetzbl. I S. 1333)

und — deutscher [1]) — — Staatsangehörigkeit [2]) — ~~Staatenlos~~ [3]).

Da ich — Jude deutscher Staatsangehörigkeit [1]) — ~~Staatenloser Jude~~ — bin, habe ich in dem nachstehenden Vermögensverzeichnis mein gesamtes inländisches und ausländisches Vermögen angegeben und bewertet [3]).

~~Da ich Jude fremder Staatsangehörigkeit bin, habe ich in dem nachstehenden Vermögensverzeichnis mein inländisches Vermögen angegeben und bewertet [3]).~~

Ich bin verheiratet mit ..... geb. .....

Mein Ehegatte ist der Rasse nach — jüdisch [3]) — nichtjüdisch [3]) — und gehört der ..... Religionsgemeinschaft an.

Angaben über das Vermögen

16 Декларация имущества, которую вынуждена была заполнить сестра Витгенштейна Гермина после аншлюса 12 марта 1938 года. Фашистское правительство требовало этого от всех евреев. Однако Гермина в этой же декларации подала прошение о пересмотре расового статуса

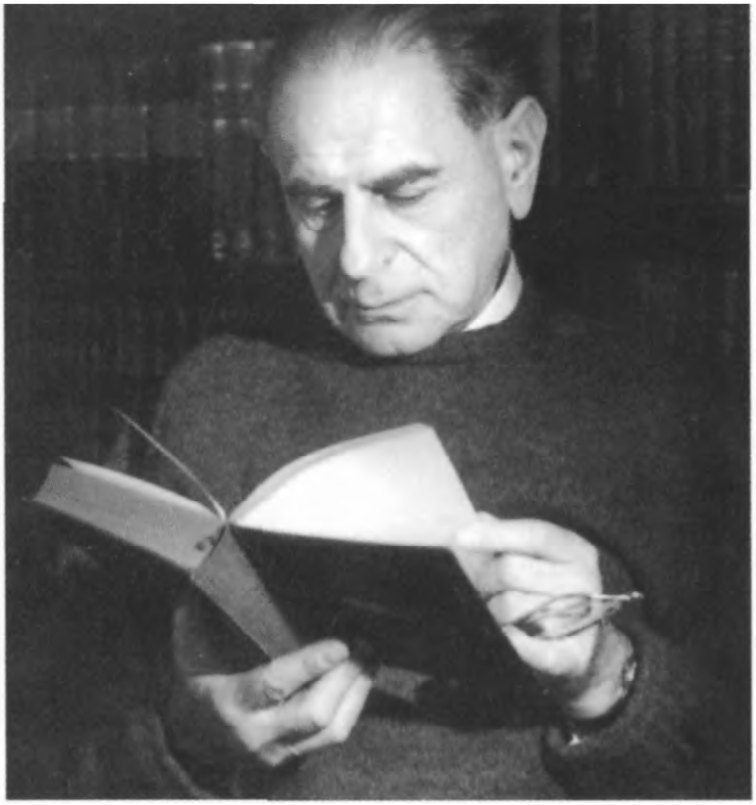

17 Витгенштейн и Бен Ричардс. «Б помешан на мне. Это не может длиться долго»

18 Карл и Хенни. Он писал и писал. Она печатала и печатала

19 Вена, Хельденплац; через два дня после аншлюса Адольф Гитлер «заявляет перед лицом истории», что Австрия присоединилась к рейху. Считается, что ни до, ни после столько австрийцев не собиралось в одном месте

20 Поппер в начале 1960-х. Он чувствовал, что победил. Но не все были с этим согласны

21 Камин. Кочерга «со слабым звоном» падает под очаг, на плиточный пол

Насколько точной была интерпретация «Логико-философского трактата» Венским кружком — это уже другой вопрос. Витгенштейн разделил все предложения на такие, о чем можно что-либо сказать, и такие, о чем следует молчать. Научные предложения относятся к первой категории, а этические ко второй. Но вот чего многие члены Венского кружка не поняли, так это того, что Витгенштейн не утверждал, будто то, чего нельзя высказать, бессмысленно. Напротив: только то, о чем мы не можем ничего сказать, действительно имеет значение. Витгенштейн подчеркивал эту мысль «Трактата» в письме к одному знаменитому венскому издателю: «Главный вопрос — это вопрос этический. Моя работа состоит из двух частей: то, что перед вами, плюс все то, что я не написал. И важна именно эта, вторая часть».

Некоторые члены Кружка, в том числе Отто Нейрат, со временем стали относиться к Витгенштейну как к мошеннику. Рудольфа Карнапа особенно поражал контраст между самим Витгенштейном и тем, как интерпретировал кружок его текст. Кружок состоял из реалистично мыслящих ученых, категорически отвергавших метафизику, морализаторство, духовность — и поначалу они считали «Трактат» апологией такого подхода. А тут перед ними во плоти стоял полумистик, вслух читающий стихи. Карнап писал об этом так:

> «Своими взглядами, своим отношением к людям и проблемам, даже теоретическим проблемам, он напоминал не ученого, а, скорее, человека творческого, художника, даже, может быть, пророка или провидца... И когда, порой после долгих мучительных усилий, наконец-то рождался ответ, этот ответ являлся перед нами, как только что сотворенный шедевр или божественное откровение».

Вскоре — наверное, иначе и быть не могло — между Витгенштейном и узкой группой «кружковцев» возникли напряженность, непонимание, а вслед за ними и раскол. В частности, неминуем был конфликт с Карнапом, всегда безмятежно-уравновешенным. Карнап, веривший в возможность идеального языка, возлагал большие надежды на эсперанто. Этот безобидный энтузиазм приводил в бешенство Витгенштейна, утверждавшего, что язык должен быть естественным.

Карнап всегда прислушивался к мнению Витгенштейна, однако Витгенштейн считал его вдумчивые, настойчивые, корректно сформулированные вопросы — каким именно образом мэтр из посылок X и Y пришел к умозаключению Z — придирками педанта: «Если он не чует, ничем не могу ему помочь. У него просто нет нюха». Окончательно они рассорились, когда Карнап опубликовал свое детище – «*Der Logische Aufbau der Welt*» («Логическая конструкция мира»). Витгенштейн обвинил Карнапа в плагиате — преступлении, которое он всегда был готов заподозрить. На сей раз, по мнению Витгенштейна, в преступлении были отягчающие обстоятельства: в своей книге Карнап упомянул, что ее появлением обязан Витгенштейну. Последний на это заявил: «Если мальчишка забрался ко мне в сад и стащил мои яблоки — я не против; но если при этом он заявляет, что я сам их ему дал, — вот тут я возражаю».

Однако подлинный разрыв, имевший привкус трагедии и показавший, что Витгенштейн умел быть очень жестоким, произошел у него с Вайсманом. Карл Поппер, похоже, имел все основания для сурового вывода: «[Витгенштейн] жестоко и бесчеловечно повел себя с Вайсманом, перед которым был в огромном долгу».

Фридрих Вайсман, не будучи оригинальным мыслителем, обладал удивительной способностью резюмировать трудные для понимания идеи в простой и доступ-

ной форме. Почти десять лет он применял этот дар к устным изречениям Витгенштейна, в основном при участии последнего, усердно придавая им структуру и форму. В 1929 году даже распространился слух, что Витгенштейн и Вайсман вместе работают над книгой. Витгенштейн, который никогда не стеснялся брать выдающихся философов себе в секретари, попросил Вайсмана писать под его диктовку. Однако планы совместной публикации так ни к чему и не привели — Вайсмана раздражали бесконечные колебания Витгенштейна и его интеллектуальный собственнический инстинкт.

В конце 1937 года Вайсман и его семья покинули Вену как беженцы. Поппер дал Вайсману рекомендацию для британского Совета поддержки ученых, когда сам в помощи Совета уже не нуждался; свидетельства об этой истории в автобиографии Поппера слегка приукрашены, к чему мы еще вернемся. Так или иначе, Вайсман с женой и ребенком приехал в Кембридж, получив от Совета небольшой грант, а от университета — временную должность лектора.

В чужой стране, вынужденный преподавать на чужом языке, обеспокоенный судьбами оставшихся на родине друзей и родных, Вайсман крайне нуждался в эмоциональной и профессиональной поддержке, не говоря уж о материальной. Он наверняка воспрял духом, узнав, что ведущий философ университета, где он пытался начать новую жизнь, — не кто иной как Людвиг Витгенштейн.

Когда Вайсман приехал в Англию, Витгенштейн был за границей — в Норвегии. Вернувшись в Кембридж, он словно бы и не заметил факта существования своего бывшего венского коллеги. От полного отчаяния семью Вайсманов спасли Брейтуэйты — Ричард и его жена Маргарет Мастерман. Они помогли беженцам обрести кров и снабдили деньгами.

Самое великодушное объяснение поведению Витгенштейна — что у него не было ни потребности в старых венских друзьях, ни времени на них, ибо владевшие им идеи развивались чрезвычайно стремительно. К тому же его ужасно разозлил опубликованный в 1929 году «манифест» Венского кружка, и он в письме упрекал Вайсмана в «самодовольной позе». Но вряд ли все это можно счесть достаточным оправданием. Глубокая поглощенность Витгенштейна самим собой, его уверенность в том, что каждый обязан с максимальной честностью играть роль, уготованную ему жизнью, — вот вероятные, хотя и не самые достойные, причины его неумения забыть о профессиональных разногласиях и протянуть руку помощи тому, кто в ней нуждается. Вспоминается, как Витгенштейн укорял Ливиса за то, что тот дал на чай лодочнику: «У меня этот человек всегда ассоциируется с сараем для лодок». Возможно, и Вайсман у него всегда ассоциировался с нищетой и Фрухтгассе.

Профессиональная жизнь Вайсмана в Кембридже была невыносима — он постоянно ощущал нависшую над ним враждебную тень Витгенштейна. Он не мог читать лекции на самые любимые свои темы, потому что по ним уже вел семинары Витгенштейн, за которым, безусловно, был приоритет. Хуже того — Витгенштейн еще и отговаривал студентов ходить на лекции Вайсмана. Может быть, в его памяти тот навсегда остался библиотекарем.

Без малого два года спустя Вайсман переехал в Оксфорд, где до конца своих дней преподавал философию математики. Вдали от родины он никогда не чувствовал себя счастливым. Одинокий, оторванный от дома, он постоянно был удручен и подавлен и часто сетовал, что в Англии нет кофеен. И жена, и сын его покончили с собой. Вайсман сделал все возможное, чтобы донести идеи Витгенштейна до Оксфорда, ставшего после вой-

ны центром витгенштейнианства. Однако отношения с самим Витгенштейном так никогда и не восстановились. Сэр Майкл Даммет, оксфордский философ, утверждает, что после смерти Витгенштейна в 1951 году Вайсман словно «избавился от тирана». Его лекции, которые ранее были почти полностью посвящены философии Витгенштейна, стали гораздо разнообразнее. Сам Вайсман умер в 1959 году.

Фридрих Вайсман был далеко не единственным беженцем среди членов Венского кружка. Почти все самые яркие его деятели были евреями, а остальные в большинстве своем разделяли левые взгляды. Наряду с художниками, режиссерами, банкирами, учеными и врачами Вена лишилась и многих философов — и ее потери стали находками для Англии и Америки. Карнап через Прагу перебрался в Принстон, Фейгль — в Айову, а затем в Миннесоту, Гедель тоже в Принстон, Менгер — в Университет Нотр-Дам, Гемпель из Берлина через Брюссель добрался сначала до Чикаго, а потом и до Нью-Йорка. Отто Нейрат, политически самый активный представитель кружка, так и не вернулся в Вену после нацистского мятежа и убийства канцлера Дольфуса в 1934 году, когда он путешествовал по России, понимая, что оставаться в Австрии смертельно опасно. Нейрат с женой подался в Голландию, а когда в 1940 году нацисты оккупировали Нидерланды, на крохотном, битком набитом суденышке переправился в Англию, где мирно умер перед самым концом войны. Вайсман эмигрировал одним из последних.

После убийства Шлика кафедра философии индуктивных наук была закрыта: начальство решило, что отныне преподаваться будет только история философии. Идеи Венского кружка, пусть подорванные и ослабленные, продолжали жить — но уже не в Вене, а в Англии и Соединенных Штатах.

Голос Венского кружка и по сей день слышится в ряде философских эпонимов. В 1931 году Гедель опубликовал свою теорему, уничтожившую все попытки построить логические основания математики. Он показал, что невозможно доказать непротиворечивость любой аксиоматической арифметической системы в рамках самой этой системы. Его пятнадцатистраничная статья доказывает, что не все в математике поддается доказательству — какие бы теоремы ни принимались, всегда остаются истины, которые невозможно подтвердить. Далее — «лодка Нейрата». Нейрат утверждал, что знание не имеет прочного фундамента, и иллюстрировал эту мысль, приводя для сравнения пример из области навигации: «Мы — как моряки, которые вынуждены ремонтировать корабль в открытом море, не имея возможности разобрать его в сухом доке и собрать заново из новых, лучших элементов».

Однако ярче всего суть проблем, лежавших в поле зрения Венского кружка — вопросов верификации и подтверждения, — отразилась в парадоксе Гемпеля. Какого рода вещи могут считаться подтверждением или доказательством верности той или иной теории? Парадокс Гемпеля состоит в следующем: допустим, вы наблюдаете за птицами и хотите оценить, верна ли ваша теория, что все вороны — черные. Конечно, если вы увидите белого, коричневого или зеленого ворона, вашу теорию можно считать опровергнутой, ложной. Но тогда можно предположить, что если вы видите только черных воронов, то это — свидетельство в пользу того, что ваша теория истинна. Мысль Гемпеля заключалась в том, что утверждение «Все вороны — черные» логически эквивалентно утверждению «Все, что не черное, не есть ворон». Скажем иначе: если верно, что все вороны черны, то, видя зеленую птицу, вы можете с уверенностью сказать: «Эта птица — не ворон». Но Гемпель

пошел дальше: всякий раз, когда вы, видя нечто, что и не черное, и не ворон, подтверждаете тем самым, что все, что не является черным, не есть ворон, вы в то же время подтверждаете и логически эквивалентное высказывание: все вороны черны. Иными словами, подтверждения этой теории вы находите всякий раз, когда видите желтое солнце, белый «роллс-ройс», красную грудку снегиря, синий колокольчик или розовую пантеру.

Казалось бы, это противоречит здравому смыслу, хотя очень нелегко понять, почему именно. Но в то же время ясно: когда Карл Поппер принялся рыть подкоп под проведенной Венским кружком демаркационной линией между верифицируемыми и неверифицируемыми высказываниями, в этом он был не так одинок, как утверждал впоследствии.

14

Поппер: перечеркнутый кружок

> Все это привело меня к ощущению, что мои ответы на все до единого главные вопросы [Венского кружка] были лучше — и последовательнее, — чем их собственные.
>
> *Поппер*

Каковы же, в таком случае, были отношения Карла Поппера с Венским кружком?

Поппер, как и Витгенштейн, никогда не ходил на еженедельные собрания кружка. Но Витгенштейн не ходил на них, потому что не хотел, а Поппер — потому что его не звали. В *Unended Quest* он писал, что почел бы за честь быть приглашенным на эти собрания, но так ни разу и не получил приглашения.

В голодные послевоенные дни 1920 года в кафе «Akazienhof», что было в трех минутах ходьбы от математического факультета Венского университета, бедным студентам подавали благотворительные обеды — очень дешевые, но сытные. Летом студенты ели на летней площадке кафе, в тени деревьев. Вот там-то Карл Поппер, студент-экстерн университета (*ausserordentlicher*), познакомился с Отто Нейратом, наиболее эклектичным из всех членов Венского кружка. Это был первый контакт Поппера с кружком; и именно Нейрат впоследствии назовет Поппера его (кружка) «официальной оппозицией».

Поппер всегда гордился этим титулом, считая, что он исчерпывающе характеризует его жизнь в целом и оправдывает его существование как философа. Он был не просто оппозиционером, но Оппозиционером; и не

просто Оппозиционером, но Торжествующим Оппозиционером — торжествующим не только над Венским кружком, но и над Платоном, Гегелем и Марксом (хотя он уважал и Платона, и Маркса), над Фрейдом (которого относил к одной категории с астрологами и прочими псевдоучеными) — и, конечно, над Витгенштейном.

Поппер всегда стремился опровергнуть, по его собственному высокопарному выражению, «легенду о Поппере». Легенда гласила, что он был членом Венского кружка. Неправда, протестовал Поппер. Легенда гласила, что в рамках кружка он сумел преодолеть ряд философских затруднений, заменив критерий верифицируемости (на основе которого делался вывод об осмысленности высказывания) критерием фальсифицируемости. Против этого Поппер тоже горячо возражал: «Затруднения Венского кружка были моим собственным изобретением. Я сам их придумал, я показал, что их критерий не работает, и я вовсе не пытался избавить их от этих затруднений — у меня была совершенно другая задача». Его критика, утверждал Поппер, вскоре посеяла в кружке разброд и шатания. «Но, поскольку меня то и дело называют одним из них, хочу повторить: хоть я и создал эту ситуацию, я никогда в ней не участвовал». Ударение везде на «я».

Почему же Поппер всегда оставался за пределами Венского кружка? В конце концов, он был дружен с некоторыми его членами, в том числе с Карнапом, Кауфманом, Крафтом и Фейглем, и все они высоко ценили его способности. В 1932 году Карнап, Фейгль и Поппер даже вместе отдыхали в Тироле. Фейгль говорил, что у Поппера «выдающийся, блестящий ум», а Карнап позже писал: «Доктор Поппер — независимый мыслитель огромного масштаба».

Блестящий ум, удачные знакомства — чем не кандидатура для Венского кружка? Не говоря уж об интересе к применению в философии методов аналитических

научных дисциплин. Его первая большая работа «*Logik der Forschung*» («Логика научного открытия»), вышедшая в конце 1934 года, вызвала одобрение Эйнштейна и по значению никак не уступала тому, что писали и издавали члены кружка. Так почему же, спрашивается, Венский кружок не принял в свои ряды этого молодого человека, уже работавшего над книгой, которая позже принесет ему мировую известность? Ответ прост: потому что так решил Мориц Шлик.

Шлик не относился к числу почитателей Поппера. Первая стычка между ними произошла еще в 1928 году. Шлик был одним из экспертов, рассматривавших докторскую диссертацию Поппера, и работа его не впечатлила. Но главную роль сыграла органическая враждебность Поппера по отношению к «гуру» Шлика — Витгенштейну. В частности, нападкам подвергались идеи Витгенштейна о бессмысленности метафизических предложений и о том, что осмысленными являются лишь те предложения, которые отражают возможное положение дел. В *Unended quest* Поппер называет давно отброшенную Витгенштейном теорию языка как образа мира «безнадежно и вопиюще ошибочной». В примечаниях он критикует Витгенштейна за преувеличение пропасти, лежащей между миром доступных описанию фактов и тем, что глубинно и не может быть высказано: «Именно это поверхностное решение проблемы глубины — тезис "то, что глубоко, словами не высказать"» — объединяет Витгенштейна-позитивиста и Витгенштейна-мистика».

Поппер свысока относился к философии Витгенштейна с тех самых пор, как впервые столкнулся с ней еще в студенчестве, в начале двадцатых, однако обнародовал свое пренебрежение только в декабре 1932 года — через одиннадцать лет после выхода в свет «Логико-философского трактата», когда Витгенштейн уже пере-

смотрел многое из того, что было там изложено. Вот тогда-то Попперу и пришлось распрощаться с надеждами на приглашение в Венский кружок. А произошло это на весьма бурном собрании другой философской группы — кружка Гомперца.

Конечно, в то время в столице Австрии кружок Шлика был самым знаменитым и признанным. Однако были и другие кружки, зачастую пересекавшиеся между собой, и многие интеллектуалы были членами одновременно нескольких кружков. Группа, сплотившаяся вокруг венского философа Генриха Гомперца, собиралась для обсуждения истории идей. Подробности той роковой для Поппера встречи в высшей степени живописны. Согласно одному свидетельству, Поппера пригласили на заседание кружка Гомперца и сообщили ему, что там будут звезды Венского кружка — не только Шлик, но и Карнап, и Виктор Крафт. Для молодого учителя это был явно судьбоносный момент. «*Logik der Forschung*» еще не увидела света и существовала только в виде увесистой рукописи под названием «*Die beiden Grundprobleme der Erkenntnistheorie*» — «Две фундаментальные проблемы теории познания»; а «*Logik der Forschung*» — ее реинкарнация, сильно урезанная и существенно измененная. Шлик был редактором серии, в которой Поппер намеревался публиковать эту работу. Произведя впечатление на Шлика, Поппер вполне мог бы обрести заветное приглашение на его «четверги».

Другой в этой ситуации избрал бы тактику подчеркнутой почтительности и предупредительности. Но Поппер, когда его охватывало нервное напряжение, выбирал иной путь — неприкрытую агрессию. Вот и на сей раз его угораздило разразиться гневной тирадой в адрес философских оппонентов. Главной мишенью его насмешек стал Витгенштейн, которого Поппер обвинил в том, что он, подобно католической церкви, запрещает

дискуссии по тем вопросам, ответа на которые не знает.

Шлик с отвращением покинул собрание, не дожидаясь конца. Позже он жаловался Карнапу, что Поппер передразнивал Витгенштейна. Следует отдать должное честности Шлика, который впоследствии, невзирая на этот неприятный факт, рекомендовал «*Logik der Forschung*» к публикации. Но одно дело — рекомендация и совсем другое — членство в кружке, где было два основных требования к кандидатам: блестящий интеллект и умение вести себя корректно. Возможно, отношение к Витгенштейну было третьим критерием. Этот экзамен Поппер провалил по всем статьям. По-видимому, после злополучного вечера в кружке Гомперца Шлик больше не рассматривал возможность приглашения Поппера в Венский кружок — по крайней мере, об этом не существует ни единого упоминания. Да и сам Поппер, по свидетельству Джозефа Агасси, неоднократно говорил, что проблема в его отношениях с кружком сводилась к его, Поппера, нежеланию признавать Витгенштейна великим философом.

Всю свою жизнь Поппер будет преувеличивать размеры пропасти, лежавшей между ним и Венским кружком. Членов кружка, писал он с очаровательной самоуверенностью, можно было разделить на две группы — «тех, кто признавал многие или почти все мои идеи, — и тех, кто чувствовал, как опасны эти идеи, и пытался им противостоять».

Но если отбросить мотив своекорыстия, нельзя не признать, что в борьбе с Венским кружком Поппер всегда точно целился и бил без промаха. Он раскопал, отряхнул от пыли двухвековой давности и до блеска отполировал интеллектуальное копье, которым намеревался поразить основополагающий принцип Венского кружка.

В XVIII веке шотландский философ Дэвид Юм впервые поставил под сомнение индуктивные умозаключения. Если до сих пор каждое утро всходило солнце, вопрошал Юм, является ли это рациональным основанием для вывода, что оно взойдет и завтра?

Юм полагал, что нет. Апелляция к законам природы неизбежно ведет к порочному кругу: единственная причина, по которой мы верим в законы природы, — та, что они не подводили нас в прошлом. Но почему мы должны предполагать, что это как-то влияет на будущее? Бертран Рассел, с его врожденной способностью использовать яркие, запоминающиеся образы, изложил ту же загадку иными словами: «Человек, который изо дня в день кормил курицу, в какой-то момент сворачивает ей шею, тем самым показывая, что взгляды курицы на единообразие мироустройства были не вполне верны».

Поппер показал, что идеи Юма имеют огромное значение для научного метода, который асимметричен по своей сути. Никакое число экспериментов не способно подтвердить верность теории (например, той, что солнце всегда будет восходить), потому что, сколь бы регулярно ни восходило солнце до сих пор, в какой-то момент жизни оно может взять заслуженный выходной. Зато один-единственный отрицательный результат способен доказать, что теория неверна. Даже если мы видели десятки тысяч черных воронов, мы не можем логически вывести из этого, что утверждение «Все вороны черные» верно, — возможно, голубой ворон гнездится прямо за углом. (Один боец ИРА сказал о том же другими словами, от которых холодок пробегает по спине: служба безопасности важного политика может изо дня в день работать без осечки, но если террористу повезет всего один раз, этого будет достаточно.)

Таким образом, теория верификации оказывалась бесполезной. Венский кружок попался в собственные

силки. Его знаменитый лозунг, объявлявший бессмысленными все высказывания, не удовлетворяющие критериям осмысленности («осмысленный = аналитический или верифицируемый»), сам проверки не выдержал, ибо утверждение «смысл высказывания — это способ его верификации» само по себе, в рамках собственных терминов, не истинно и не ложно и не поддается верификации. Этот принцип невозможно увидеть, попробовать на вкус, понюхать или ощутить; его нельзя воспроизвести в лабораторных условиях или заметить на улице — таким образом, согласно критериям самих позитивистов, он лишен смысла.

Один из разделов *Unended Quest* Поппер называет «Кто убил логический позитивизм?» и сам же в притворном раскаянии отвечает на этот вопрос: «Боюсь, я вынужден признать себя виновным». При этом он жалуется, что, поскольку «*Logik der Forschung*» вышла в Англии только через четверть века и поскольку сам он, будучи венцем, сталкивался с теми же вопросами, что и Венский кружок, в англо-американском философском мире его считают позитивистом. Действительно, его, как и Витгенштейна, упорно связывали с этим кружком, к которому ни тот, ни другой никогда не принадлежали.

Но Поппера ассоциировали с Венским кружком не только сторонние наблюдатели и более поздние исследователи. Вместо принципа верифицируемости Поппер предложил другой принцип — принцип фальсифицируемости. Нельзя доказать, что научная теория истинна, зато можно показать, что она ложна. Чтобы иметь право называть теорию или гипотезу научной, нужно попытаться ее опровергнуть. Некоторые члены кружка восприняли эту идею просто как попытку усовершенствовать принцип верифицируемости, отладить механизм, который и так хорошо работает. Карнап полагал, что Поппер драматизирует различия между взглядами

Венского кружка и собственными. Карл Гемпель писал, что Поппер соблюдал по отношению к кружку определенную философскую дистанцию — «дистанцию, которая, я полагаю, была преувеличенной — в конце концов, не существовало партийной программы, которой были бы преданы все члены группы». А Виктор Крафт в краткой истории Венского кружка утверждал, что идеи кружка обрели сторонников в Англии благодаря, в числе прочих, Карлу Попперу.

Поппер не уставал говорить, что подобные заявления свидетельствуют о глубинном непонимании сути его критики. Кружок ввел понятие верификации, чтобы отделять смысл от бессмыслицы. Поппера же подобная лингвистическая демаркация не интересовала. У него была иная цель: отделить науку от ненауки, или псевдонауки. Он не называл такие предложения, как «Малер — прекрасный композитор», бессмысленной абракадаброй и не утверждал, что они сугубо субъективны; он просто полагал, что они не относятся к сфере науки. «Мне было ясно, что эти люди ищут демаркационный критерий не столько между наукой и псевдонаукой, сколько между наукой и метафизикой. И мне было ясно, что мой старый демаркационный критерий лучше, чем их».

Однако нет никаких сомнений, что основные философские интересы Поппера сформировались еще в молодости, в Вене. Он всегда отдавал преимущество науке и научному методу — доказательству, логике, вероятности, — и это отражает фокус исследовательских интересов, бытовавших в его родном городе. Как бы далеко ни заходил Поппер в своих ответах, постановкой большинства вопросов он обязан Шлику, кружку и Вене.

И все-таки в ситуации с Венским кружком именно Поппер оказался «тем, кто смеется последним». В 1985 году правительство Австрии пригласило его в Вену —

возглавить новый институт философии науки имени Людвига Больцмана (*«Ludwig-Boltzmann-Institut fur Wissenschaftstheorie»*), учрежденный специально для того, чтобы вернуть великого ученого на родину, к вящей славе послевоенной Австрии. Это был последний и окончательный триумф над Венским кружком.

Однако замыслы правительства бесславно провалились. Чиновник министерства просвещения сообщил Попперу, что ему придется представить план работы на утверждение в правительство. Поппер разразился гневным письмом, в котором отказался от должности — ощущение давления со стороны властей слишком уж живо напомнило ему прошлое...

Что способна поведать нам о событиях 25 октября 1946 года эта долгая прогулка по Рингштрассе? Например, она объясняет, какой путь прошли эти два австрийца, прежде чем встретиться лицом к лицу в кембриджской учебной аудитории. Но не только это.

Витгенштейн не знал Поппера лично. Однако, если оставить в стороне философию, история венского периода их жизни позволяет предположить, что выросший во дворце аристократ — английские костюмы, французская мебель, загородные особняки, неиссякаемое богатство, постоянные путешествия, близкое знакомство с титанами культуры, — встретившись в аудитории Н3 с выходцем из обычной буржуазной семьи, инстинктивно должен был смотреть на него свысока, снисходя к нему с высоты своего богатства и положения — точно так же, как он смотрел на Вайсмана, но не на принадлежавшего к аристократическим кругам Шлика.

Для Поппера Витгенштейн тоже был отнюдь не только научным соперником. Он был для него еще и олицетворением той Вены, которая была недосягаема даже для сына почтенного адвоката. Поппер видел в Витгенштей-

не воплощение имперского города, в котором богатство и знатность внушали уважение и открывали любые двери; особой территории, куда не заглядывала инфляция и где можно было откупиться от нацистов. В глазах Поппера обстоятельства жизни этого человека являли собой полную противоположность его собственным обстоятельствам, которые мешали ему, связывали руки и, наконец, вынудили покинуть родину.

Рингштрассе стала для Поппера и Витгенштейна не только дорогой в аудиторию Н3, но и демаркационной линией, разделившей их судьбы.

15

Паяльная лампа

Наша цивилизация сможет выжить, только если мы откажемся от привычного почитания великих.

Поппер

Чтобы хорошо обходиться с тем, кто тебя не любит, нужно быть не только добрым, но и очень тактичным.

Витгенштейн

Несмотря на все социальные и культурные различия, у Витгенштейна и Поппера была одна общая черта: когда дело доходило до спора, оба были совершенно невыносимы. Поэтому в аудитории Н3 не могло не произойти яростной стычки.

Оба невысокого роста, с полыхающим внутри пламенем, ни Поппер, ни Витгенштейн не были способны на компромисс. Оба были задиристы, агрессивны, нетерпимы и эгоцентричны — хотя Витгенштейн и писал о себе Норману Малкольму: «Я робок и не люблю конфликтов, особенно с людьми, которые мне нравятся».

Тактику спора, к которой прибегал Поппер, хорошо описал Брайан Маги. Поппер не выискивал мелкие изъяны и ошибки — напротив, он старательно укреплял позиции противника, а потом одним ударом сокрушал его главный тезис. Столкнувшись с ним впервые, Маги был потрясен его «интеллектуальной агрессивностью, какой я никогда прежде не видел. Он упорно выводил диалог за рамки приемлемого... На практике это означало давление на людей, подчинение их своей воле. В его энер-

гии и напоре было что-то злое. Эта мощная, неослабная, сфокусированная ярость напоминала мне пламя, рвущееся из паяльной лампы».

Одно из главных открытий Поппера, обогативших современную науку, состояло в том, что подлинно научная теория — та, которую можно опровергнуть; однако применение этого принципа к его собственным идеям Поппера отнюдь не радовало. Говорили даже, что «Открытое общество и его враги» следовало бы переименовать: «Открытое общество глазами его врага». Профессор Джон Уоткинс допускает даже, что Поппер был интеллектуальным убийцей: «Хорошо известны случаи, когда на семинарах кто-то объявлял название доклада: "Что такое X?", а Поппер перебивал: "Вопросы 'что?' принципиально неверны и не имеют права на существование!" В итоге докладчику так и не удавалось продвинуться дальше названия». Одна такая история произошла в 1969 году на семинаре Поппера в Лондонской школе экономики. Аспирант профессора Уоткинса должен был излагать план своей диссертации «о первичных и вторичных качествах». Не успел молодой человек раскрыть рот, как Поппер прервал его и принялся распекать: докладчик совершенно не понимает сути вопроса, у него нет никаких идей, преуспел он разве что в субъективистской психологии и так далее. «Не только у меня сложилось впечатление неоправданной резкости и несправедливости».

Это впечатление подкрепляют воспоминания писателя и журналиста Бернарда Левина, поклонника Поппера, который тоже учился в Лондонской школе экономики: «Однажды на семинаре мой однокурсник высказал свое мнение сбивчиво и бессвязно. Ученый муж насупился и отрезал: "Не понимаю, о чем вы". Мой незадачливый коллега залился краской и попытался сформулировать свою мысль иначе. "А-а, — сказал учитель, —

теперь я понимаю, о чем вы говорите, и, по-моему, это полная чушь"». Воспоминания о Поппере изобилуют историями о том, как на университетской лекции или даже на публичном выступлении какой-нибудь безрассудный смельчак, задавая вопрос Попперу, имел несчастье неточно процитировать слова последнего — и Поппер буквально размазывал его по стенке. Когда же бедолага признавал свою ошибку, Поппер расплывался в улыбке: «Ну, теперь мы можем быть друзьями». Согласно Джозефу Агасси, «все его лекции начинались прекрасно, а заканчивались самым прискорбным образом: какой-нибудь дурак ляпал глупость, Поппер набрасывался на него, и атмосфера из задушевной превращалась в совершенно невыносимую».

Как и Витгенштейн, Поппер вынуждал своих студентов ощущать себя никчемными, ни на что не способными. Лорд Дарендорф, социолог и бывший директор Лондонской экономической школы, и, между прочим, немец, вспоминал, что английские студенты переставали посещать лекции Поппера, потому что не привыкли к такому обращению. Между тем Поппер не видел причин щадить достоинство не то что студентов — коллег-преподавателей. Математику Айвору Граттан-Гиннесу доводилось бывать на его лекциях:

> «Его поведение казалось мне ужасным, честное слово. Студентов он не поощрял, а, наоборот, приводил в уныние: он знал бесконечно больше, чем мы, и всячески это подчеркивал. Разумеется, от этого мы чувствовали себя еще глупее, чем были на самом деле. Мало того: он унижал коллег прямо у нас на глазах! Там был один очень приятный человек, Джон Уиздом [кузен и тезка кембриджского Уиздома], который интересовался психоанализом. Поппер издевался над ним: "Поглядите-ка, он забавляется фрейдистскими игрушками!" Подумать

только, чтобы выдающийся философ так выражался в присутствии студентов!»

Поппер не щадил и публично поносил даже собственных ассистентов. Арне Петерсен, работавший с ним в семидесятые, вспоминает о лекции Поппера в 1985 году на церемонии открытия Венского института имени Людвига Больцмана (лекция транслировалась по телевидению в прямом эфире):

> «Поппер пригласил меня, как и других иностранных сотрудников института, присутствовавших на церемонии, поучаствовать в обсуждении его вступительной лекции, посвященной *Wahrheitstheorie* — теории истины. Случилось так, что мой импровизированный и несколько неуклюже сформулированный вопрос был принят им за вариант одного из положений, которые он опровергал в своем выступлении! И я — что называется, в свете софитов — мгновенно попал под град его уничтожающих аргументов».

Дарендорфа изумляла неутомимость Поппера-спорщика: «Он ходил взад-вперед и в своей неподражаемой манере, все доказывал, и доказывал, и доказывал. Просто поразительно, до чего он любил спорить — и никогда не уставал от этого!» Если уж Поппер выбирал цель, ничто не могло сбить его с пути, и сострадания он не ведал. В послании к Маргарет Тэтчер, выражая сочувствие по поводу ее вынужденной отставки с поста премьер-министра, Поппер все-таки не удержался от заявления, что во многом не согласен с ее политикой в области образования. (Письмо, правда, так и не было отправлено.)

Чтобы Поппер сдался или уступил — об этом и речи быть не могло. Философ Дороти Эммет испытала это на себе в первую же из их многочисленных встреч. Поппер приехал в Манчестер на собрание Аристотелевского

общества, и она пригласила его на ночлег, еще не догадываясь, чем это ей грозит. Было это вскоре после его возвращения из Новой Зеландии и выхода в свет «Открытого общества». В этой книге Поппер не только обвинил Платона в том, что тот посеял семена тоталитаризма, но и заявил, что преподавать студентам платоновское «Государство» — значит растить «маленьких фашистов». Дороти Эммет написала статью в защиту Платона, где отметила, что изучала труды Платона в студенческие годы и считает, что чтение Платона воспитывает дух открытости и непредвзятости.

На Поппера, однако, чтение Платона явно произвело противоположный эффект. Стоило Эммет назвать себя, Поппер тут же ринулся в атаку. Он, правда, прервался на время ужина с коллегами, но, придя в дом Дороти, с порога возобновил наступление «и не унимался до полуночи, пока я, очень уставшая, не сказала, что пора спать. В тот же миг Поппер преобразился до неузнаваемости. "Теперь, когда я высказал вам все, мне стало легче", — сказал он и сделался мягок и предупредителен. Именно таким — мягким и предупредительным — он был потом при каждой нашей встрече». Вся беда в том, сказала ему Эммет, что при выражении своих мыслей он впадает в крайности. «Да, я знаю, — ответил Поппер, — но я вовсе не имею в виду ничего обидного». Узнав, что в Англии он совсем недавно, она рискнула дать ему совет: «"Мне кажется, в Англии ваш подход не приживется. У нас не приняты сильные высказывания, мы предпочитаем скорее недоговаривать". "Правда? Тогда, наверное, мне придется пересмотреть свои методы", — ответил Поппер. Но так и не пересмотрел».

Может показаться удивительным, что при такой задиристости и беспощадности у Поппера все же имелись друзья. И тем не менее, это так. Помимо уже упоминавшегося историка искусства сэра Эрнста Гомбриха, имеется

еще внушительный список, звучащий как «Кто есть кто в мире науки»: сэр Джон Эккл, сэр Герман Бонди, Макс Перутц, доктор Питер Митчелл, сэр Питер Медавар. Четверо из названных имен — Нобелевские лауреаты. Однако перечень *бывших* друзей можно продолжать бесконечно — и все они были виноваты лишь в том, что осмелились подвергнуть критике, пусть даже самой мягкой и конструктивной, какое-то из попперовских положений.

Таких, кто вышел из фавора, а потом снова был причислен к друзьям, очень и очень мало. В их числе — Уильям Уоррен Бартли III, американский философ, автор нашумевшей биографии Витгенштейна. Бывший студент, а затем коллега Поппера, он был ему как сын — до тех пор, пока в июле 1965 года не выступил с лекцией, в которой обвинил Поппера в догматизме. Бартли, конечно, ожидал грозы. Он заранее предупредил Поппера, что тому лекция не понравится, а в беседе с одним из слушателей предрек, что Поппер, наверное, перестанет с ним разговаривать. Слушая лекцию, Поппер «утратил дар речи». Он немедленно написал Бартли: «Я был потрясен, ошеломлен: уж не снится ли мне это?» — и предложил забыть этот инцидент навсегда, словно его и не было. Тем не менее разрыв между ними длился двенадцать лет — и на сей раз мосты развел не Поппер. Бартли сделал шаг навстречу только тогда, когда некий калифорнийский знахарь сказал, что они с Поппером должны наладить отношения. Однако этот пример стал исключением, подтверждающим общее правило: Поппер вычеркивал людей из жизни раз и навсегда. Нельзя было и помыслить не то что о мире — о перемирии. Сторонние наблюдатели просто застывали с открытым ртом при виде такой ярости и бескомпромиссности.

Среди самых ярких примеров того и другого — ссора с бывшим учеником, уроженцем Венгрии Имре Лакатосом. Преступление последнего состояло в том, что в

статье для посвященного Попперу тома «Библиотеки современных философов» Шилппа, затронув вопросы о попперовской демаркации науки и ненауки и о принципе фальсифицируемости, якобы разрешившем проблему индукции, Лакатос тем самым поставил под сомнение *raison d'être* Поппера. Этого Поппер, у которого между жизнью и работой стоял знак равенства, простить не смог никогда. Близкие к нему люди привыкли выслушивать полные ненависти тирады о Лакатосе, звучавшие и после смерти венгерского философа. В Фэллоуфилде, загородном доме Поппера в Бакингемшире, Лакатос и другие философы науки, дерзнувшие критиковать Поппера, — Пол (Пауль) Фейерабенд и Джон Уоткинс — упоминались под названием «Клуб "Осиное гнездо"».

Еще один бывший студент, а затем коллега Поппера, Джозеф Агасси, совершил такую же ошибку — высказал Попперу свои возражения по поводу его статьи. Дружба была прервана в тот же миг, и Агасси был зачислен в «Клуб "Осиное гнездо"». Лишь спустя годы Агасси сделал попытку примирения, но и на восьмидесятом году жизни Поппер ответил ему в ядовитом тоне:

> «...после возмутительного (ибо он был полон личных выпадов) отзыва на "Объективное знание" (который, судя по вашему предисловию, вы писать не хотели и сделали это, лишь повинуясь долгу ученого) и после целого ряда других неспровоцированных личных и публичных нападок (на которые я никогда не отвечал), меня удивляет, что вы осмелились обратиться ко мне с этими двумя письмами... в которых вы заявляете, что обязаны мне всем, что отдаете себе в этом отчет, и что никогда не пытались оскорбить меня, в том числе и в том отзыве.
>
> Я старый человек, но все еще стремлюсь высказать то, что считаю важным (хотя вы, я знаю, с этим не со-

гласны); и, поскольку времени мне осталось мало, продолжать эту переписку я не желаю».

Сторонники Поппера утверждают, что его выпады всегда были направлены против претенциозности в науке — он терпеть не мог тех, кто старался произвести впечатление. Эти выпады никогда не носили личного характера, хотя для тех, кто оказывался под ударом, сам вопрос о том, как отделить академическое от личного, был, наверное, сугубо академическим. Справедливости ради следует отметить, что когда дело касалось грубостей и оскорблений, кое-кто из оппонентов Поппера мог дать ему фору. Лакатос, например, осмеивал лекции бывшего учителя и советовал студентам держаться от него подальше.

Поппер любил и умел конфликтовать, а свойственные ему внезапные вспышки гнева отнюдь не ограничивались университетскими стенами. Он находил своих жертв в самых, казалось бы, неожиданных местах — например, в гостиницах или аэропортах. За приступом ярости почти неизменно следовал приступ столь же бурного раскаяния.

Арне Петерсен великодушен:

«Я понимал, что эти взрывы эмоций были признаками его недовольства нами, смертными, включая и его самого, нашей леностью, нашим догматизмом. Вот смотрите, в автобиографии он пишет, как еще совсем юным разочаровался в современных философах, старше его по возрасту, на которых он возлагал такие надежды и которые, к его ужасу, так и не сумели разрешить проблемы философии и логики, казавшиеся ему элементарными. Я думаю, его раздражение неповоротливостью и косностью человечества было совершенно справедливым, и жалеть можно лишь о том, что он выражал его в столь резкой манере. Поппер не допускал эмоций в своей философии, но в его жизни, решениях,

> отношениях с людьми они играли огромную роль. И не следует забывать о невероятной остроте его ума и логического мышления, принесшей ему славу и вызывавшей почтение и трепет. Он был Сократом наших дней».

Однако нельзя сказать, что Попперу импонировал сократовский метод преподавания — вопросы и ответы. Он, правда, любил бывать в окружении студентов, однако работать предпочитал дома и в одиночестве. Поиски своего первого дома в Англии он начал с твердого намерения поселиться настолько далеко от Лондонского университета, насколько дозволяли правила, — в тридцати милях. Эти расчеты привели его в деревню Пенн, где он выбрал дом в самом конце неровной, ухабистой дороги, дабы отбить охоту у любителей ездить в гости, кроме разве что самых решительных. (После смерти жены он переехал в другой загородный дом — в Кенли, на юге Лондона, поближе к семье своего секретаря Мелитты Мью.)

В Пенне Хенни решительно вычеркнула из жизни все, что могло отвлечь Карла от работы: разумеется, телевизор, а затем и газеты, хотя разгадывание кроссвордов в *The Times* было одним из немногих ее развлечений. О стряпне не было и речи; упорство тех, кто все-таки добирался до Попперов — ассистенты, близкие друзья и кое-кто из сотрудников, — вознаграждалось лишь чаем с печеньем. Поговаривали, что вареное яйцо в хозяйстве Попперов становилось большим событием. Студенты шутили, что Карл и Хенни — единственные люди на свете, кому удается перерабатывать сахар в белок.

Умение Поппера сосредоточиваться было феноменальным: читая книгу или рукопись, он, по образному выражению Уоткинса, мгновенно всасывал в себя ее содержание. Скорость его работы была немыслимой. Такого понятия, как «выходной», для него не существовало: он мог читать и писать 365 дней в году, выжимая из темы

все, что можно, до последней капли. Работа в Новой Зеландии над «Открытым обществом» была изнурительным марафоном: Хенни печатала вариант за вариантом, страница превращалась в десять, десять — в сто, а сто разрослись до восьмисот. Этот труд едва не уморил обоих. «Я переписал эту книгу двадцать два раза, стремясь к большей ясности и простоте, а моя жена пять раз перепечатала всю рукопись (на дряхлой пишущей машинке)». Брайан Маги вспоминает, что даже в старости Поппер часто работал ночь напролет, а утром звонил ему — измученный, но бодрый, довольный, что работа движется. Говоря о его поразительной преданности работе, Арне Петерсен предполагает, что «поначалу это была любовь к своему делу, которая затем стала образом жизни».

Но наряду с этим трудоголиком, агрессивным, властным, обидчивым, мстительным, нетерпимым и склонным к уединению, существовал совершенно другой Поппер — человек, называвший себя счастливейшим из философов.

Люди находили в этом Поппере нормальное, живое участие — то, чего не было дано Витгенштейну. Особенно чуток был он к женщинам: его знакомые, у которых возникали проблемы с мужьями, знали, к кому идти за помощью и утешением. В таких случаях Поппер становился воплощением сочувствия, всепонимающим и даже романтичным — мог, например, написать песню и посвятить женщине, с которой был дружен. В старости, когда кто-то в письме просил у него совета, он всегда находил время для ответного послания, зачастую длинного и обстоятельного. Не жалел он времени и на рекомендательные письма своим студентам, и писал их столько раз, сколько его просили. Он хорошо ладил со своими научными сотрудниками, неизменно стараясь обеспечить им достойную зарплату в университете, а тем, кто переезжал, подыскивал работу.

Этот Поппер, как бы ни был он сосредоточен на своей работе, отличался широким кругом интересов и утонченным музыкальным и литературным вкусом. В литературе он отдавал предпочтение английской классике, особенно Джейн Остин и Энтони Троллопу. Книги этих авторов он читал по многу раз, да еще и перечитывал «за компанию», чтобы разделить удовольствие с теми, кому их рекомендовал.

Этот Поппер любил приятельские посиделки и от души хохотал над вольными шутками. В числе его любимых был анекдот про министра-лейбориста по фамилии Пейлинг, обозвавшего Черчилля «шелудивым псом». Черчилль встал и ответил: «Сейчас я покажу достопочтенному господину министру, как псы поступают с заборами (pailings)».

Этот Поппер, когда ему выдавалась такая возможность, с радостью бросал привычки аскета и наслаждался застольем. Особенно ему нравилась венская кухня. Он обожал телячью печень, жареный картофель, творожные клецки, пончики с яблоками, австрийские сладкие оладьи — Kaiserschmarrn, шоколадный торт. С особой нежностью он относился к швейцарскому шоколаду и, была бы его воля, только им одним бы и питался. Возможно, это был отголосок лишений, пережитых в молодости. Однако жизнь с Хенни не располагала к потаканию подобным прихотям. Саму ее не интересовали ни вкусная еда, ни веселая компания. Некоторые знавшие Поппера люди понимали — и оправдывали — трудности его характера как проявление привязанности к жене, чья неизбывная тоска по Вене обернулась депрессией, горечью и озлобленностью, ипохондрией и уходом в себя. Велико искушение связывать аскетический и уединенный образ жизни Поппера с его отношением к обожаемой им жене, сознательно лишившей себя всех удовольствий. В детстве Попперу, по-видимому, не хватало

чисто внешних проявлений родительской любви и тепла; одному из друзей он говорил, что мать никогда не целовала его, — и сам он тоже никогда не целовал жену в губы. Они спали в разных постелях.

После смерти Хенни в 1985-м он явно стал позволять себе гораздо больше: отдыхал, развлекался, больше тратил, лучше питался, с головой ушел в свою коллекцию антикварных книг — это было его сокровище, лучшая часть великолепной библиотеки ценой в полмиллиона фунтов стерлингов. А в последние годы, переехав поближе к своему секретарю Мелитте Мью, которая была родом из Баварии, Поппер обрел новую семью — то ли он усыновил их, то ли они его. Мелитта находила его милым и приятным, и ей даже удалось убедить его, что он вполне хорош собой, в чем сам Поппер всю жизнь сомневался. С Мелиттой, ее мужем Рэймондом и их сыном он проводил выходные и праздники, его принимали за дедушку, он лакомился венским шницелем и фисташковым мороженым — словно наверстывая упущенное, вернувшись в детство, которое безжалостно оборвали война и инфляция.

16

Бедный маленький богач

> Я сказала... что представить его, с его натренированным умом философа, в роли учителя начальной школы, для меня все равно что видеть, как ювелирным инструментом вскрывают деревянные ящики. На это Людвиг ответил сравнением, от которого я сразу умолкла. Он сказал: «Ты напоминаешь мне человека, который смотрит в наглухо закрытое окно и удивляется странным движениям прохожего. Он не знает, что на улице бушует ураган и что прохожий с огромным трудом удерживается на ногах». Только тогда я поняла, каково ему приходится.
>
> *Ґермина Витгенштейн*

> К концу этой тирады голос [Витгенштейна] набрал темп и силу, и последние слова звучали так, словно он наносил *coup de grâce* какому-то замершему в страхе животному.
>
> *Теодор Редпат*

Если Поппер, при всей своей задиристости и неуживчивости, был безусловно человечен, то в том, как общался с людьми Витгенштейн, всегда виделся оттенок чего-то неземного, даже инопланетного. «Его [Витгенштейна] невероятная прямота и отсутствие привязанности к вещам пугали и приводили в смятение, — таков был вердикт писательницы Айрис Мердок. — Обычно знакомство и общение протекают в неких рамках; существуют условности, барьеры, которые мы не переступаем, и все такое; индивидуальности не соприкасаются напрямую, точно оголенные провода. Витгенштейн же всегда навязывал людям именно такой контакт».

Сама Мердок виделась с Витгенштейном лишь мельком, но эти краткие встречи так глубоко подействовали на нее, что размышления о Витгенштейне она вложила в уста целого ряда своих персонажей. Ее биограф Питер Конради отмечает присутствие Витгенштейна в романе «Под сетью». Витгенштейна цитирует Найджел из «Сна Бруно»; со слова «Витгенштейн» начинается роман «Монахини и солдаты». Произнесший это имя персонаж, Гай, говорит затем: «Это был голос оракула. Мы чувствовали, что его слова не могут быть неверны». А в романе «Ученик философа» сам философ описан так: «Простая ясность была, казалось, совсем рядом, только руку протяни, но ухватить ее никак не удавалось... Он жаждал мыслей, которые притаились и застыли... Кристально чистая истина, а не поток мутной полуправды».

Мердок приехала в Кембридж в октябре 1947 года в аспирантуру по философии в колледже Ньюнем, надеясь послушать Витгенштейна, но узнала, что в конце лета он оставил профессорскую должность. Общалась она в основном с его учениками; и, видимо, влияние учителя в них было настолько сильно, что она поверила: в Витгенштейне было нечто демоническое. Одного лишь отражения его личности ей хватило, чтобы назвать его «злодеем», усомниться в его представлениях о морали и утверждать, что «религия была для него лишь мечтой».

Витгенштейн, презиравший профессиональных философов, склонял студентов бросать занятия философией. Способности студента ничего для него не значили: одному из самых блестящих своих учеников, Йорику Смидису, он посоветовал заняться ручным трудом, хотя у того была очень плохая координация движений, даже шнурки завязать ему было сложно. Физический труд, внушал ему Витгенштейн, полезен для мозга. Родители Смидиса и еще одного студента, Фрэнсиса Скиннера,

который под влиянием учителя пошел работать на фабрику, наверняка считали Витгенштейна злым гением, соблазнившим их интеллектуально одаренных сыновей бросить университет.

В чем состоял секрет такой власти над друзьями и учениками? Возможно, пролить свет на этот вопрос помогут слова кембриджского преемника Витгенштейна, профессора философии Г. Х. фон Вригта: «К нему нельзя было остаться равнодушным. У некоторых он вызывал активное неприятие. Но многих очаровывал и вызывал их восхищение. Верно, что Витгенштейн избегал заводить знакомства, но нуждался в дружбе и настойчиво искал ее. Он был удивительным, но требовательным другом».

Насколько требовательным — фон Вригт тоже показал достаточно ясно, описав типичный диалог с Витгенштейном, напоминающий то ли «промывку мозгов», то ли участие в некоем культе: «Каждый разговор с Витгенштейном походил на день страшного суда. Это было ужасно. Каждое слово, каждую мысль нужно было вытащить на свет, подвергнуть сомнению и проверить на истинность. И это касалось не только философии, но и жизни в целом».

Ныне живущие свидетели сцены в комнате Н3 хорошо помнят, что в разговорах с Витгенштейном всегда испытывали неловкость и тревогу — даже близкие друзья, такие, как Питер Гич. Долгие, требовавшие огромного напряжения ума беседы на прогулках по окрестностям Кембриджа Гич называет «скорее работой, чем удовольствием». Витгенштейн «приходил в ярость от всякого замечания, казавшегося ему сентиментальным или претенциозным». Стивен Тулмин, дважды в неделю посещавший семинары Витгенштейна, вспоминает: «Мы, со своей стороны, поражали его своей невыносимой глупостью. Он в лицо нам говорил, что мы необучаемы».

Сэр Джон Вайнлотт тоже бывал на этих семинарах, и тон его воспоминаний ясно показывает, что он ощущал себя в присутствии некоего харизматического пророка: «Он производил впечатление человека, целиком захваченного единственной страстью — страстью к исследованию, к открытию, к интеллектуальному поиску, — бесконечно честного и простого во всем. Это был трудный человек, потому что от его честности и прямоты обычным людям делалось неуютно». Он воздействовал на людей и на чисто физическом уровне: «Погруженность в себя, огромный высокий лоб, пронзительные глаза; но главное, когда он, вставая, обращался к кому-то, сосредоточившись на мысли, его лоб покрывался таким множеством тревожных морщин, что они складывались в шахматную доску. Никогда прежде в своей жизни я не видел, чтобы у человека было такое лицо».

В общении Витгенштейна с другими людьми самой очевидной чертой было стремление, чтобы его голос был главным — если не единственным. «Дискуссии Витгенштейна — это дискуссии Витгенштейна с Витгенштейном», — такую формулу вывел Ливис. Характеристика настолько точная, что хватит и одного примера. Помня, каким тяжким испытанием стала для Дороти Эммет беседа с Поппером, справедливости ради расскажем и о ее общении с Витгенштейном, которого она видела всего раз в жизни, во время Второй мировой войны. Она приехала из Манчестера, где преподавала, в Ньюкасл — читать доклад в тамошнем филиале Британского института философии. Тем временем в Ньюкасле знакомая, у которой ей предстояло остановиться, ученый-биохимик, разговорилась с больничным санитаром-австрийцем, который пришел к ней за каким-то прибором и, узнав, что этот странный человек интересуется философией, пригласила его на доклад. Когда Эммет приехала, ей сообщили эту новость. «Она сказа-

ла: "Надеюсь, вы не будете возражать, что я пригласила Витгенштейна". "Что?!" — воскликнула я. Когда же я прочла свой доклад и началось обсуждение, оказалось, что он словно и не заметил моей речи; дальше говорил только он. Я была зачарована тем, что вижу и слышу Витгенштейна, и потому ничуть не огорчилась, что он проигнорировал мой доклад».

Что это — обычное высокомерие? Ливис полагает, что нет: скорее, поведение Витгенштейна было «проявлением внутренне присущего ему качества, которое вскоре осознавал всякий, кто с ним встречался, — гениальности: всепоглощающая сосредоточенность, которую легко было принять за безразличие». И все же, «когда начинался спор, он мгновенно становился хозяином положения, и у других участников просто не оставалось никаких шансов — если только они не были настроены (что было маловероятно) вести себя напористо и безапелляционно». Излишне говорить, что доктор Ливис не был знаком с доктором Поппером.

В 1930 году в кембриджском авангардном журнале *The Venture* появилось стихотворение юного студента Джулиана Белла «Послание к Ричарду Брейтуэйту, эсквайру, магистру гуманитарных наук, члену совета Кингз-колледжа об этических и эстетических взглядах герра Людвига Витгенштейна (доктора философии)». В этом сочинении высмеивалась манера Витгенштейна вести дискуссию:

> Он прерывает речь любого среди нас
> И после этого вещает битый час.
> Он громко спорит и шумит — ужасный нрав! —
> Уверен в том, что прав, и счастлив тем, что прав...[1]

Белл, погибший летом 1937 года во время гражданской войны в Испании за рулем машины скорой помо-

[1] Здесь и далее — перевод Сергея Шоргина.

щи, был сыном художницы Ванессы Белл, племянником Вирджинии Вулф и внуком сэра Лесли Стивена. Иными словами, он имел все предпосылки к тому, чтобы быть студентом Кингз-колледжа, членом Блумсберийского кружка и «апостолом». Как раз на собрании «апостолов» Белл впервые увидел Витгенштейна во всей его красе. Он даже собирался писать диссертацию по Витгенштейну, но Мур его отговорил. В политике Белл принадлежал к левому крылу и недолгое время был любовником Энтони Бланта, в будущем — советского шпиона. Не исключено, что именно Блант, испытывавший глубокую неприязнь к Витгенштейну, надоумил Белла написать это стихотворение.

Создателям *The Venture* суждено было прославиться и стать символами эпохи. Редактировали журнал Майкл Редгрейв и Энтони Блант, а среди его авторов было целое созвездие будущих знаменитых поэтов, писателей и критиков: Луис Макнис, Клеменс Дейн, Малкольм Лаури, Джон Леман, Уильям Эмпсон. Этот — пятый — выпуск журнала был распродан за три недели. Неизвестно, сыграло ли в этом свою роль сочинение Белла, но Фаня Паскаль пишет: «Когда это стихотворение вышло в свет, даже добрейшие люди не могли удержаться от смеха; оно излучало аккумулированное напряжение, возмущение, может быть, страх». Это длинное, в триста четыре строки, произведение стоит того, чтобы рассмотреть его подробнее: в нем мы видим Витгенштейна вскоре после возвращения в Кембридж глазами человека, который явно не относился к числу его обожателей и, пусть даже называя себя «ничтожным Ионой», решился

Левиафану бросить вызов наконец —
Тому умнейшему, речистому киту,
Что метафизики заполнил пустоту.

Автор отмечает влияние Витгенштейна на

Тот здравый смысл и ту логичность простоты,
Что школы Кембриджа — привычные черты.
Увы, не писан Людвигу закон:
Законы лично сочиняет он.

Беллу явно действовало на нервы «всезнайство» Витгенштейна. Недаром в стихотворении то и дело мелькает слово «всеведение»:

Его всезнанье вознесло за облака,
Он на Вселенную взирает свысока;
Куда летит заблудший электрон —
Как дважды два четыре, знает он.
Да, он всеведущ, признаю; я этим горд...
Но все же — Бог он Всемогущий или черт?

Но главная стрела была направлена против другой черты личности Витгенштейна. Конечно, Кембридж, этот оплот толерантности, где аргументы опровергались посредством легкой (хоть и не без яда) иронии, не мог одобрять перекрикивания, претензии на всеведение, яростные нападки на общепризнанные взгляды; конечно, у возмутителей спокойствия рано или поздно могли возникнуть карьерные затруднения. И все же стены древнего университета видели всякое. В стихотворении подчеркнут более важный водораздел между Витгенштейном и Кембриджем. Витгенштейн — мистик, аскет, отрекшийся от простых удовольствий и ищущий тайный источник знания о мире:

Дает все *опыт непосредственный* ему —
Науке чуждый и рассудку самому.

Автор риторически вопрошает Брейтуэйта , почему они должны следовать примеру Витгенштейна:

Зачем мы, Ричард, свой расходуем досуг
На поиск смысла в этой путанице мук?
Легко нашли бы вместо этого ярма
Мы много радостей для тела, для ума.
Хоть спорю с Людвигом, но Людвига мне жаль;
Я говорю — и ошибусь едва ль:
«Лишь аскетизм — его теории исток;
Он и к себе, и к окружающим жесток».

Здесь ясно подчеркивается отстраненность от мира, от повседневного социального опыта. Если бы Витгенштейн посвятил свою жизнь религиозному созерцанию или благотворительности, возможно, подошло бы слово «святость». Но святые обычно не так грубы с ближними.

В августе 1925 года, когда Дж. М. Кейнс и его молодая жена Лидия Лопокова проводили медовый месяц в Сассексе, к ним ненадолго приехал Витгенштейн. Вот что пишет об этом биограф Кейнса Роберт Скиделски: «"Какое красивое дерево!" — весело сказала Лидия Витгенштейну. Он бросил на нее свирепый взгляд: "Что вы хотите этим сказать?" — и Лидия расплакалась». И это при том, что Кейнс оплатил Витгенштейну дорогу. Надо сказать, что Лидия отнюдь не была исключением. Когда Витгенштейн, только что вернувшись из Соединенных Штатов, впервые увидел Джоан Беван, жену последнего в его жизни доктора, и она воскликнула: «Как вам повезло, что вы побывали в Америке!», в ответ прозвучало резкое, с нажимом: «Что вы имеете в виду под "повезло"?»

Это не было ни отсутствием хороших манер, ни достойной сожаления бестактностью. Просто Витгенштейн был чужд миру цивилизованной беседы и светского щебетания. Ясность смысла — вот единственное, что было важно, и к ней он шел прямым путем, несмотря ни на что. Когда Фаня Паскаль, учившая Витгенштейна русскому языку, рассказала ему о совершенной ею большой ошибке, Людвиг обдумал ее слова и спокойно ответил: «Да, вам недостает проницательности». «Выводило из

равновесия, — пишет далее Фаня Паскаль, — когда он хотел, чтобы ты занималась не тем, чем занята сейчас, а чем-то совсем другим. Он создавал в воображении образ лучшей тебя, подрывая твою уверенность в себе». Что бы ни делал человек, что бы ни говорил, его постоянно преследовала мысль: «А что сказал бы на это Витгенштейн?» Многие из тех, кого он подобным образом расстраивал или «расшатывал», понимали, что его вспыльчивость вызвана необычностью и цельностью его мировоззрения, добродетелью его порока. И все же Фаня Паскаль даже десятилетия спустя помнила обиду, которую он нанес ей своим резким и раздражительным письмом, где писал, что она должна бросить читать лекции о современных событиях в Ассоциации работников образования, что это ее большая ошибка, которая принесет ей зло и вред. «Благодаря цельности его характера всякая частичная критика в его адрес кажется придирками, но я не могла спокойно наблюдать за его умением находить уязвимые места другого человека и ударять по ним с ураганной силой. Даже если принять во внимание, что он, как я знаю, был человеком огромной чистоты и невинности, это не изменит моего чувства».

Как и Поппер (у которого одна из сестер покончила с собой, а дядья не разговаривали с его отцом), Витгенштейн происходил из семьи, где царила тягостная, напряженно-тревожная атмосфера. Его отцу невозможно было угодить, он тиранил детей — особенно сыновей, но и дочерям доставалось из-за его самодурства и злого языка; Хелену, например, он в глаза называл «уродиной». Все дети боялись отца, хотя и обожали его.

Трое братьев Людвига покончили жизнь самоубийством: Ганс и Рудольф — в юности, не выдержав давления со стороны отца, который требовал бросить музыку и продолжать его дело; Курт застрелился в конце

Первой мировой войны, когда его солдаты, отказавшись последовать примеру командира и принять бой, сдались в плен. По материнской линии в семье были сильны военные традиции, и в глазах Курта такой позор можно было смыть только кровью. Однако нельзя забывать, что тогда вообще была эпоха самоубийств. «В мире все больше людей, которые не в силах нести эту тяжкую ношу — жизнь», — гласила статья в *Contemporary Review* в конце XIX века; другие европейские журналы тоже писали, что никакая другая эпоха не знала такого всплеска самоубийств. Суицид превратился в своего рода эпидемию. Причины звучали самые разные: кризис в обществе, эмансипация личности, бедность, а также влияние некоторых философов — в частности, Шопенгауэра и Кьеркегора.

Хотя Витгенштейн и не знал бедности, но и он был склонен к самоубийству — его непрестанно терзало чувство собственной греховности. В 1913 году Дэвид Пинсент записал в дневнике, что, по словам Витгенштейна, «во всей его жизни вряд ли был хоть один день, когда бы он не думал о самоубийстве». А в 1919-м Витгенштейн писал Паулю Энгельману: «Как низко я пал, ты можешь судить по тому факту, что уже несколько раз я собирался покончить с собой. Не от отчаяния при мысли о собственной мерзости, но по сугубо внешним причинам».

Как и Попперу, Витгенштейну требовалось одиночество. У него была привычка уезжать в холодные и безлюдные места — на запад Ирландии, в Исландию или в Норвегию, где он в 1913 году построил себе деревянный дом. «Он клянется, что только в изгнании может делать лучшее, на что способен... Главная трудность с этой его работой состоит в том, что, пока он полностью не разрешит все проблемы оснований логики, его работа не будет иметь ценности для мира... Поэтому в ближайшие

десять дней он уезжает в Норвегию», — записал Пинсент в своем дневнике.

Действительно, кое-что из лучших своих работ Витгенштейн написал в уединении. Но где бы он ни был, идеи били из него ключом, и заткнуть этот фонтан он не мог. Говорили, что не он идет к философии, а философия приходит к нему. Ему стоило большого труда заставить себя отдыхать. Чтобы расслабиться, он с головой уходил в мюзиклы и вестерны — в кино он всегда садился как можно ближе к экрану — и в «крутые» американские детективы. Впрочем, это был не единственный любимый им жанр литературы. Он постоянно читал Стерна, Диккенса, Толстого, Достоевского и Готфрида Келлера; обожал Агату Кристи и П. Г. Вудхауза, чей «Коттедж "Жимолость"» находил неимоверно смешным. На его книжной полке была и «Исповедь» Блаженного Августина, и Уильям Джемс. Он рассуждал о Кьеркегоре и кардинале Ньюмене, был знаком с творчеством Мольера, Элиота и Рильке и называл «Химическую историю свечи» Фарадея примером хорошей научно-популярной литературы. И все же, как объяснял Энгельман, «он любил хорошие детективы, а чтение посредственных философских рассуждений считал пустой тратой времени».

Вероятно, самым приятным в кинофильмах и детективах для Витгенштейна было отсутствие претензий на интеллектуальность. Есть что-то очень трогательное в том, что этот могучий и требовательный ум увлекали приключения лос-анджелесского частного детектива Макса Лейтина, крутого парня, выступившего в крестовый поход против сил зла. «Отцом» Лейтина был Норберт Дэвис, хорошо продаваемый, но явно второразрядный автор школы Хэммета и Чандлера, один из любимцев Витгенштейна. Лейтин отнюдь не лишен нравственности и чуткости, хотя и пытается скрыть это под маской циника, общаясь с клиентами в битком на-

битом ресторане — в отдельном кабинете, который служит ему конторой (на самом деле Лейтин — владелец этого ресторана). Однако при необходимости (а она то и дело возникает) Лейтин не боится прибегнуть к насилию:

> «Он легко, по-кошачьи, шагнул к ней — и ударил. Кулак его пролетел всего каких-то шесть дюймов, звонко ударился о челюсть под самым ухом, и Тереза Майан под нежный шорох шелков перелетела через тахту и рухнула на пол. Она лежала ничком, неподвижно. Лейтин мгновенно опустился на колено и локоть, словно футбольный вратарь, готовящийся принять мяч...»

Ничего лишнего, никаких красивостей, текст предельно функционален, как архитектура дома на Кундмангассе, который Витгенштейн строил для своей сестры Маргарет. Возможно, именно эта экономия языковых средств импонировала ему в Норберте Дэвисе и жанре «крутого детектива».

Витгенштейн был одержим страстью к точности: вещь была либо точна, либо нет, и если она не была точна, то причиняла ему почти физическую боль. Ливис не без иронии вспоминает, как Витгенштейн, не спросив разрешения, принялся рыться в его грамофонных пластинках и наконец остановил свой выбор на шубертовской Большой симфонии до мажор:

> «Как только зазвучала музыка, он приподнял звукосниматель, изменил скорость и вновь опустил иголку на пластинку. Он проделал эту операцию несколько раз, пока результат не удовлетворил его. В этой сцене примечателен не столько апломб, с которым он игнорировал наше с женой присутствие, сколько замечательная

точность его маневров. Он получил подлинно прекрасное образование, и частью его высокой культуры была утонченная музыкальность; с первых же аккордов он действовал так, как подсказывал ему абсолютный слух».

Витгенштейну и в голову не пришло спросить разрешения хозяев; главное было — найти идеально точное звучание.

Но дело было отнюдь не только в абсолютном слухе; и это становится ясно из воспоминаний Гермины об участии ее брата в 1926 году в строительстве знаменитого дома на Кундмангассе, ставшего вершиной модернистской архитектуры. Архитектором был друг Людвига Пауль Энгельман, учившийся у Адольфа Лооса. Можно спорить о том, какую именно роль в этом проекте сыграл Людвиг, но нет никаких сомнений, что именно он занимался деталями: высота потолков, дверные и оконные рамы, шпингалеты, радиаторы, образующие прямой угол и идеально симметричные, — на них можно было устанавливать произведения искусства... Чем это кончилось, известно: триумфом дизайна. Строгость и пропорциональность, простота и элегантность — квинтэссенция гармонии. Но процесс ее достижения превратился в кошмар для строителей и производителей материалов. «Как сейчас слышу: слесарь, обсуждая расположение замочной скважины, спрашивает его: "Скажите, герр инженер, миллиметр тут, миллиметр там — это действительно для вас так важно?" Он еще договорить не успел, как Людвиг прервал его таким властным и громогласным "Да!", что тот чуть не подскочил от страха».

Вопрос о деньгах, к счастью, не стоял. Секрет красоты заключался в точности размеров, поэтому радиаторы и их опоры нужно было заказывать за границей — австрийское литье не годилось. Препирательства с Витгенштейном о пропорциях дверей и оконных рам дове-

ли мастера до нервного срыва: он не выдержал и расплакался. А когда строительные работы закончились и можно было, наконец, приступать к уборке, Людвиг «заставил приподнять потолок одной из комнат, достаточно большой, чтобы зваться залом, на три сантиметра. Он обладал безупречным инстинктом, которому нельзя было не повиноваться».

«Герр инженер» изобрел еще и краску для стен — не просто белую, но с особым оттенком, придававшим поверхности теплый блеск. Двери и окна были выкрашены в очень темный зеленый цвет, казавшийся почти черным, а полы были из черно-зеленого мрамора. Почти во всех окнах между двойными рамами располагались жалюзи, а наверху, в главных комнатах, с потолка до пола свисали прозрачные белые занавеси, сквозь которые просматривались оконные рамы и шпингалеты. Мебель была старинная, французская, из великолепной коллекции, собранной Маргарет. В «Культуре и ценности» Витгенштейн вспоминал: «Дом, который я построил для Гретль, — результат по-настоящему чуткого слуха и *хороших* манер, проявление большого *понимания* (культуры и т.п.)».

В том же духе Витгенштейн поступил в Уэвелл-корте, изменив пропорции окон с помощью полосок черной бумаги. Если нужны еще примеры этой страсти к точности во всем, можно вспомнить, как он смешивал лекарства в больнице Гая, где в годы Второй мировой работал санитаром. В его обязанности входило готовить мазь, пасту Лассара, для дерматологического отделения. Медсестра из этого отделения утверждала, что никто до него не изготовлял пасту Лассара такого безупречного качества. Он стремился к идеальному результату даже в самых обыденных делах. Джон Стонборо восхищенно вспоминал, как его дядя, помогая в автобусе какому-то старику надеть рюкзак, тщательно выравнивал и распрямлял лямки.

Старшая из сестер, Гермина, которая была как мать для своего «малыша Люки», говорила, что его ум способен проникать в самую суть вещей, «с одинаковой ясностью постигая сущность музыкальной пьесы или скульптуры, книги, человека или даже — как бы странно это ни звучало — женского платья». Когда Джоан Беван собиралась на прием, устроенный в Тринити-колледже для короля Георга VI и королевы Елизаветы, Витгенштейн, увидев ее пальто, сморщился, взял ножницы и отрезал пару пуговиц — после чего, уверяла миссис Беван, пальто стало выглядеть гораздо элегантнее. Гермина говорила, что он испытывал «почти патологическое страдание» в окружении, которое не было ему конгениально.

Все эти странности, возможно, удручали или возмущали друзей и коллег, студентов и приглашенных лекторов, строителей и мастеров — но это была цена, которую те платили за возможность соприкоснуться с выдающимся мыслителем. Эксцентричность, эгоизм, отсутствие светских манер — все это позволяло увидеть в Витгенштейне ребенка, который так и не стал взрослым. У него, безусловно, было чувство юмора, он бывал шаловлив, но в шутках и забавах, которые ему нравились, тоже было что-то несомненно ребячливое. Вот один из его любимых анекдотов: едва оперившийся птенчик впервые покидает гнездо. Прилетев обратно, он видит на своем месте апельсин. «Что ты тут делаешь?» — спрашивает птенец, а апельсин отвечает: «Ma-me-laid!»[1]

Но наряду с тем, что Айрис Мердок назвала «невероятной прямотой и отсутствием привязанности к вещам», наряду с жаждой точности и детской шаловливостью, в Витгенштейне было еще нечто. В самых разных мемуарах то и дело упоминается его способность вызывать

[1] Игра слов: ответ можно понять и как «апельсиновый джем», и как «мама меня положила». — *Примеч. пер.*

страх — не только у врагов, но и у друзей. По мнению фон Вригта, «очень многие из тех, кто любили его и были его друзьями, при этом его боялись». Даже Джоан Беван, которая ухаживала за Витгенштейном в своем же собственном доме, когда он умирал от рака предстательной железы, «всегда боялась его». Это была не просто тревога — как мы, например, опасаемся, что наши доводы будут разбиты в пух и прах. Это был самый настоящий страх, боязнь насилия.

Норман Малкольм вспоминает случай, как в 1939 году Дж. Э. Мур прочел в Клубе моральных наук доклад, в котором пытался доказать, что человек может знать наверняка, что он испытывает то или иное ощущение — например, боль. Витгенштейн категорически возражал против такой точки зрения, полагая, что это не столько даже невозможно, сколько бессмысленно. Его не было в тот вечер в Клубе моральных наук, но, узнав о докладе Мура, он, по словам Малкольма, «встал на дыбы». Он пришел к Муру домой, Мур снова прочитал свой доклад в присутствии Малкольма, фон Вригта и других. «Витгенштейн сразу же набросился на него. Я никогда раньше не видел, чтобы во время дискуссии Витгенштейн был так возбужден. Он буквально горел и говорил быстро и убедительно». Его речь не просто впечатляла — она «устрашала».

Позже Малкольму пришлось на себе испытать эту устрашающую силу. Это было в 1949 году в Корнелле, куда Витгенштейн приехал его навестить. Там же гостил и О. К. Боувсма, который увидел Витгенштейна впервые и нашел его «привлекательным человеком, дружелюбным и легким в общении». Однако через пару дней разгорелась дискуссия, и он увидел Витгенштейна с другой стороны: «Его напор и нетерпимость могли напугать кого угодно; был случай, когда Норман запутался в объяснении, но продолжал говорить... и Витгенштейн просто рассвирепел».

Порой ярость Витгенштейна выходила за пределы интеллектуальной жестокости, и тогда он в гневе потрясал, например, палкой — или кочергой. В 1937 году, в очередной раз приехав в Норвегию, он был озадачен переменой в отношении к нему соседки, Анны Ребни. Эта «пожилая суровая норвежская крестьянка», как описывал ее Рэй Монк, прежде относилась к Витгенштейну с большой теплотой и вдруг сделалась холодной и недоступной. В конце концов он решил выяснить отношения и, по его собственным словам, услышал такое, чего никак не мог предположить: Анна сказала, что он угрожал ей тростью! Но, как разъяснял далее Витгенштейн, это была его «привычка: когда мне кто-то очень нравится и у нас хорошие отношения, то я в игривом настроении грожу кулаком или палкой — это как если бы я похлопал этого человека по спине. Это своего рода ласка». («*...mit der Faust oder dem Stock zu drohen. Es ist eine Art der Liebkosung*».)

По свидетельствам тех, кого Витгенштейн учил в начальной школе, он мог без лишних раздумий дать ученику подзатыльник или затрещину, иногда до крови. В своих «исповедях» в тридцатые годы он признавался, что ударил по голове девочку. Но вернемся в комнату Н3 и дадим слово еще одному очевидцу, наблюдавшему манипуляции Витгенштейна с кочергой. Это Ноэль Аннан, впоследствии ставший ректором Кингз-колледжа и членом палаты лордов. Историк Аннан пришел на заседание Клуба моральных наук за компанию с приглашенным докладчиком Джоном Остином — представителем лингвистической философии из Оксфорда, с которым они познакомились в войну, в штабе генерала Эйзенхауэра.

> «В какой-то момент Ричард Брейтуэйт что-то сказал, и я заметил, как Витгенштейн потянулся к камину, схва-

> тил кочергу и крепко сжал ее в руке. "БРЕЙТУЭЙТ, ВЫ НЕ ПРАВЫ", — произнес он, и зал словно наэлектризовало. Он не угрожал Брейтуэйту, но я запомнил этот случай по ассоциации с другой, знаменитой историей про Витгенштейна и кочергу... В те дни, когда топили углем, кочерга была в каждом доме. Так что это было совершенно естественно — хватать ее и манипулировать ею, срывая таким образом злобу».

Для Витгенштейна — да, пожалуй, естественно.

Фридрих фон Хайек, которого в начале сороковых годов Брейтуэйт привел на собрание Клуба моральных наук, тоже хорошо запомнил это зрелище: Витгенштейн с кочергой:

> «Внезапно Витгенштейн вскочил, с кочергой в руках, и в величайшем негодовании принялся доказывать, что "дело" совершенно простое и очевидное. Наблюдать, как рассвирепевший человек посреди комнаты неистово размахивает кочергой, было страшно, хотелось забиться подальше в угол. Мне, честное слово, показалось в тот миг, что он помешался».

Еще одно свидетельство того, что Витгенштейн был способен ударить, мы находим в его собственных записях:

> «Порой, приходя в ярость, я колочу по земле или по дереву тростью или тем, что попадется под руку. Конечно же, я не думаю, что земля в чем-то виновата, и не надеюсь, что мне полегчает. Я просто даю выход гневу. Таковы все ритуалы... Здесь важно сходство с актом наказания — но это не более чем сходство».

Для Витгенштейна — «не более чем сходство» с актом наказания; ну, а для тех, кому он грозил? Поппер в *Unended Quest* вроде бы шутливо, посмеиваясь, вспоми-

нает, как Витгенштейн размахивал кочергой. Да и другим свидетелям явно не хочется обвинять великого философа в склонности к насилию. Но факт остается фактом: Поппер в своем рассказе употребляет слово «угрожать» («Не угрожать приглашенным докладчикам кочергой».) «Угрожать приглашенным докладчикам» — эти три слова хорошо запомнили все очевидцы, тут никаких расхождений нет. То, что Поппер выбрал именно такой пример, и то, что он инстинктивно выбрал слово «угрожать» — все это недвусмысленно показывает, как он чувствовал себя в тот момент. Спор явно вышел за академические рамки и превратился в личную схватку. Кочерга была вполне реальной. Столь же реальной, похоже, виделась Попперу и угроза.

17

Траектории успеха

В нем была гордыня Люцифера.
Рассел о Витгенштейне

Я думаю, успех — большей частью дело случая. У него мало общего с достоинствами; во всех областях жизни есть великое множество достойнейших людей, которые так и не добились успеха.

Поппер

О ком думал Поппер, когда в семидесятые годы писал эти слова?

Если можно выделить главное различие между судьбами Витгенштейна и Поппера, то это как раз траектория их карьеры. И в этом — еще один ключ к разгадке конфликта в комнате Н3 и к ответу на вопрос, не представил ли Поппер этот конфликт в ложном свете. Витгенштейн, несмотря на все свои странности, из-за которых с ним так трудно было работать, всегда находил в Кембридже источник поддержки, в то время как Поппер много лет был в академическом мире аутсайдером. Самые плодотворные годы жизни он провел в тени Витгенштейна, и это было для него большим несчастьем.

Отношения Витгенштейна с университетским истеблишментом можно охарактеризовать как «любовь-ненависть»: Кембридж был во власти его чар, сам же он с трудом выносил этот древний университет, но до самой смерти возвращался в него снова и снова.

Буквально с того самого момента, как он в 1911 году без предупреждения явился к Бертрану Расселу в Тринити-колледж, его исключительная одаренность ни у кого

не вызывала сомнений. Интеллектуальная кембриджская элита была от него без ума. В 1912 году, несмотря на протесты Рассела, Витгенштейн принял приглашение в братство «Апостолы», предназначенное, по словам социалистки Беатрис Уэбб, «для тех, кто стремился к изысканному общению в узком кругу избранных». Рассел предвидел, какое отвращение вызовет у Витгенштейна подобный стиль отношений. Среди «апостолов» в то время задавал тон Блумсберийский кружок с его гомосексуальной эстетикой — Мейнард Кейнс, Литтон Стрейчи, Руперт Брук. Рассела «апостолы» обвиняли в том, что он прячет от них австрийского красавца и гения. Витгенштейна же, как и предсказывал Рассел, оттолкнул манерный и самодовольный тон собраний «апостолов». Он покинул этот кружок, но, вопреки всем традициям — и это многое говорит о его популярности, — был снова избран его членом, когда в 1929 году вернулся в Кембридж из Вены. Кейнс устроил обед в его честь; одним из почетных гостей был Энтони Блант.

Можно только гадать о том, какую роль в необычайном великодушии «апостолов» по отношению к Витгенштейну играла гомосексуальность (или бисексуальность) последнего; впрочем, и вопрос о проявлениях этой гомосексуальности остается открытым и в высшей степени спорным. Ясно лишь, что Витгенштейн в своей жизни испытывал сильные чувства к ряду молодых людей. Почти все они, подобно Дэвиду Пинсенту и Фрэнсису Скиннеру, были очень способными, эмоционально незрелыми и имели какой-нибудь физический недостаток. Очевидно также, что Витгенштейн терзался этими чувствами, равно как и вопросом о том, что такое любовь. Те, кем он был одержим, — например, рабочий Рой Форейкр, которого Витгенштейн встретил в больнице Гая, — иногда даже не догадывались, что играют какую-то роль в его жизни. У последователей Витгенштейна

вызывали негодование строки его биографии, в которых Уильям Уоррен Бартли III описывал его поиски гомосексуальных партнеров в венских парках. Поскольку сексуальная ориентация как Витгенштейна, так и Поппера не имеет прямого отношения к этой книге, мы более не будем касаться этой темы.

В 1929 году, вернувшись в Англию, Витгенштейн представил тоненький, всего в двадцать тысяч слов, «Логико-философский трактат» в качестве диссертации на соискание докторской степени. Есть свидетельства, что Дж. Э. Мур, назначенный одним из экзаменаторов, написал тогда на анкете Витгенштейна: «Мое личное мнение таково: диссертация господина Витгенштейна гениальна, однако, несмотря на это, вполне соответствует требованиям, выдвигаемым в Кембридже для получения степени доктора философии». Как мы помним, когда десять лет спустя Мур вышел на пенсию, даже ярые противники Витгенштейна прекрасно понимали, что только он может и должен занять освободившуюся должность.

Слава пришла к Витгенштейну несмотря на то, что после «Логико-философского трактата» он так и не опубликовал ни одного значительного труда. При жизни Витгенштейна увидели свет только две его работы, не считая «Трактата»: знаменитый и широко используемый «Словарь для народных школ» на немецком и конспект лекции для совместного заседания философского журнала *Mind* и Аристотелевского общества. (В конечном итоге Витгенштейн, к немалому удивлению аудитории, прочел совсем другую лекцию.) Многочисленные тома, которыми сейчас забиты полки библиотек и книжных магазинов, — все это посмертные издания его рукописей. В книге «Фреге: философия математики» Майкл Даммет мрачно иронизирует по поводу современной практики оценки научной значимости по количеству

слов, опубликованных автором за год: «Витгенштейн... попросту не выжил бы в этой системе».

Но несмотря на то, что никто из коллег не сомневался в блеске, оригинальности и глубине мысли Витгенштейна, его прижизненная известность не выходила за пределы мира философии. Королевский двор не жаловал его ни орденами, ни титулами; его не приглашали на встречи с высокими иностранными гостями; он не выступал с программными речами; в его честь не проводились церемонии и собрания — да он бы на это и не согласился.

Ну, а Поппер? Он невероятно много писал и печатался. Английские газеты в некрологах на его смерть отдавали ему чрезмерную дань. Примечательно, что в других европейских странах известие о его смерти вызвало еще больший резонанс — одна ведущая швейцарская газета, например, посвятила рассказу о его жизни и трудах целых пять страниц. Впрочем, и при жизни Поппера почитали за рубежом больше, чем дома, — он был обладателем наград и премий многих европейских стран, Америки, Японии и доброго десятка почетных докторских степеней.

Витгенштейн повлиял в первую очередь на философию и искусство, Поппер — на мир бизнеса, политики и науки. Лауреат Нобелевской премии по медицине сэр Питер Медавар назвал его «величайшим философом науки, которому не было и нет равных».

Уроженец Венгрии, финансист и миллиардер Джордж Сорос, бывший студент Поппера, назвал в честь обожаемого учителя свой «Фонд открытого общества». Сорос сделал свои миллионы на фондовой бирже, применив на практике идеи Поппера. Поппер верил в особую прочность и здравость тех научных теорий, которые подверглись самой суровой проверке и с честью прошли ее. Перенеся этот принцип на Уолл-стрит, Сорос нажил целое состояние: он вложил средства в акции ка-

лифорнийской страховой компании по выдаче ипотечных ссуд, перенесшей большие трудности во время резкого уменьшения объема жилищного строительства. Раз компания пережила это тяжелое время, решил Сорос, значит, на нее можно рассчитывать. «Фонд Сороса» стал воплощением политической теории Поппера, испытанием на прочность преобразующей силы открытости. Деньги «Фонда Сороса» — это книги и стипендии, копировальные устройства и факсы, дискуссионные клубы и конференции — все, что способствует свободному обмену идеями. Можно с уверенностью утверждать, что «Фонд Сороса» ускорил крах коммунизма, — настолько велика была его роль в финансировании новых начинаний в Восточной Европе. Социал-демократ Гельмут Шмидт, канцлер Германии, написал в предисловии к *Festschrift* — юбилейному сборнику, посвященному Попперу: «С блестящей проницательностью, как никто до него, он показал изъяны утопического государства в своей критике Платона, Гегеля и Маркса, пытавшегося на основе строгих и якобы абсолютных посылок предопределить курс политического развития». Высоко ценил Поппера и христианский демократ Гельмут Коль, преемник Шмидта. Тогдашний президент Германии Рихард фон Вайцзекер во время краткого визита в Великобританию специально поехал в Кенли, чтобы увидеться с Поппером. Президент Чехии, драматург и правозащитник Вацлав Гавел приглашал Поппера к себе в Прагу. Его приглашал во дворец и император Японии, а Далай-лама сам нанес ему визит. Канцлер Австрии Бруно Крайский прислал Попперу «самые теплые поздравления» с восьмидесятилетним юбилеем. Говорят, когда Попперу было девяносто, ему даже предлагали сменить Курта Вальдхайма, которого международное сообщество подвергло остракизму, на посту президента Австрии, — и Поппер со смехом отверг эту идею.

Великобритания тоже в последние годы жизни Поппера отдала ему дань уважения и не обошла наградами, в числе которых было рыцарское звание и орден Кавалеров почета. Поппера называли любимым философом Маргарет Тэтчер; сама она писала, что Поппер и фон Хайек были ее гуру.

Однако путь Поппера к славе был долог, труден, даже мучителен. Пока он делал карьеру как философ, посещая конференции и выступая с докладами, они с женой зарабатывали на жизнь преподаванием в венских школах. Только в возрасте тридцати пяти лет, приняв решение распрощаться с Австрией, благодаря помощи и поддержке Фридриха фон Хайека, профессора Лондонской школы экономики (и, что любопытно, троюродного брата Витгенштейна по материнской линии), Поппер впервые в жизни получил постоянное место работы в университете — в Новой Зеландии, которую едва ли можно было назвать мировым центром философской мысли.

В 1936 году, когда тучи на политическом горизонте сгустились так, что не замечать этого было уже невозможно, Поппер обратился в британский Совет поддержки ученых, прося помочь ему покинуть Австрию и спастись от антисемитских выпадов со стороны учеников и коллег-преподавателей.

Следующий этап был долгим и утомительным. Совет выслал ему подробную анкету, где, в числе прочего, следовало указать свой заработок («Два фунта в неделю») и галочкой отметить, согласен ли он на работу в какой-либо из тропических стран Британской империи («Да, если там не слишком плохой климат»). Ему пришлось доказывать одному из руководителей Совета, профессору Дункан-Джонсу (чьи вопросы, впрочем, были продиктованы лучшими побуждениями), что хотя его, Поппера, пока не выгоняют с работы, ему, как и другим евреям,

действительно грозит опасность. Во внутренней переписке Дункан-Джонс даже высказал предположение, что Попперу следовало бы совершить какой-нибудь «политически неблагоразумный» шаг, чтобы ускорить собственное увольнение: это позволило бы ему быстрее получить от Совета финансовую поддержку.

Помимо всего прочего, требовались рекомендации. Зная, в каких красках Поппер изображал якобы непреодолимую пропасть между ним и Венским кружком, можно только удивляться, что за рекомендациями он обратился к некоторым членам кружка, в том числе к Карнапу, Кауфману и Крафту.

Тот факт, что человек тридцати четырех лет от роду, имевший одну-единственную публикацию на немецком языке, предъявил Совету рекомендательные письма от светил мировой науки, говорит о многом. Более «звездный» список трудно и представить: Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Бертран Рассел, Дж. Э. Мур, Рудольф Карнап (на некоторых из них Поппер произвел большое впечатление своими лекциями и докладами на конференциях в середине тридцатых). Однако Дункан-Джонс потребовал дополнительных подтверждений того, что Поппер достоин помощи со стороны Совета поддержки ученых. Он писал, что те, к кому он обращался от имени Совета, не числят Поппера в первых рядах венских философов. Но не будем забывать, что Поппер в те времена был скромным школьным учителем.

Среди множества рекомендаций была одна, которая, вероятно, уязвила Поппера в самое сердце. Биолог Джозеф Нидем в своем рекомендательном письме высказал предположение, что Поппер не станет для Совета слишком тяжким финансовым бременем:

> «В общем и целом, нет никаких сомнений, что, имея возможность писать и публиковаться, он [Поппер] на-

верняка найдет себе должность, поскольку принадлежит к тому же типу людей, что и доктор Витгенштейн, бывший в последние годы членом совета Тринити-колледжа. Таким образом, Совет поддержки ученых может быть уверен, что его помощь будет необходима лишь на ограниченное время».

Наконец все было улажено — хотя Попперу в его неустойчивом и опасном положении казалось, наверное, что время тянется невероятно долго. Ему была гарантирована финансовая поддержка и предложена временная лекторская должность в Кембридже. В какой-то момент извещение об этой «академической любезности» затерялось на почте, и Поппер написал Муру нервное письмо, прося повторить приглашение... Однако к тому времени, как оно пришло, Поппер выяснил, что его просьба о приеме на постоянную должность лектора в колледже Кентерберийского университета в новозеландском городе Крайстчерч тоже увенчалась успехом. Он снова написал в Совет поддержки ученых, на сей раз по-немецки. Поппер был счастлив, хотя Новая Зеландия и казалась ему краем света: «Это, конечно, не Луна, но почти так же далеко».

И все же это было не настолько далеко, чтобы забыть о Витгенштейне. Именной указатель к «Открытому обществу» содержит пятнадцать упоминаний о Витгенштейне — все враждебного характера, — и целые страницы примечаний посвящены критике «Трактата». В аудитории Н3 у Поппера был один-единственный шанс высказать эту критику Витгенштейну в лицо.

На научной репутации Поппера в англоязычном мире, несомненно, сказался тот печальный факт, что его первый основополагающий труд, «*Logik der Forschung*», изданный на немецком в 1934 году, был переведен на англий-

ский только четверть века спустя. Да и после, уже став известным и знаменитым, он все равно долго искал издателя для «Открытого общества и его врагов». «Трактат» Витгенштейна тоже увидел свет не без родовых мук — но тут сыграли свою роль соображения, связанные с его потенциальной продажей, а отнюдь не сомнения в ценности самой работы. Поппер же был вынужден долго убеждать издателей, что его труд перевернет современное мировоззрение. Если бы не поддержка его близкого друга и сторонника Эрнста Гомбриха, который, не жалея сил, представлял интересы Поппера в Лондоне, тогда как сам автор все сильнее впадал в неистовство, находясь в Новой Зеландии, книга могла бы никогда не появиться в свет.

В 1945 году благодаря помощи фон Хайека Попперу предложили должность доцента в Лондонской школе экономики — и там на протяжении двадцати трех лет, начиная с 1949 года, он возглавлял кафедру логики и научного метода. Едва прибыв в Англию, он тотчас стал популярной фигурой: «Открытое общество» наконец-то было опубликовано, и автора наперебой приглашали выступить перед аудиторией. Сейчас, сквозь призму времени, становится видно, что это был пик его карьеры (которой суждено было продлиться еще более четырех десятилетий), ибо вскоре он стал избегать конференций и профессиональных форумов, предпочитая трудиться в одиночестве дома и превращаясь в «великого затворника». Он по-прежнему много и плодотворно трудился, расширяя сферу своих интересов, но «героический период», период решения фундаментальных проблем, остался позади.

Отношения Поппера с философским истеблишментом новой родины всегда были прохладными: видимо, он с давних пор разочаровался в англичанах, а когда окончательно утратил всякую надежду на то, что они

сумеют понять и оценить оригинальность его идей, стал вести себя с ними все более самоуверенно. Еще в 1936 году, будучи в Англии, Поппер присутствовал в качестве гостя А. Дж. Айера на собрании Аристотелевского общества и слушал доклад Рассела. Он попытался вступить в полемику, но аудитория, приняв его критические замечания за шутку, встретила их смехом и аплодисментами. Сорок лет спустя Поппер писал: «Не знаю, заподозрил ли хоть кто-нибудь из них, что я говорил совершенно серьезно — и более того, что мои взгляды со временем станут общепризнанными». В тот приезд он совершил первую вылазку в Кембридж, выступил в Клубе моральных наук с докладом об индукции и лишь по чистой случайности не встретился с Витгенштейном — того свалила с ног «чертова простуда», как он выразился в письме к Муру. Отсутствие Витгенштейна, мысли о котором уже тогда не давали Попперу покоя, было для последнего большим благом: через десять лет он будет гораздо лучше вооружен для встречи с противником.

Лондонская школа экономики справедливо считалась (и считается) одним из самых выдающихся высших учебных заведений Великобритании; преподавательская должность в ней означает признание высочайшего профессионализма. Но Поппера ни разу не пригласили на работу ни в Оксфорд, ни в Кембридж, а между тем он полагал, что место в любом из этих университетов принадлежит ему по праву. Он чувствовал, что обречен на роль изгоя, что его талант так и не оценен в полной мере. (Впрочем, Джон Уоткинс отрицает, что Поппер жаждал получить место в Оксфорде.) Правда, он был почетным доктором как Оксфорда, так и Кембриджа — но это, конечно, совсем не то. В 1947 году Стивен Тулмин отверг предложенную ему Поппером должность в Лондонской школе экономики, потому что тогда была эпоха Оксфорда и Кембриджа; именно там надлежало

быть философу. И Поппер, без сомнения, тоже прекрасно это понимал.

Но главная причина, по которой Поппер был не в ладах с влиятельными философскими кругами, заключалась в его основополагающей позиции: разгадывание головоломок — занятие тривиальное и недостойное; исследование проблем — вот подлинная задача философии. Брайан Маги, очень много сделавший, чтобы донести до мира важность идей Поппера, говорит о его маргинальности: «Он верил в это, он сам так поступал, он все время плыл против течения и потому никогда не был в моде. При этом он так много и ожесточенно критиковал идеи тех, с кем не был согласен, что это никак не могло способствовать его популярности». Сам Поппер как-то сказал Мелитте Мью, что в Оксфорде, где господствует лингвистический подход, сто пятьдесят философов — и никакой философии. Джон Уоткинс противопоставляет метод Поппера методу, преобладавшему в университетах Англии: «Он любил серьезные, очевидные, крупные проблемы. И выдвигал крупные гипотезы — пусть даже предварительные, которые впоследствии дорабатывались. Это вам не какой-нибудь заштатный философ-доцент из Бирмингемского университета, который берет вот такусенькую жалкую проблемку, — с этими словами Уоткинс сближает большой и указательный пальцы, — и говорит, что если посмотреть на нее с одной стороны, то так, а если с другой, тогда вот этак...»

Разумеется, у Поппера были ученики, которые собирались вокруг него в Лондонской школе экономики. В глазах Джона Уоткинса Поппер был великим человеком — «конечно, не без острых углов... [но] на голову выше большинства». По словам лорда Дарендорфа, Поппер «был очень необычным человеком». Эрнест Геллнер утверждает, что Поппер указал путь к пониманию двух самых больших наших ценностей — знания и сво-

боды. И все же последователей Поппера никак нельзя назвать «школой». Отчасти так получилось потому, что Поппер решал проблемы последовательно, в то время как Витгенштейн сразу предлагал метод, универсальный подход. Широта философской тематики Поппера впечатляет, но если уж он не занимался какой-то темой, то вопрос «А что сказал бы об этом Поппер?» вряд ли поможет пролить на нее свет; вопрос же «А что сказал бы об этом Витгенштейн?», утверждают витгенштейнианцы, всегда приближает к верному ответу.

Еще одна причина того, что в других странах Поппера все-таки ценили больше, чем в Англии, заключалась в его интеллектуальном здравомыслии — качестве безусловно замечательном, но, увы, не способном захватить и увлечь. Ральф Дарендорф, большая часть научной карьеры которого связана с Англией, сравнивает отношение к Попперу в Британии и в континентальной Европе:

> «Поппер был счастлив в Англии, потому что там было безопасно. Это была страна, в которой человек, обладавший иммунитетом против двух главных опасностей века — а именно от коммунизма и фашизма, — чувствовал себя надежно и спокойно. Но именно потому, что Англия была такой страной, Поппер был для нее слишком нормален — и не слишком интересен. Иное дело — Континент. Все до единой континентальные страны были подвержены этим двум опасностям. Поппер же возвышался над этим как нерушимая твердыня здравого смысла. И это долгие годы вызывало огромное уважение к нему. Более того: именно в этом видели великий путь к преодолению разрушительных последствий политических страстей, бушевавших с 1917 года до смерти Сталина, — в том числе и всего периода нацизма».

Жалел ли Поппер о том, что выбрал стабильную должность в Новой Зеландии, вдалеке от фашистской Австрии и войны, вместо того чтобы согласиться на временную и не столь надежную «академическую любезность факультета моральных наук Кембриджского университета», предложенную Советом поддержки ученых? Кентерберийский университет, вне всяких сомнений, оказался в выигрыше. Его официальная история гласит: «Ни до, ни после никто не оказал такого влияния на нашу академическую жизнь, как Карл Поппер». Новозеландские историки назвали Поппера своего рода «интеллектуальным шампанским после долгих лет засухи».

И все же, рискни Поппер тогда, в 1937 году, в расцвете творческих сил, поехать в Англию, он не провел бы столько лет в стороне от главных философских событий. У него появился бы шанс упрочить свои позиции в академическом мире — и работать наравне с Витгенштейном. Фридрих Вайсман, венский знакомец Поппера, которому тот, по его словам, уступил место в Кембридже, позже переехал оттуда в Оксфорд. Как хорошо было бы Попперу, если бы он принял другое решение! Выбери он тогда Кембридж, говорил Поппер Михаэлю Недо, он быстро затмил бы Витгенштейна со всей его школой.

Получив от «Бюро университетов Британской империи» приглашение в Новую Зеландию, Поппер в письме к Муру назвал его «довольно неожиданным». Однако, писал он, «я счастлив принять эту должность. Ибо, хотя я безусловно предпочел бы возможность читать лекции в Кембридже, я рад, что больше не буду обременять собой Совет поддержки ученых. К тому же я надеюсь еще вернуться в Англию».

Вообще, этот выбор в пользу «нормальной работы» — как назвал ее, что примечательно, сам Поппер — можно объяснить лишь в контексте личной, финансовой и политической небезопасности. Он принял решение

покинуть Австрию за год до вторжения Гитлера, предчувствуя войну. Вспомним к тому же, что 1928 год, когда он закончил докторскую диссертацию и получил право преподавать, был последним годом австрийского послевоенного возрождения. В 1929 году произошел обвал американской фондовой биржи, и начался стремительный отток капитала из Европы. В 1930 году безработица в Германии достигла отметки в пять миллионов человек, а еще через два года эта цифра выросла до шести миллионов. И в такое тревожное время — экономический упадок, политическая напряженность, подъем правых партий, ожесточенный антисемитизм, — на таком зыбком фундаменте, в изменившемся до неузнаваемости мире, будущему учителю еврейского происхождения пришлось строить карьеру и семью.

18

Проблемы с головоломками

> Владыка, чье прорицалище в Дельфах, не говорит и не утаивает, а подает знаки.
>
> *Гераклит*

> Поздний Витгенштейн говорил о философских «головоломках», вызванных неправильным употреблением языка. Я могу только сказать, что если бы у меня не было никаких серьезных философских проблем и никакой надежды их решить, то у меня не было был повода быть философом; философии, на мой взгляд, просто не было бы оправдания.
>
> *Поппер*

Как мы убедились, было немало причин, способствовавших тому, что встреча между Витгенштейном и Поппером в аудитории Н3 стала столь ожесточенной. Но и без них этот спор наверняка вошел бы в историю, ибо на карту был поставлен фундаментальный вопрос философии: вопрос о ее цели. От его решения напрямую зависела судьба возглавляемой Бертраном Расселом аналитической революции. Смысл и цель этого философского бунта — вот из-за чего Поппер и Витгенштейн скрестили, образно говоря... кочерги.

Предметом спора был вопрос о роли и значении языка. Рассел стал инициатором применения точных методов логики к анализу философских проблем. До Рассела еще со времен Декарта, с XVII века, главным направлением философии была эпистемология — выяснение того, что может знать человек. Декарт искал незыблемые основы знания в себе самом. Его метод состоял в том, что-

бы подвергать сомнению все, пока не будут достигнуты прочные основания достоверного знания. Когда же «его лопата не могла копать глубже», он «отчеканил» наиболее часто цитируемую философскую фразу — «*Cogito ergo sum*» — «Мыслю, следовательно, существую». Среди последователей эпистемологической традиции были английские эмпирики Локк, Беркли и Юм. После же Рассела на смену эпистемологии пришла философия языка, согласно которой наши слова являются теми линзами, через которые мы воспринимаем мир и собственные мысли. Без этих линз мир нам недоступен.

Источником аналитического подхода Рассела стали числа: его первой любовью была математика. В автобиографии он вспоминает свое несчастное отрочество и тропинку, по которой спускался к морю на юге Англии: «Я ходил туда один, глядел на закат и размышлял о самоубийстве. Но я не покончил с собой, потому что хотел больше узнать о математике».

В 1903 году он опубликовал «Принципы математики» («*The Principles of Mathematics*»), а в 1910—1913 годах в соавторстве с А. Н. Уайтхедом — монументальный трехтомный труд «*Principia Mathematica*». Эта попытка утвердить математику на прочном логическом фундаменте насчитывала сотни страниц чисел, символов, уравнений; итог получился настолько непригодный для рынка, что авторам пришлось частично взять на себя издательские издержки. Годы спустя Рассел говорил, что ему известны только шесть человек, прочитавших книгу от корки до корки: трое из них стали жертвами Холокоста, а еще трое были из Техаса. И все же в некотором смысле книга себя окупила: она придала вес другим, более популярным трудам Рассела.

Позже Рассел оценит задачу, попыткой решения которой стала «*Principia Mathematica*», как скорее сизифову, нежели гераклову, — или, по его собственным словам,

как «абсолютную чепуху». Подлинное значение для философии она обретет только тогда, когда он применит методы, использованные в этой работе, к исследованию языка, а затем и к вечным проблемам метафизики: природе бытия, знания и истины. Самая известная из его теорий связана с лысиной короля Франции (или отсутствием таковой). Однако рассуждение о несуществующем лысом монархе может быть понято лишь в контексте философских идей той поры.

Отношения между языком и миром были для философов великой загадкой. Как получается, что несколько букв, скажем, «ч-а-ш-к-а», будучи выстроены в определенном порядке, приобретают значение? Направление философии начала XX века, известное как логический атомизм, утверждало, что все слова обозначают некие объекты — и именно таким образом приобретают значения. Слово «чашка» обозначает — и означает — объект «чашка».

Но такое понимание связи между языком и миром вызывает целый ряд трудных вопросов. Например, обозначением какого объекта служит сказочная «золотая гора»? Очевидно, что о золотой горе можно строить простые и понятные предложения; в их числе будет и такое осмысленное, казалось бы, высказывание, как «Золотая гора не существует». И все равно это высказывание будет странным, потому что мы упоминаем объект «золотая гора» затем лишь, чтобы отрицать его существование. Если я спрошу: «Что не существует?», ответ «Золотая гора» предполагает некую особую реальность, а именно несуществующую гору.

С этой загадкой связана и еще одна. Если значение имени «Вальтер Скотт» — объект или предмет, обозначаемый этим именем, то есть человек Вальтер Скотт, то, предположительно, то же верно и по отношению к описанию сэра Вальтера Скотта как «автора “Веверлея”». Дескрипция «автор “Веверлея”» тоже обозначает Вальте-

ра Скотта; следовательно, она должна иметь то же значение, что и его имя. Однако этот вывод влечет за собой дальнейшие трудности. Ведь когда король Георг IV осведомлялся, верно ли, что «Скотт — автор "Веверлея"», вряд ли он хотел узнать, верно ли, что «Скотт — это Скотт», — или, как изысканно выразился Рассел, вряд ли Георг IV интересовался законом тождества.

Но вернемся к нашему лысому французу. Даже прекрасно зная, что Франция — республика, мы без труда поймем предложение «Нынешний король Франции лыс». С точки зрения логики оно не вызывает нареканий. Если произнести его, скажем, на вечеринке, то человек, не сведущий в истории Франции, вполне может поверить, что так оно и есть. Этим оно отличается от логически абсурдных предложений, таких, например, как: «Король — это лысая Франция».

Но как же получается, что мы понимаем предложение «Нынешний король Франции лыс», если нынешнего короля Франции не существует? Если слова «нынешний король Франции» относятся к человеку, то этот человек должен быть либо лыс, либо нет — как и кочерга в аудитории H3 была либо раскаленной, либо нет. Однако в реальном мире нет ни единого лысого человека, который являлся бы королем Франции, равно как и нет ни единого лохматого человека, который являлся бы королем Франции. Рассел писал, что «гегельянцы, тяготеющие к синтезу, заключили бы, наверное, что он носит парик».

Австрийский логик Алексиус Мейнонг, писавший в конце XIX века, предложил способ решения этих проблем. С его точки зрения, тот факт, что мы можем говорить о золотой горе, означает, что в некотором смысле золотая гора существует — не физически, конечно, но логически. В этом же смысле существуют и единороги, феи, привидения, домовые и лохнесское чудови-

ще. Именно поэтому для нас имеют смысл такие утверждения, как «Деда Мороза не существует» или «Лохнесское чудовище — всего лишь крупная форель». В мире логики лохнесское чудовище существует — и именно то, что оно существует в мире логики, позволяет нам отрицать его существование в реальном мире.

Надо сказать, что Рассел был человеком в высшей степени педантичным и аккуратным. (В 1946 году он занимал комнаты Ч. Д. Броуда в Тринити, и Броуд, вернувшись, отметил: «Рад засвидетельствовать, что Рассел — идеальный жилец, при всей деструктивности его мышления».) Картина мира, нарисованная Мейнонгом, в глазах Рассела была невыносимо запутанной и хаотичной. «Логика, — утверждал он, — должна допускать существование единорогов не в большей степени, чем зоология». Этот метафизический беспорядок требовал генеральной уборки. Так возникла расселовская теория дескрипций.

Язык, считал Рассел, путает нас, сбивает с толку. Мы думаем, что такие дескрипции, как «золотая гора», «автор "Вэверлея"» или «король Франции», ведут себя как имена. В толпе, встречающей королевскую процессию, можно с равным успехом воскликнуть: «Ура, король Франции!» и «Ура, Людовик XVIII!». Потому мы думаем, что эти дескрипции, подобно именам, должны обозначать объект, чтобы иметь значение.

На самом же деле они вовсе не функционируют как имена. Хотя высказывание «король Франции лыс» кажется простым и однозначным, оно маскирует сложный логический триплет. Как в омлете, когда мы видим на сковороде только яйца, но под ними прячутся еще помидоры и сыр, в нашем высказывании тоже скрываются целых три ингредиента:

1. Существует король Франции.
2. Существует только один король Франции.

3. То, что является королем Франции, — лысое.

Выявив такую логику, мы можем увидеть, каким образом высказывание «король Франции лыс» имеет смысл, но при этом является ложным: это происходит потому, что неверна первая посылка — «существует король Франции». Таким же образом мы можем рассматривать и высказывания «Золотая гора не существует» или «Скотт — автор "Вэверлея"». Последнее можно трансформировать следующим образом: «Существует X такой, что X написал "Вэверлея", так, что для всех Y, если Y написал "Вэверлея", то Y тождествен X, и X тождествен "Скотту"».

Рассел изобрел логическую нотацию для записи таких случаев — она используется и сейчас. Высказывание «Король Франции лыс» записывается так:

$$(\exists x)[Fx \,\&\, (y)(Fy - \ y = x) \,\&\, Gx]$$

Такую деконструкцию предложения стали рассматривать как парадигму аналитического метода. И позже, когда Рассела спрашивали, что он считает своим самым значительным вкладом в философию, он без колебаний отвечал: «Теорию дескрипций».

Лысина французского монарха впервые сверкнула в статье, опубликованной Расселом в 1905 году. 25 октября 1946 года, то есть четыре десятилетия спустя, в комнате Н3 важно восседал Рассел, отец этого метода, а по обе стороны от него располагались потомки — Поппер и Витгенштейн. Как во многих семьях, дети враждовали между собой. Для Витгенштейна тщательное языковое исследование философских концепций представляло собой самостоятельную ценность: только эта горькая пилюля могла облегчить философскую мигрень. Для Поппера же это было всего лишь подспорье — пусть и чрезвычайно полезное — в исследовании того, что действительно имело значение: реальных проблем.

После возвращения в Кембридж в 1929 году Витгенштейн отказался от большинства идей, высказанных в «Трактате», и разработал принципиально новый подход. За всю историю философии всего единицы могли бы похвастать тем, что создали философскую школу; Витгенштейн же основал сразу две. Рассел именовал эти подходы «Витгенштейн I» и «Витгенштейн II».

«Логико-философский трактат» Витгенштейн создавал в том же интеллектуальном универсуме — в универсуме логического атомизма, — в котором и Рассел написал свою первую и наиболее оригинальную работу, где мир строился на простых, неизменяемых (и неопределяемых) объектах. Текст «Трактата» располагается между двумя хорошо известными утверждениями: первым — «Мир есть все, что происходит»[1] и последним — «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Он состоит из интригующе пронумерованных параграфов: всего их семь, а сравнительная значимость предложений отражается десятичными разрядами: пункт 1.0 важнее, чем 1.1, а тот, в свою очередь, важнее, чем 1.11 и 1.111. Например:

4. Мысль есть осмысленное предложение.

4.001. Совокупность предложений есть язык.

4.01. Предложение — образ действительности...

4.1. Предложение изображает существование и несуществование атомарных фактов.

4.1212. То, что *может* быть показано, *не может* быть сказано.

Эту знаменитую монографию прославили афористичная яркость в сочетании с оракульской краткостью и непоколебимая уверенность на грани догматизма (Поппер полагал, что это и есть догматизм). «Трактат» не

[1] Пер. М. Козловой.

снисходит до традиционных доказательств своих многочисленных положений. Каждое предложение светится чистой и строгой красотой — недаром *The Times* в некрологе по Витгенштейну называет «Трактат» «логической поэмой».

В центре «Логико-философского трактата» — связь между языком, мышлением и миром. В частности, Витгенштейн выдвигает образную теорию смысла: факты и предложения, такие, как «Камин расположен в середине комнаты», неким образом складываются в картину мира. Эта идея пришла к нему, когда он прочел в газете о том, как во Франции при рассмотрении дела в суде, воссоздавая картину несчастного случая на дороге, использовали модели автомобилей и пешеходов. Предложения языка относятся к миру примерно так же, как куклы и игрушечные машинки — к реальному дорожному происшествию.

Но у «Витгенштейна II» на смену метафоре языка как картины приходит метафора языка как инструмента. Если хочешь узнать значение термина, не нужно спрашивать, что он означает; нужно выяснить, как он употребляется. И тогда окажется, что за словом нет одной-единственной структуры. Функции некоторых слов на первый взгляд схожи, но на деле совсем различны. Это как если бы мы, заглянув в кабину локомотива, увидели там рукоятки, по виду более или менее схожие.

> «Но одна из них пусковая ручка, которую можно поворачивать плавно (она регулирует степень открытия клапана); другая рукоятка переключателя, имеющая только две рабочие позиции, он либо включен, либо выключен; третья рукоятка тормозного рычага, чем сильнее ее тянуть, тем резче торможение; четвертая рукоятка насоса, она действует только тогда, когда ее двигают туда-сюда».

Более того: изучая реальное функционирование языка, мы замечаем кое-что еще: большинство терминов имеет не одно применение, а множество, и эти различные применения могут не иметь между собой ничего общего. В пример Витгенштейн приводит слово «игра». Существуют всевозможные виды игр — пасьянс, шахматы, бадминтон, футбол, лапта... Есть карточные игры и игры с мячом, игра-соревнование и игра-сотрудничество, игры командные и игры индивидуальные; в одних исход зависит от навыков, в других — от удачи. Вопрос: что общего между всеми этими играми? Ответ: ничего. Субстанции «игра» не существует.

Витгенштейн назвал такие подобия «семейными сходствами». Они напоминают семью, где некоторые родственники явно имеют какую-то схожую черту — морщинистую шею, или пронзительные синие глаза, или раннюю седину, или необычайно большие уши, — однако нет характеристики, которая объединяла бы всех. Ряд пересекающихся подобий и сходств — вот что делает «игры» играми. «Прочность нити создается не тем, что какое-нибудь одно волокно проходит через нее по всей ее длине, а тем, что в ней переплетается друг с другом много волокон».

Рассел и ранний Витгенштейн считали, что обыденный язык затемняет лежащую в его основе логическую структуру. «Король Франции лыс» — предложение, логическая структура которого не видна непосредственно. В этом смысле язык — как одежда для тела; под мешковатым свитером трудно разглядеть очертания фигуры. «Витгенштейн II» отверг этот взгляд: он верил, что язык находится в прекрасном рабочем состоянии и ничего не прячет.

Этот поздний Витгенштейн утверждал, что язык не прикован к миру объектов. Грамматика языка автономна и независима. Не мир правит бал, а мы. Мы можем

делать с языком, что хотим. Мы выбираем правила и решаем, что значит следовать правилам. Пройдет еще несколько десятилетий — и окажется, что во всем мире изучение права, социологии и английского языка основано именно на этих идеях.

Поскольку язык подчинен правилам, он по сути своей неотделим от общества; он встроен в наш практический опыт, в наши «формы жизни». Правила подлежат интерпретации: необходимо договориться, что допустимо, а что нет. Таким образом, идея частного языка — языка, понятного только одному человеку, — несостоятельна. А если это так, то выходит, что Декарт, искавший святой Грааль безусловного и несомненного знания в самом себе, шел не в том направлении. Чтобы слова «*Cogito ergo sum*» имели какой-то смысл, нужно сначала договориться, что считать мышлением и каким образом применять понятие «мыслить», — это единственный способ, каким может функционировать язык. Таким образом, *Cogito* никак не может быть отправной точкой к выяснению того, что человек способен знать. Это открытие Витгенштейна перевернуло семь столетий философской мысли и освободило его последователей из плена, в котором они пребывали, ища твердые основания достоверного знания.

Какова же тогда, по Витгенштейну, цель философии? Очень проста: избавиться от путаницы, распутать веревки, которыми мы сами оплели себя по рукам и ногам, «показать мухе путь из мухоловки». Занимаясь философией, мы задаемся вопросами о вещах, которые в обычной жизни не привлекают нашего внимания. Какова, например, природа времени? Если в Кембридже сейчас пять часов, то который час на Солнце? Может ли что-то одновременно быть целиком красным и целиком зеленым? Могу ли я знать, что мне больно? Может ли мне быть так же больно, как тебе?

Что такое «говорить с собой»? (Именно этот вопрос обсуждался на семинаре Витгенштейна 25 октября 1946 года.)

В поисках ответов на эти вопросы философы, полагал Витгенштейн II, совершают глупейшие ошибки. Они пытаются найти объяснение, универсальный ответ, теорию, которая подходила бы под все случаи, обобщение, которое охватывало бы все разновидности; они смотрят на объекты и чувствуют, что могут каким-то образом проникнуть в суть явлений и достичь их нематериального ядра.

Такое философствование может показаться похожим на раннюю стадию психического расстройства. И действительно: Витгенштейн II понимал философию как своего рода языковую терапию — подобно другу своей сестры Зигмунду Фрейду. «Философское исследование вопроса напоминает лечение болезни». Васфи Хайджаб, бывший в 1946 году секретарем Клуба моральных наук, утверждает, что до встречи с Витгенштейном он был «интеллектуально болен», он страдал именно от этой путаницы, и Витгенштейн «исцелил» его.

Наша задача, полагал Витгенштейн II, — бороться с чарами, которыми опутывает нас язык («Философия есть борьба против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка»). Нужно неустанно напоминать себе об обыденном языке, о языке, на котором говорим дома. Затруднения возникают из-за необычного употребления слов — «когда язык пребывает в праздности». Может ли что-то быть целиком красным и зеленым? Нет, но это не есть некая глубокая метафизическая истина — просто таково правило нашего языка. Возможно, где-нибудь на краю земли, в непролазных джунглях живет никому не известное племя, для которого нет ничего удивительного в «красных зеленых» кустах, горшках или ягодах.

Таким образом, философские вопросы суть скорее головоломки, нежели проблемы. Распутывая их, мы не раскрываем некую скрытую логику, которую пытались выявить Рассел и Витгенштейн I, а просто напоминаем себе о том, что уже существует, о том, как действует язык. Могу ли я «знать», что мне больно? Но такой вопрос не может возникнуть в обыденном словоупотреблении. Выражения знания — например, «я знаю, что Вена — столица Австрии» — основаны на возможности сомнений. Но моя боль у меня не вызывает сомнений. Который час на Солнце? Мы не можем ответить на этот вопрос — и не потому, что не знаем ответа, а просто потому, что понятие времени на Солнце не имеет места в нашем языке; не существует правил его применения.

Означает ли все это, что философия не приносит пользы никому, кроме тех, кто зарабатывает ею на жизнь, — тех, кто склонен, обманывая себя, погружаться в трясину мнимой глубины и сложности? Как выразился Гилберт Райл, что потеряла муха, которая никогда не была в мухоловке? Витгенштейн II дает такой ответ: его метод — борьба с философом в себе самом. Каждый из нас почти наверняка попадется в мухоловку — нас затягивает туда язык. Философию с кафедры преподают лишь единицы, но на кухне или в забегаловке все мы — философы.

«Логико-философский трактат» популярен и сегодня, и многие его логические инновации — такие, например, как «таблицы истинностных значений», определяющие условия истинности или ложности высказывания, — используются и сегодня. Однако влияние Витгенштейна на современность обусловлено в первую очередь его поздними работами.

И все же есть как минимум одна вещь, которая объединяет Витгенштейна I и Витгенштейна II. Это — погло-

щенность проблемами языка. Витгенштейн I считал, что наш обыденный, повседневный язык небрежен и, чтобы распутать ту или иную головоломку, необходимо понять его скрытую структуру. В предисловии к «Трактату» он писал, что так называемые философские проблемы возникают только потому, что мы неправильно понимаем «логику нашего языка». Витгенштейн II полагал, что решение различных головоломок лежит на поверхности языка, а все наши трудности начинаются тогда, когда мы пытаемся проникнуть вглубь.

С этим непреходящим интересом к языку была связана основополагающая цель: отделение смысла от бессмыслицы. Витгенштейн I проделывает это строго и скрупулезно; Витгенштейн II добивается этой же цели, рассматривая такие предложения, как «Х целиком красный и целиком зеленый». Оно выглядит так, словно имеет смысл и может быть понято, однако заключает в себе тонкое отличие от обычных элементарных суждений. Это как если бы мы, увидев в кабине локомотива насос, предположили бы, что он находится там не случайно, что у него есть какая-то функция, но потом обнаружили бы, что он не соединен ни с какими другими деталями оборудования. Одна из целей философии, полагал Витгенштейн, — превращение скрытой бессмыслицы в явную.

Поппер утверждал, что, явившись 25 октября 1946 года в Кембридж, он готовился к спору с Витгенштейном I о «Логико-философском трактате», который знал досконально. (Надо полагать, Поппер ознакомился с ним немедленно, как только книга вышла в печать — в *Unended Quest* он пишет, что прочел ее «за несколько лет» до написания своей диссертации, к которой приступил в 1925 году; а «Трактат» на немецком увидел свет в 1921-м.) Однако кочергой перед ним потрясал Витген-

штейн II. У Поппера были уважительные причины не знать об этом. До конца 1945 года он пробыл в Новой Зеландии, а неопубликованные работы Витгенштейна имели хождение только среди его учеников, на манер самиздата. Его аргументы и афоризмы («Если бы лев умел говорить, мы бы его не поняли»), казавшиеся глубокими и непостижимыми одновременно, в Кембридже не сходили с языка; однако они не добрались даже до Лондона, не говоря уж о стране, которая, по словам Поппера, была разве что самую малость поближе Луны. Стивен Тулмин упрекает Поппера в том, что тот думал только «о черных днях былых невзгод, о битвах прежних дней»[1].

И все-таки то, что вызывало протест Поппера в трудах Витгенштейна I, у Витгенштейна II сохранилось неприкосновенным. А возмущался Поппер тем, что Витгенштейн придавал особое значение языку. В одном из примечаний к «Открытому обществу» он резко высказался против доктрины «Трактата» о том, что подлинная задача философии — не выдвижение, но прояснение предложений; и эта критика с равным правом могла быть нацелена и на Витгенштейна II.

То, что Поппер не имел представления о революции в мышлении Витгенштейна, подтверждается и свидетельством Питера Мунца — новозеландского студента Поппера и одного из очевидцев событий в аудитории Н3, — и лекцией самого Поппера, прочитанной им в 1952 году, через год после смерти Витгенштейна. Лекция называлась «Природа философских проблем и их научные корни». В версии для печати Поппер добавил примечание:

> «Когда я в последний раз виделся с Витгенштейном (это было в 1946 году; он председательствовал на бур-

[1] *Вордсворт У.* Одинокая жница. (Пер. И. Ивановского).

> ном собрании кембриджского Клуба моральных наук по случаю моей лекции "Существуют ли философские проблемы?"), он по-прежнему придерживался доктрины о несуществовании философских проблем в том виде, в каком они здесь представлены. Я никогда не видел неопубликованных рукописей, которые его ученики передавали из рук в руки, и хотел узнать, не произошло ли изменений в том, что я называю здесь его "доктриной"; оказалось, что в этой, наиболее принципиальной и влиятельной части учения Витгенштейна взгляды его остались неизменными».

(Обратим внимание на фразу «когда я в последний раз виделся с Витгенштейном». У читателя должно было сложиться впечатление, что в прошлом они не раз встречались, беседовали, может быть, даже вспоминали минувшие дни и дружеские застолья в Вене в добрые старые времена. Но, как мы знаем, встреча в Н3 была единственной.)

До самой своей смерти Поппер не мог удержаться, чтобы не задеть имя Витгенштейна. Такое постоянство уже граничило с манией. По его глубокому убеждению, «существование неотложных серьезных философских проблем и необходимость их критического осмысления — единственное оправдание для так называемой профессиональной, или академической, философии». Даже главу воспоминаний о детстве в *Unended Quest* Поппер начинает с пассажа, адресата которого нетрудно угадать: «Я всегда верил, что существуют подлинные философские проблемы, а не просто головоломки, порожденные неправильным употреблением языка. И некоторые из этих проблем очевидны даже ребенку». В книге хватает и более откровенных выпадов: «Витгенштейн... не показал мухе выход из мухоловки. Более того, в этой мухе, которая не в силах выбраться наружу, я вижу автопортрет самого Витгенштейна. (Витгенштейн был

типичным "витгенштейновским случаем" — как Фрейд типичным фрейдистским.)» Еще один удар исподтишка Поппер наносит Витгенштейну, упоминая все в том же *Unended Quest* о двух венских писателях, чьи книги были в отцовской библиотеке, Фрице Маутнере и Отто Вейнингере. Обмолвившись, что «оба, очевидно, оказали влияние на Витгенштейна», он снабжает этот фрагмент сноской — цитатой из Вейнингера: «Все болваны, от Бэкона до Маутнера, занимались исследованиями языка».

В интервью на радио «BBC» в мае 1970 года Поппер глумился над опубликованной посмертно книгой Витгенштейна:

> «Если вы под дулом пистолета потребуете ответить, с чем я не согласен в "Философских исследованиях" Витгенштейна, — ну тогда, конечно, я вынужден буду сказать: "Что вы, меня все устраивает!" Все, кроме самой книги. То есть, согласен я или не согласен — так вопрос не стоит, потому что там не с чем соглашаться или не соглашаться. Признаюсь только, что мне было скучно — скучно до слез».

Вряд ли скучная до слез книга вызвала бы столь эмоциональный отклик. Джозеф Агасси комментирует: «Витгенштейн был для этого философа единственным *bête noire* [предметом ненависти]: не могло быть лучшего подтверждения лояльности, нежели выпад в сторону Витгенштейна». Интерес к языку Поппер сравнивал с протиранием очков: философы языка могут сколько угодно считать, что этот процесс ценен сам по себе; серьезные же философы понимают, что очки протирают с одной-единственной целью — чтобы яснее видеть.

Намереваясь выступить с критикой Витгенштейна, Поппер рассчитывал на поддержку Рассела — и не оши-

бался. Давний кризис личных отношений между Расселом и Витгенштейном теперь был обострен еще и враждебностью, с какой каждый из них воспринимал теорию другого. Витгенштейн I соглашался далеко не со всеми результатами ранних логических и технических изысканий Рассела, но был глубоко увлечен ими. Причина появления «Логико-философского трактата» отчасти в том и состояла, что Витгенштейн стремился исправить идеи Рассела, казавшиеся ему ошибочными. Присутствие Рассела ощущается едва ли не в каждой строке «Трактата». В предисловии к этой тоненькой книге Витгенштейн щедро отдает дань уважения «своему другу Бертрану Расселу», а в основном тексте Рассел упомянут двадцать восемь раз. Для сравнения: в период, когда создавались «Философские исследования» — книга, наиболее прочно ассоциируемая с Витгенштейном II, — то есть с конца тридцатых годов и далее, Витгенштейн словно проделал с Расселом «трюк с исчезновением». Своего наставника он упоминает всего дважды, и оба раза критически.

Рассел, со своей стороны, был уверен, что новые идеи Витгенштейна загоняют кембриджскую философию в тупик тривиальности и скуки. Позже он писал, что нашел работы Витгенштейна II «совершенно непонятными. Их позитивные доктрины кажутся мне тривиальными, а негативные — необоснованными». И о «Философских исследованиях»: «Я не понимаю, почему целая школа обнаруживает на этих страницах великую мудрость».

Рассел был основоположником анализа понятий и, подобно Попперу, полагал, что такой анализ зачастую проясняет вопросы и рассеивает туман, которым они окутаны. Однако при этом, опять же подобно Попперу, он не считал, что точность — это начало и конец всего. Поппер отмечал, что ученым, несмотря на определенную степень языковой неоднозначности, все же удает-

ся получать грандиозные результаты. Рассел, в свою очередь, утверждал, что даже если точно определить и прояснить каждое слово, проблема не исчезает, и иллюстрировал свою мысль следующим анекдотичным эпизодом: он ехал на велосипеде в Винчестер и остановился у лавки, чтобы спросить у ее хозяина кратчайший путь. Тот крикнул своему работнику:

— Эй, тут джентльмен хочет узнать самый короткий путь до Винчестера!

— До Винчестера? — раздался голос из глубины лавки.

— Ага!

— Путь до Винчестера?

— Ага!

— Самый короткий?

— Ага!

— Не знаю!

В книге «Мое философское развитие» Рассел категорически отвергает представления позднего Витгенштейна о том, что обыденный язык находится в прекрасной форме, а философские проблемы — это всего лишь головоломки, «лингвистические судороги»: «Нас уверяют, что мы пытаемся понять не мир, а всего лишь высказывания, и при этом предполагается, что истинными можно считать все высказывания, кроме тех, которые изрекают философы». В другой раз он обвинял Витгенштейна в том, что тот унижается перед здравым смыслом. То, что принимают за здравый смысл, полагал Рассел, на поверку то и дело оказывается предрассудком и тиранией обычая. Если Витгенштейн прав, то философия, «в лучшем случае, плохонькое подспорье для лексикографов, а в худшем — идеальное развлечение за чаем». Сидя за чаем 25 октября 1946 года, за четыре часа до собрания Клуба моральных наук, Рассел и Поппер, заговори они на эту тему, наверняка сошлись бы на том, что философия — нечто гораздо большее.

Взять хотя бы реальный мир международной политики. Чтобы в полной мере осознать, какие страсти кипели в тот вечер в НЗ, нужно вспомнить политический подтекст событий. Шел 1946 год! Мир только что избавился от фашизма. Только что началась «холодная война». Должны ли философы заниматься политикой? Поппер и Рассел не колеблясь ответили бы «да». Впрочем, Поппер, в отличие от Рассела, не участвовал в маршах протеста и сидячих забастовках — он был рыцарем пера, а не меча. В молодости он видел своими глазами расстрел демонстрации в Вене, и это убедило его, что победы лучше одерживать пером.

Можно спорить о том, действительно ли попперовская критика марксизма оказалась самой действенной, ибо показала полную несостоятельность его претензий на научность. Согласно Попперу, настоящая наука, во-первых, открыта для самого тщательного исследования, а во-вторых, делает предсказания, которые можно проверить. Чем смелее предсказания, тем лучше. Псевдонаука — к этой категории Поппер без колебаний относил и неомарксизм, и фрейдовский психоанализ — либо отказывается подвергать себя проверке (то есть не делает ясных предсказаний, благодаря которым ее можно опровергнуть; например, теория относительности была открыта для проверки с помощью наблюдений, которые позже проделал сэр Артур Эддингтон), либо делает предсказания, а потом подыскивает оправдания свидетельствам, явно идущим вразрез с этими предсказаниями. В стране с самым сильным пролетариатом так и не произошла революция? «Да, но это потому, что...» Капитализм так и не привел к сосредоточению все большего богатства в руках все меньшего и меньшего числа людей? «Да, но это потому, что...» Неомарксизм — это сплошное «да, но...». (Неомарксизм — но не Маркс, к которому Поппер относился с большим

уважением и который делал предсказания, хотя Поппер считал их опровергнутыми.)

В качестве своего «вклада в победу» Поппер перенес некоторые из этих идей в «Открытое общество и его враги», где он прослеживает истоки фашизма, — и авторский перст обвиняюще нацелен на Платона и Гегеля. Однако попперовская критика фашизма равно относится и к другим формам тоталитаризма. Именно это сообщает книге непреходящую ценность и позволяет применить ее идеи к современным закрытым обществам, независимо от того, что составляет их основу — религиозный фундаментализм, националистический экстремизм или этнический шовинизм. Поппер целил в философию тоталитаризма, но не стремился разубедить тех, кто считал «Открытое общество» полемической книгой времен «холодной войны», направленной непосредственно против марксизма.

В «Открытом обществе» он в пух и прах разбивает представления о неизбежности прогресса и о непреложности и проверяемости законов истории. У истории нет сценария, утверждает Поппер. Исторический прогресс невозможен; возможен лишь прогресс человеческой личности. И хотя у истории нет и не может быть никаких гарантий, самое действенное удобрение для социального и экономического развития — это «открытость». Для тоталитаризма она — смертельный яд. В 2000 году китайский академик Лю Цзюнь-нин был исключен из академии общественных наук Китая за то, что прочел лекцию об «Открытом обществе».

Мысль Поппера о том, что прогресс достигается методом проб и ошибок, была одной из действительно великих идей двадцатого века, — и подобно многим подлинно великим идеям, казалась до изумления простой. Ошибки возможны всегда; «истина» не бывает несомненной. Как в науке критерий фальсифицируемос-

ти позволяет отличить истинную науку от ложной, так и в политике потребность в проверке, анализе и исследовании делает открытое общество жизненной необходимостью. Важное открытие Поппера состояло в том, что демократия — это не роскошь, которую страна может себе позволить, лишь достигнув определенного уровня развития, а, напротив, необходимое условие прогресса. Поппер был убежден, что демократия влечет за собой рациональную установку, которую можно вкратце сформулировать так: «Я могу ошибаться, а ты можешь быть прав, и, приложив совместные усилия, мы можем приблизиться к истине».

Но при этом возможность выбирать правительство не является достаточным условием демократии. Поппер был убежден, что платоновский вопрос «Кто должен управлять государством?» таит в себе большую опасность. Не законность власти должна заботить нас в первую очередь. В конце концов, Гитлер пришел к власти законным путем, получив пост канцлера из рук парламентского большинства.

> «[В "Открытом обществе"] я предложил заменить платоновский вопрос "Кто должен управлять государством?" принципиально другим: "Как создать конституцию, которая обеспечит смену правительства без кровопролития?" Этот вопрос ставит во главу угла не способ *избрания* правительства, а возможность его *смещения*».

Для Поппера вопросы о правительстве и структуре общества были настоящими проблемами, не менее достойными философского исследования, нежели индукция или понятие бесконечности, — и уж явно более актуальными. Поппер питал отвращение к Витгенштейну в первую очередь потому, что презирал очевидное рав-

нодушие последнего к животрепещущим вопросам реальности — по крайней мере как к объектам приложения философских усилий.

Рассел, большой поклонник «Открытого общества», был еще более «общественным животным», чем Поппер. Он тоже считал, что философ обязан покинуть башню из слоновой кости и посвятить себя сложностям современного мира. В 1946 году его особенно тревожила ядерная угроза. Годом спустя он прочтет в Голландии и Бельгии цикл лекций, в которых предложит радикальное решение проблемы — мировое правительство, «обладающее монополией на все мощнейшие виды вооружений».

Как раз в это время третья жена Рассела Патриция (известная как «Питер») развернула кампанию по улучшению условий жизни в британской зоне оккупированной Германии. Через несколько недель после встречи с Поппером, 18 ноября, когда правительство объявило, что британские граждане получат на Рождество дополнительные пайки, она поставила свою подпись под негодующим посланием в *The Times*: нельзя принимать такое решение, когда в британской зоне голодают люди! «Мы считаем, что, пока правительство не пересмотрит коренным образом свою продовольственную политику, мы подвергаем опасности не только сегодняшнюю стабильность в Европе, но и шансы на подлинный мир».

Война кончилась, но будущее Европы представлялось безрадостным. Промышленность была разрушена, людям не хватало самого необходимого, во многих странах Западной Европы процветали коммунистические партии, Советы железной хваткой держали Восточную Европу и разрабатывали атомную бомбу. Все это представляло непосредственную угрозу западной демократии. А Поппер и Рассел тем временем в бессильном гневе наблюдали, как Витгенштейн убеждает новое поколение философов,

что философия — это исключительно забавы с языком. Так, по крайней мере, видели ситуацию оба корифея. Этот обман, полагали они, необходимо разоблачить — ради будущего философии.

19

Ломая голову над проблемами

> Снова и снова говорят, что философия не движется вперед, что мы заняты все теми же философскими проблемами, которыми занимались греки. Но говорящие так не понимают, что иначе и быть не может. Потому что язык наш остался прежним и по-прежнему соблазняет нас задавать все те же вопросы.
>
> *Витгенштейн*

С точки зрения Поппера, наследника великой философской традиции, существовало множество настоящих проблем, достойных внимания философов: от структуры общества до природы науки, от отношений между духом и телом до смысла бесконечности, вероятности и причинности. В драме, разыгравшейся в аудитории Н3, фоном служили сразу несколько из этих тем.

Когда Витгенштейн потребовал привести примеры проблем, не могло быть никаких сомнений, что одной из первых Поппер назовет «индукцию» («Взойдет ли солнце завтра?»). Проблему индукции Поппер использовал для критики принципа верификации, и именно это стало причиной его напряженных отношений с Венским кружком; в прошлое свое появление в логове Клуба моральных наук он тоже говорил об индукции, и в 1946 году был по-прежнему одержим ею. Он считал, что ему удалось разгадать эту загадку. Утверждают, что в последние годы жизни любые попытки «воскресить» эту проблему приводили его в бешенство — словно кто-то у него на глазах пытался склеить обломки поверженного им идола.

Как уже говорилось, Поппер объявил, что принцип верификации несостоятелен, поскольку основан на индуктивном мышлении, и выдвинул в противовес ему собственный критерий — так называемый принцип фальсифицируемости, или опровержимости, позволяющий отличить не смысл от бессмыслицы, но науку от псевдонауки. Однако и этому принципу досталось от критиков. Доказывали — в том числе и Имре Лакатос, бывший ученик, а потом заклятый враг Поппера, — что некоторые теории просто обязаны пережить попытку их опровергнуть, а некоторые великие теории пережили ее на ранних стадиях. Бывают случаи, когда опровержению подлежат не гипотезы, а эксперимент. Так, когда ученые, проверяя гравитационную теорию Галилея, бросали в ствол шахты стальные шарики разной массы, то, что поначалу казалось опровержением теории, впоследствии оказалось свидетельством влияния внешнего фактора — а именно железной руды. Один аномальный результат — не повод отвергать здравую теорию.

Лакатос, помимо прочего, утверждал, что о гипотезе нельзя судить лишь по количеству и смелости ее предсказаний. В первую очередь интерес представляют предсказания уникальные, не выдвигаемые другими теориями, — иначе проверка позволяла бы подтвердить несколько теорий одновременно. Если человек, неподвижно стоя на земле, бросает камень, то предсказания ньютоновой физики и физики Эйнштейна о том, куда этот камень приземлится, будут примерно одинаковы; а если бросать камень с космического корабля, то предсказания эти будут принципиально разными. Но если это верно, то выходит, что в науке есть субъективный, социологический компонент: теорию следует оценивать не на фоне реальности, а на фоне других современных ей предположений.

Поппер считал, что его теория неуязвима для такого рода ядовитых стрел. Однако наиболее серьезной критике он подвергся за то, что вопреки своим громким заявлениям, ему так и не удалось разрешить юмовскую проблему индукции. Критики утверждали, что Поппер не дал удовлетворительного ответа на вопрос, предложенный Имре Лакатосом: почему человеку не следует прыгать с Эйфелевой башни. Под действием гравитации человек очень скоро достигнет земли и разобьется в лепешку — это подтверждено бесчисленными несчастными случаями и самоубийствами. Однако, как отмечал Поппер, из того, что это повторялось бессчетное множество раз, логически не следует, что очередного прыгуна ждет такая же участь. Как бы то ни было, если не верить, что прошлое хотя бы отчасти позволяет судить о будущем, то нет причин не прыгать.

Независимо от того, удалось ли Попперу дать удовлетворительный ответ на эти возражения, он ни на миг не сомневался, что в исследованиях языка его не найти. Свой подход к индукции он изложил в «*Logik der Forschung*», однако в 1946 году эта книга была еще практически неизвестна англоязычному миру. Через два дня после собрания в Клубе моральных наук Поппер в письме к Расселу сделал приписку: он готов объяснить свое решение двухсотлетней проблемы индукции. Объяснение, сообщает он своему кумиру, не займет много времени: ему потребуется всего двадцать минут.

Еще одна философская тема, о которой мы до сих пор упоминали только вскользь, но которая не могла не всплыть в тот вечер, — вероятность. Большинство кембриджских преподавателей было уверено, что проблемы вероятности никак не разрешить простым распутыванием лингвистических затруднений.

Размышления о вероятности были для Поппера любимым видом отдыха: он неразборчиво исписывал уравнениями страницу за страницей. Его занимала связь вероятности с принципом опровержимости. Квантовая механика, основанная на вероятности, была относительно новой областью физики. Она утверждает, что движения отдельных электронов невозможно предсказать точно, а можно лишь с определенной степенью вероятности. Понятно, что Поппер не имел намерения утверждать, что это неправильно; но как втиснуть вероятность в рамки принципа фальсифицируемости? Если я скажу: «Вероятность того, что Дж. Э. Мур придет на встречу Клуба моральных наук, составляет всего один к десяти», то получается, что мою гипотезу невозможно опровергнуть независимо от того, придет Мур или нет. Даже если он придет, это не значит, что я был не прав. Я ведь не утверждал, что он наверняка не появится; я всего лишь говорил, что это маловероятно.

Проблемы вероятности волновали не только Поппера, но и Броуда, Брейтуэйта, Уиздома, Вайсмана, Шлика, Карнапа, Джона Мейнарда Кейнса. В отличие от многих темных областей философии, вероятность — это то, с чем все мы знакомы и чем пользуемся в повседневной жизни. Более того, у многих — например, у тех, кто работает в страховом бизнесе, — с ней напрямую связаны средства к существованию.

Каковы шансы на то, что ваша любимая футбольная команда пройдет в финал Лиги чемпионов? Какова вероятность того, что на игральной кости выпадет шесть? Каковы шансы злостного курильщика дожить до девяноста лет? Какова вероятность того, что до 2050 года мир погибнет в ядерной катастрофе? Все эти вопросы звучат вполне понятно, однако мало что вызывает столько затруднений, сколько объяснение вероятности. Фундаментальный вопрос состоит в следующем: мы обсуждаем

вероятность потому, что это объективная составляющая реальности, или просто потому, что не знаем, что произойдет в следующую минуту? Иными словами, будущее неопределенно по своей сути или же неопределенность — плод ограниченности человеческих возможностей? В своей первой книге «Трактат о вероятности» (*Treatise On Probability*) Кейнс склоняется ко второму варианту. Полагая, что понимание вероятности способно многое прояснить в экономике, и не только в ней, он утверждал, что вероятность разумно рассматривать в контексте фактов. Если перед забегом вы знаете о двух спринтерах только то, что одному из них двадцать пять лет, а другому пятьдесят пять, то, скорее всего, сочтете разумным сделать ставку на того, кто моложе. Но если вслед за этим вы выяснили, что молодой слаб и хил, да к тому же курит и хлещет пиво, а старший — бывший олимпийский чемпион, который придерживается строгой диеты, поглощает витамины и ежедневно занимается штангой в спортзале, вы, пожалуй, поставите на второго. Что же, эти двое изменились? Нет — изменились ваши знания о них.

Другие, однако же, утверждали, что высказывание вида «Вероятность того, что если трижды подбросить монетку, то все три раза выпадет орел, — один к восьми» — это просто априорная статистическая или математическая истина, которая логически не зависит от опыта, как, например, 2 + 2 = 4. Отсюда следует, что такие высказывания не подлежат пересмотру в связи с новыми фактами. Если при броске игральной кости постоянно выпадает шесть, это значит лишь, что она утяжелена свинцом; этот факт не опровергнет истинности априорного высказывания «Вероятность того, что при броске игральной кости выпадет шесть, составляет одну шестую».

Недостаток такого подхода состоит в том, что он совсем не помогает нам в повседневной жизни. Игроку в кости нет никакого проку от общеизвестной матема-

тической истины — она не поможет ему правильно сделать ставку в казино и выиграть. Посему некоторые участники Венского кружка отстаивали «частотную интерпретацию» вероятности, согласно которой высказывание «Вероятность того, что при броске игральной кости выпадет шесть, составляет один к одному» означает лишь, что если бы кость была брошена бесконечное количество раз, то шесть выпало бы ровно в половине случаев. Однако частотную интерпретацию вероятности вряд ли можно считать удовлетворительной: мы-то хотим знать, какова вероятность того, что шесть выпадет при следующем броске, а не что произойдет при бесконечном числе бросков.

Тема вероятности — одна из тех, к которым Поппер возвращался снова и снова. Во время поездок в Великобританию в 1935—1936 годах он читал лекции о вероятности, а в анкете, поданной в Совет помощи ученым, назвал себя специалистом в этой области. Всю свою жизнь он пытался преодолеть субъективизм, внутренне присущий принципу неопределенности Гейзенберга и так называемой копенгагенской интерпретации квантовой механики. Субъективность состоит в том, что, согласно принципу неопределенности, в мире существуют вещи, принципиально недоступные нашему пониманию: мы никогда не сможем с абсолютной точностью зафиксировать движение атомных частиц. Мы можем определить либо координату частицы, либо ее импульс — но не то и другое одновременно. Здесь мы можем иметь дело только с вероятностью. Эта проблема беспокоила не только Поппера, но и Альберта Эйнштейна. Бог не играет в кости, говорил Эйнштейн. Он настаивал на том, что в мире царит полная определенность, что мир подчиняется нормальным законам причины и следствия и что теоретически мы должны иметь возможность предсказать траекторию частицы со стопроцентной надежностью. До

конца своей жизни Эйнштейн искал совершенную теорию, которая покончила бы с неопределенностью.

Поппер иным способом разрешил противоречие между своими объективистскими представлениями о мире и принципом неопределенности Гейзенберга. Да, утверждал он, в мире действительно существует вероятность, но это вовсе не означает, что мир субъективен. Мы говорим о вероятности не вследствие нашего невежества, а скорее, вследствие предрасположенности (propensity — излюбленный термин Поппера), присущей самой природе. Это — объективная составляющая мира, реальная и материальная, как, например, электричество. Иными словами, существует определенность вероятности.

Что же касается связи вероятности с принципом фальсифицируемости, то Поппер полагал, что высказывания, включающие в себя устойчивую предрасположенность — такие, как «Шестерка на игральной кости выпадает в одном случае из шести», — могут быть проверены наблюдением за достаточно большим количеством бросаний. Но единичные высказывания о предрасположенности — такие, как «Предрасположенность к тому, что до 2050 года произойдет ядерная катастрофа, составляет один шанс из ста», — не поддаются проверке и тем самым исключают себя из области науки. Можно сколько угодно проверять результаты подбрасывания монеты или шансы на рождение близнецов — но не правдоподобность ядерного Армагеддона.

Еще один вопрос, затронутый 25 октября 1946 года в Н3, имеет даже более древнее происхождение, нежели темы индукции и вероятности: как нам постичь идею бесконечности?

Над этой проблемой размышляли еще древние греки. В V веке до нашей эры Зенон Элейский сформулировал

несколько остроумных парадоксов, содержащих идею бесконечности. Пространство и время в их обыденном понимании Зенон полагал иллюзорными. На его взгляд, ему удалось доказать, что движение либо невозможно, либо требует бесконечного количества времени.

Согласно одному из парадоксов Зенона, бегун никогда не сможет обежать по стадиону полный круг — сначала он должен пробежать половину расстояния, потом половину оставшейся половины, потом снова половину оставшейся половины и так далее. То есть, чтобы замкнуть окружность, необходимо пройти 1/2 ее длины, затем 1/4, затем 1/8, 1/16, 1/32, 1/64 и так далее. Оставшееся расстояние все больше стремится к нулю, но никогда не достигает его; последовательность бесконечна. Согласно этой логике, незадачливый атлет вообще не тронется с места — ибо, чтобы переместиться с линии старта в какую-то точку, ему придется сначала достичь точки, находящейся на полпути к ней, а для этого сначала нужно достичь точки, находящейся в четверти пути, в одной восьмой, в одной шестнадцатой и так далее. Таким образом, наш бегун логически обречен оставаться на старте.

Самый знаменитый парадокс Зенона — «Ахиллес и черепаха» — тоже связан с бегом. По Зенону, быстроногий Ахиллес никогда не догонит черепаху (которой, в силу ее медлительности, при старте дана была фора): пока он добежит до места, с которого рептилия начала движение, она тоже проползет немного вперед, и Ахиллесу придется теперь преодолевать это дополнительное расстояние; но пока он сделает это, черепаха вновь уйдет вперед — и так далее.

Многие парадоксы Зенона обсуждаются и в наши дни. Такой живучести способствовал интерес к ним Аристотеля, который ввел понятия «актуальной» и «потенциальной» бесконечности и доказывал, что смысл имеет только потенциальная бесконечность. Например,

длину беговой дорожки стадиона можно делить на бесконечное множество частей — в том смысле, что, на сколько бы частей она ни была поделена, теоретически всегда можно делить еще и еще, но не в том смысле, что ее действительно, в реальности, можно разделить на бесконечное множество частей; то есть бесконечность этих частей «потенциальна», но не «актуальна».

На протяжении более чем двух тысячелетий это была ортодоксальная дихотомия, в рамках которой помещалась концепция бесконечности. Только с появлением во второй половине XIX века работ немецкого математика Георга Кантора математики нашли способ «приручить» бесконечность, выразить ее в более или менее понятных терминах.

Кантор, обращаясь все к той же аристотелевой дихотомии, доказывал, что существует актуальная бесконечность, а не только потенциальная. По Кантору, два бесконечных множества равны между собой, если их элементы образуют пары с отношением один к одному. Так, например, бесконечное множество 1, 2, 3, 4, 5, ... равно по величине бесконечному множеству 1, 5, 10, 15, 20, ..., потому что элемент 1 образует пару с элементом 1, элемент 2 — с элементом 5, элемент 3 — с элементом 10 и так далее. Подобное соотношение один к одному позволяет справиться с некоторыми трудностями и загадками бесконечности. В частности, Кантор считал, что ему удалось показать возможность строгого математического подхода к актуальной бесконечности.

Оказалось, однако, что и этот подход порождает парадоксы. Один из них выявил Бертран Рассел, приводивший в качестве примера роман Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». В романе Шенди описывает первые два дня своей жизни, на что у него уходит два года. Он беспокоится, что с такими темпами никогда не закончит автобиографию. Рассел ут-

верждал, что если применить здесь подход Кантора, то, как ни странно, получится, что если Тристрам Шенди будет жить вечно, то в летописи его жизни не будет упущен ни один день. Если, начиная со дня, когда ему исполнилось двадцать, Шенди в течение двух лет трудился над описанием первых двух дней своей жизни, то, когда ему исполнится двадцать два, он приступит к описанию следующих двух дней, когда исполнится двадцать четыре — следующих двух дней и так далее. Разумеется, отставание по времени будет все больше и больше; но отношение один к одному сохранится: каждому дню его жизни будет соответствовать один период автобиографической деятельности:

20—21 год	дни 1—2
22—23 года	дни 3—4
24—25 лет	дни 5—6

Получается, что бессмертный Тристрам Шенди способен описать все до единого дни своей жизни.

В 1946 году вопрос о том, существует ли наряду с «потенциальной» бесконечностью «актуальная», был вполне животрепещущим — и известно, что в аудитории Н3 он тоже прозвучал.

20

Владельцы трущоб и предмет отвращения

> Помню, после одного особенно нелепого доклада в Клубе моральных наук Витгенштейн воскликнул: «С этим необходимо покончить! Плохие философы подобны владельцам трущоб, сдающим внаем грязные углы. Я обязан покончить с этим бизнесом».
>
> *Морис О'Коннор Друри*

В *Unended Quest* Поппер объясняет свое отношение к кембриджской встрече: «Не скрываю, что отправился в Кембридж в надежде спровоцировать Витгенштейна на заявление, что настоящих философских проблем не существует и сразиться с ним». Этот тезис — настоящих проблем нет, а есть лишь языковые головоломки — был для Поппера из числа тех, которые вызывали у него отвращение.

Конечно, нам не дано узнать всех подробностей философского спора, разгоревшегося в аудитории Н3. Но подсказок у нас множество: протокол собрания, рассказ Поппера, свидетельства очевидцев и почтительное письмо, которое Поппер написал Расселу через день после возвращения в Лондон.

Поппер заявил, что в философии существуют подлинные проблемы, а не просто какие-то головоломки. Витгенштейн перебил его и «долго говорил о головоломках и о том, что проблем не существует». Поппер, по его собственным словам, вклинился в этот монолог и выдал заранее заготовленный список философских проблем: бесконечность — потенциальная или актуальная, индукция, причинность. Проблему бесконечности

Витгенштейн отверг на том основании, что это сугубо математический вопрос, вне зависимости от того, удовлетворил или не удовлетворил математиков метод Кантора. Индукцию «Витгенштейн отверг, поскольку эта проблема является скорее логической, а не философской».

На каком-то этапе в спор вмешался Рассел, принявший сторону Поппера. Он процитировал английского эмпирика Джона Локка — возможно, в связи с рассуждениями последнего об идентификации личности и о том, что позволяет человеку, его «я» быть тем же, что и тридцать лет спустя. (Ответ Локка на эти вопросы заключался в непрерывности ума и памяти.) Возможно, Рассел упомянул Локка, потому что тот разделял первичные и вторичные качества — например, форму и цвет. (Локк утверждал, что первичные качества существуют в самих вещах, в то время как вторичные зависят от наблюдателя. Квадрат остается квадратом и тогда, когда не является объектом наблюдения; но красный квадрат только потому является красным, что таковым его видит наблюдатель благодаря своему перцептивному аппарату. Вторичные качества, в отличие от первичных, не могут быть поняты без апелляции к сознанию.) Однако, вероятнее всего, цитата из Локка была связана с его утверждением, что врожденного знания не бывает — всякое знание основано на опыте, только опыт придает форму идеям, и только к идеям (или, в терминологии Рассела, чувственным данным) у нас имеется прямой доступ. А если это так, то существует проблема: как мы можем что-то знать наверняка о том, что лежит за пределами нашего ума, — то есть о других умах и о вещах.

Так или иначе, Поппер был благодарен Расселу за вмешательство, о чем и написал ему. Далее в письме он подробно изложил суть своего доклада — и это позволяет предположить, что ему не удалось то, чего он все-

гда требовал от других: с одного раза ясно и убедительно изложить свои аргументы.

Сущность попперовской критики состояла в следующем: если Витгенштейн хочет исключить из рассмотрения вопросы вида «Может ли что-то одновременно быть полностью красным и полностью зеленым?», то он должен объяснить, на каком основании. Чтобы отделить приемлемые предложения от неприемлемых, необходима некая теория смысла. И это уже не головоломка, а проблема.

Утверждение Витгенштейна о том, что существуют только головоломки, само есть философское утверждение, считал Поппер. Возможно, Витгенштейн прав, но тогда он должен не просто утверждать, но и доказывать. А в попытке доказать он неизбежно столкнется с реальной проблемой — проблемой объяснения точного разграничения между смыслом и бессмыслицей. Таким образом, даже если философия в целом занимается не проблемами, а головоломками, то как минимум одна проблема все равно существует.

Витгенштейн предвидел это возражение, но его ответ был — хранить молчание. Как в «Трактате» невозможно было изобразить картину отношений между языком и миром, так и попытка провести границу между смыслом и бессмыслицей была бы нарушением этой самой границы. «О чем невозможно говорить, о том следует молчать».

21

И снова кочерга

Давайте перестанем нести трансцендентальную чепуху, когда все просто, как удар в челюсть.

Витгенштейн

Если взять спор о сути философии, за будущее которой оба героя этой книги ощущали личную ответственность; взять культурные, социальные и политические различия между ними; взять тот факт, что один из них был одержим другим, а другой полностью погружен в себя; взять их беспощадную манеру общения по принципу «на войне все средства хороши»; взять их сложные отношения с Расселом, бывшим для обоих в некотором смысле отцом, — если взять все это и бросить в котел, каким была тогда аудитория Н3, то взрыв представляется неизбежным. Кочерга — это всего-навсего детонатор. Это как раз понятно. Не говоря уж о том, что оба протагониста — люди необыкновенные: один был чересчур человек, в другом,напротив, было слишком много нечеловеческого...

Один вопрос остается неразрешенным: правду ли рассказал Поппер о встрече с Витгенштейном — или солгал?

Воссоздавая подробности того вечера, мы кое в чем можем быть вполне уверены: например, в том, что являл собой Кембридж, по улицам которого шли на встречу наши герои.

Тот осенний вечер выдался особенно зябким и сырым — вот за такой пронизывающий холод почтенные

обитатели Кембриджа, страдавшие от болей в суставах, и прозвали его «Болотным университетом». Мерзли, впрочем, все, даже румяные спортсмены: ведь Англия, несмотря на победу в войне, все еще жила по-военному впроголодь.

Улицы, лекционные залы, учебные аудитории были полны недавно демобилизовавшимися. Двадцатитрехлетний капитан запаса, который совсем недавно высаживался в Нормандии или, обливаясь потом, продирался сквозь бирманские джунгли; бывший воздушный стрелок, бледный и изможденный, еще не оправившийся после лагеря для военнопленных; лейтенант военно-морского флота, четыре года ходивший на эсминце, конвоируя продовольствие и топливо; «бевиновский мальчик»[1], не забывший жару, грязь и пыль угольной шахты, — все они теперь превратились в серьезных, вдумчивых студентов, озабоченных тем, чтобы за два года получить «военный диплом» и заниматься делом. Среди них резко выделялись те, кто пришел в Кембридж прямо со школьной скамьи, пропустив грандиозное представление, и не знавшие, то ли радоваться этому, то ли сокрушаться. Подойдя к компании, беседующей, скажем, о «Найтсбриджской заварушке», они не сразу догадывались, что речь идет не о фешенебельном лондонском районе, а об эпизоде войны в пустыне.

Особой жизнерадостности в студентах не наблюдалось. Жилось им скудно – хуже, ворчали многие, чем во время войны. Не хватало самого необходимого, даже хлеба (его теперь выдавали по карточкам, чего в войну не делали, опасаясь бунтов) и топлива. В Тринити, благодаря его огромным угодьям, регулярно подавали рагу из зайца и оленину. В других колледжах дела обстояли хуже: основным блюдом за студенческим столом было

[1] Эрнест Бевин — в 1940—1945 годах министр труда и национальной повинности Великобритании. — *Примеч. пер.*

«бедняцкое рагу» из одних костей, а преподаватели пробавлялись пирогом с голубятиной. Постоянно голодные студенты вставали на рассвете и выстраивались в очередь за булочками, которые привозили из Лондона и продавали на рыночной площади; при этом фронтовики с неожиданной для себя нежностью вспоминали полевые кухни и войсковые лавки. В магазине диетических продуктов на Роуз-Креснт то и дело заканчивались ореховые котлеты. После банкетов в колледжах отобедавшие, едва встав из-за стола, устремлялись на поиски съестного. Летопись Кингз-колледжа сохранила отчет об одном праздничном обеде 1947 года: «Сочетание пищи в ограниченных количествах и алжирского вина в количествах неограниченных повлекло за собой некоторые разрушения».

25 октября 1946 года тем, кого мало интересовали сложные и запутанные философские проблемы (или головоломки), предлагалось и другое развлечение. Студенты, имевшие склонность к политике, могли посетить университетский Клуб лейбористов и послушать, как Джеймс Гриффитс — дитя уэльских долин и бывший шахтер, а ныне министр национальной безопасности — громогласно вещает о достижениях нового лейбористского правительства. После этого у них еще оставалось время выпить по полпинты слабого пива и вернуться в колледж до одиннадцати, когда закрывались ворота, — впрочем, перелезть через них тоже не составляло труда.

В программе легкой музыки радио *BBC* шла передача «Клуб танцев» Виктора Сильвестра[1] — его оркестр бальной музыки играл *strict tempo*. По более серьезной программе внутреннего вещания шли дебаты о национализации электроэнергетики — в рамках правительственного проекта перехода к плановой экономике, в

[1] Виктор Сильвестр — один из первых чемпионов мира по бальным танцам, знаменитый учитель танцев. — *Примеч. пер.*

ходе которого предполагалось перевести в государственную собственность важнейшие отрасли промышленности и сферы услуг — в том числе железные дороги, шахты, авиаперевозки. Слушатели вновь созданной третьей программы, посвященной высокой культуре, после передачи из Парижа о современной французской прозе могли насладиться отрывками из «Кентерберийских рассказов» Чосера. Для знатоков и любителей классической музыки, готовых предпринять поездку в Лондон, в «Альберт-холле» в тот вечер, к единодушному одобрению музыкальных критиков, звучала Сороковая симфония Моцарта; дирижировал Бруно Вальтер — дальний родственник Поппера, некогда бывший одним из благодарных гостей Пале Витгенштейн.

Газеты — все еще такие же тонкие, как в годы войны, — наперебой обсуждали, каким образом Герингу, которого международный трибунал приговорил к смертной казни как одного из главных военных преступников, удалось избежать повешения и проглотить яд — ведь его камеру в Нюрнберге постоянно и тщательно обыскивали! В Германии появились первые признаки разделения на Западное и Восточное государства. Американцы рвались восстанавливать немецкую экономику, и это вызывало трения в Берлине. В ООН, чья штаб-квартира располагалась тогда в Нью-Йорке, на Флашинг-Мэдоу в Квинсе, шли дебаты о ядерной энергии. Всеобщие любимцы, чемпионы по крикету Хаттон и Уошбрук порадовали измученных войной соотечественников очередным рекордом в матче с Южной Австралией... Они, конечно, были уже не те, что раньше, но Англия вполне еще могла ими гордиться. Раздел частных объявлений в *The Times* красноречиво свидетельствовал, что людям живется нелегко. Продается: меховая шуба до полу, две офицерские формы, «роллс-ройс» 1933 года,

золотые часы. Впрочем, кое-что в доброй старой Англии оставалось неизменным: одно из объявлений гласило, что викарий (обремененный, видимо, то ли большим семейством, то ли напряженной общественной жизнью) ищет приход в сельской местности с просторным домом; рекомендации епископа будут представлены по первому требованию.

Итак, 25 октября 1946 года жизнь в Кембридже шла своим чередом. А внимание Клуба моральных наук было приковано к двум эмигрантам из Вены, чьи пути легко могли пересечься десять или двадцать лет назад в пределах Рингштрассе, — однако судьбе было угодно свести их лицом к лицу только сейчас и здесь, в почтенном и престижном академическом заведении Англии.

Пытаясь по крупицам восстановить события того вечера, мы должны помнить, что и Поппер и Витгенштейн пришли на эту встречу в разном расположении духа и с совершенно разными целями. Поппер шел сражаться и побеждать; Витгенштейна же влекло чувство долга: он был обязан защитить Клуб моральных наук и философию в целом от эпидемии проблем.

Десять лет назад Поппер уже выступал в Клубе; правда, Витгенштейн тогда не пришел из-за простуды. Но теперь было совсем другое дело. Тогда, в 1936 году, Поппер был «перекати-полем» — жена в Австрии зарабатывала им обоим на жизнь преподаванием в школе, а он искал постоянную должность в университете — в Вене это было невозможно из-за еврейского происхождения. Ему не хватало денег, он ютился в трущобах, был чрезвычайно щепетилен и чувствителен к собственным неудачам. Теперь, десять лет спустя, он уже не страшился завтрашнего дня: у него была хорошая, надежная работа, уверенная и независимая философская позиция и, наконец, признание именно там, где нужно, то есть в Англии. «Открытое общество» в ноябре 1945 года нако-

нец-то было издано в Лондоне, и когда Поппер вернулся из Новой Зеландии, Англия встретила его с восторгом и уважением. В его сорок три года, это было как нельзя кстати: Поппер боялся, что никакой английский университет не захочет взять на постоянную работу лектора старше сорока пяти.

В рецензии на «Открытое общество» в *Sunday Times* сэр Эрнест Баркер, политолог и специалист по античности, восхищался «изобилием сокровищ — классическая ученость, научная глубина, логическая тонкость, философский размах». Историк Хью Тревор-Роупер писал о ней как о «великолепном и чрезвычайно своевременном достижении... важнейшей работе по современной социологии... [Поппер] восстановил в правах свободный выбор и волю человека».

Но не все критики проявляли такой энтузиазм. Анонимный обозреватель *Times Literary Supplement* (это был Гарольд Стэннард из *The Times*), озаглавивший рецензию «Платону предъявлено обвинение», писал: «Книга доктора Поппера — продукт своего времени; как и нынешняя пора, она серьезна, требовательна и полна надежд. Ее достоинства и недостатки, искренность и догматизм, взыскательная критика и интеллектуальное высокомерие — все это типично или, как минимум, симптоматично для нашей эпохи». В апреле 1947 года, полгода спустя после встречи в Н3, Гилберт Райл в своем обзоре книги для журнала *Mind* занял ту же позицию. С одной стороны, он высоко оценил эту «впечатляющую и важную книгу, критикующую догмы, которые лежат в основе наиболее влиятельных политических теорий и, как следствие, оказывают существенное воздействие на реальное состояние дел человечества». Но с другой стороны, у Райла вызвал большие сомнения тон автора книги: он опасался, что из-за своей «несдержанной и местами ядовитой критики» Поппер рискует оттолкнуть от

себя читателя и что «резкость его комментариев отвлекает от их глубокого смысла... Защитнику свободомыслия не пристало употреблять бранные выражения, свойственные его врагам». Хотя Витгенштейн клялся, что не читает *Mind*, об этой рецензии он знал, и она внушала ему отвращение — почти наверняка из-за прозрачного намека Райла: «Не пропустите примечания, содержащие интересные и важные взгляды на эзотеризмы Витгенштейна». («Эзотерический» — это был термин, который Поппер употребил в одном из пространных примечаний к «Открытому обществу», ожесточенно критикуя Витгенштейна.)

«Несдержанный», «ядовитый», «резкий» — годятся ли эти эпитеты для описания тона, каким изъяснялся Поппер в аудитории Н3? Конечно, он шел спасать философию от губительного влияния Витгенштейна; но, возможно, ему хотелось еще и поквитаться за то, что *Cambridge University Press* — первое британское издательство, в которое он обратился, — отвергло «Открытое общество», защищая Витгенштейна. И хотя обычно *Cambridge University Press* не объяснял причин отказа, фон Хайеку конфиденциально сообщили, что на сей раз таковых было две. Фон Хайек передал Гомбриху, а тот — Попперу, в Новую Зеландию, что, во-первых, книга чересчур длинна, а во-вторых, академическое издательство не должно публиковать работу, столь непочтительную по отношению к Платону. Услышав это, Поппер не замедлил ответить: «Подозреваю, что Платон — это лишь эвфемизм для трех "W": Уайтхед (Whitehead), Витгенштейн (Wittgenstein), Уиздом (Wisdom)».

В тот вечер Поппер не упускал из виду еще одну кембриджскую фигуру — Рассела. Претендуя на роль интеллектуального наследника Рассела, Поппер исподволь стремился произвести на него впечатление, что для конфликта в Н3 создавало еще одну, побочную сюжетную линию.

Для Витгенштейна же это было просто очередное собрание Клуба моральных наук, каких за последние тридцать пять лет состоялось великое множество. Однако шел он на него в дурном расположении духа, преисполненный ненависти к Кембриджу, и потому конфликт, скорее всего, был неизбежен. Месяцем раньше Витгенштейн записал в дневнике: «Все здесь мне отвратительно. Эта чопорность, эта неестественность, это самодовольство. Меня тошнит от университетской атмосферы». Он постоянно думал о том, чтобы оставить должность.

К тому же он ощущал себя ужасно измотанным. В том семестре он много времени проводил со студентами: занятия два раза в неделю по два часа, домашние семинары раз в неделю по два часа, день с Норманом Малкольмом, день с Элизабет Энском и Васфи Хайджабом. Будучи сам глубоко убежденным в действенности витаминов и убеждавший в этом других, Витгенштейн недавно открыл для себя витамин В и с его помощью боролся с усталостью и перепадами настроения. Но, с витаминами или без них, преподавание всегда изнуряло его, доводя до предела нервную усталость.

Думал ли он о своем будущем оппоненте? По-видимому, нет. До этого дня Витгенштейн ведать не ведал о земляке и коллеге, горевшем желанием вступить с ним в схватку. Парой недель раньше, когда Питер Мунц упомянул, что в Новой Зеландии он учился у доктора Поппера, Витгенштейн ответил: «Поппер? Никогда о таком не слышал». Учитывая, что Поппер столько лет оставался в тени, а Витгенштейн не интересовался современными философами, — более чем вероятно, что так оно и было.

Да и вообще, судя по записям, Витгенштейну в те дни не давали покоя совсем другие заботы — философские (например, сложная грамматика слов, обозначающих цвета) и личные. В числе последних были отношения с Беном Ричардсом, студентом-медиком, которым он тог-

да был одержим. Когда год спустя Витгенштейн оставил должность в Кембридже и уехал в Ирландию, Ричардс навещал его там. Витгенштейн убеждал его читать американские детективы... В день встречи с Поппером Витгенштейн, пользуясь шифром — A = Z, B = Y, C = X и так далее, — который выучил еще в детстве и писал с его помощью так же быстро, как и на нормальном немецком, записал: «Б помешан на мне. Это не может длиться долго... кончится ли это... я не знаю, как не знаю и того, смогу ли вынести эту боль. Демоны сплели эти узы и крепко держат в руках. Они могут разорвать их, а могут и нет».

Вероятно ли, чтобы Ричардс был «помешан» на нем? Это кажется неправдоподобным. Витгенштейн был склонен представлять себе отношения с людьми более значимыми, чем они были на самом деле. Кроме этих записей, нет никаких свидетельств гомосексуальности Ричардса (который впоследствии женился). Но 26 октября, на следующий день после встречи в Клубе, Витгенштейн продолжает записи в том же ключе, размышляя о ценности любви:

> «...любовь — ТА [*sic*] драгоценная жемчужина, которую держишь у сердца и никогда ни на что не променяешь, которую считаешь самой большой ценностью. Когда обладаешь ею (любовью), она показывает, что такое великая ценность [*sic*]. Начинаешь понимать, что это такое. Узнаешь, как добывают драгоценные камни».

Вот в таком умонастроении он отправился в аудиторию H3. Зная об этом, давайте, прежде чем обратиться к свидетельствам, попробуем воссоздать ход событий.

Наконец-то один! Людвиг Витгенштейн доел сэндвич с помидором, купленный днем в «Вулвортсе» (не столько затем, чтобы утолить голод, сколько в память о Фрэнси-

се, у которого они были любимым лакомством), и вышел за дверь. Тесная лестничная площадка и крутая деревянная лестница на миг напомнили ему квартирку для горничных в доме на Аллеегассе — вот только складные стулья не были бы свалены там в таком беспорядке, старшая прислуга этого не допустила бы. Он принялся разбирать завалы — шезлонги к шезлонгам, садовые стулья к садовым, аккуратно поднимая один стул на другой и выстраивая их в ровные симметричные ряды. Воспоминание — о чем? О вкусе хлеба с помидором или о Фрэнсисе? Почему одно неизбежно влечет за собой другое? Или воспоминания громоздятся одно на другое, как стулья? Еще этот Клуб моральных наук...

Невыносимо... Невыносимо... Можно ли мыслить ясно, когда Бен не выходит из головы? Бен... Откуда эта надежда, что Бен чувствует то же, что и он? Нужно дать ему последний детектив про Макса Лейтина... Собрание... через полтора часа ему предстоит вести собрание... Людвиг вышел на Тринити-стрит и повернул налево.

Студент, спешащий в Киз, задержался у входа. Что привлекло его взгляд? Явно военная походка? Коротко стриженные седеющие волосы? Аккуратность? Острый птичий взгляд? Старший офицер? Идет в гости — или возвращается домой?.. Бесспорно, что-то нервное, напряженное в облике прохожего...

Угли в камине, единственном источнике тепла в Н3, едва тлели. Брейтуэйт взял кочергу и поворошил золу в надежде, что огонь разгорится ярче; но единственной наградой его усилиям стал жалкий дымок, растаявший прямо на глазах. Затемнение еще не сняли, и изодранные, покрытые сажей шторы усугубляли и без того неприглядно-унылый вид помещения. Брейтуэйт обратился к гостю, но вопрос, как и дым, повис в воздухе и растаял: Поппер, погруженный в свои записи, что-то бормотал себе под нос по-немецки.

Людей в комнате было явно больше, чем стульев, но убогость окружения никого не волновала. В воздухе сгущалось напряженное ожидание. Недавно изданная книга доктора Поппера наделала много шуму. Одна преподавательница женского Гертон-колледжа даже запретила студенткам читать ее из-за «возмутительных нападок на Платона». Коммунисты и левые лейбористы тоже восприняли книгу в штыки, но по другой причине — по причине нападок на марксизм и плановую экономику. К тому же приглашенный лектор был родом из Вены, как и председатель Клуба профессор Витгенштейн, однако говорили, что он — ярый противник лингвистической философии. Брейтуэйт, знакомый с Поппером, предрекал, что без скандала не обойдется. Слух об этом немедленно разнесся по Кембриджу: наконец-то нашелся кто-то, кто готов сразиться с Витгенштейном и не боится, что эта безжалостная сила сотрет его в порошок. Ведь этот Поппер — единственный венский философ, не поддавшийся чарам Витгенштейна, — одним махом, одной своей сокрушительной идеей уничтожил Венский кружок! Причем лет ему тогда было едва за тридцать. По правде говоря, тем, кто столпился в Н3, перспектива скандала даже грела душу — уж очень им наскучило клубное меню, состоявшее из навязчивых монологов одного и того же человека. И в этом смысле первые же слова гостя прозвучали многообещающе.

Поппер был в нетерпении. Энергия кипела, сердце едва не выскакивало от избытка адреналина. Он оттянул вниз мочки ушей — то ли вслушиваясь в гул голосов, то ли желая успокоиться. Вот он, великий миг; вот человек, которому предстоит грандиозное свершение; и человек этот — он, Карл Поппер. Он добился признания в величайшей стране мира: «Открытое общество» раз и навсегда преобразило философию политики, как в свое время «*Logik der Forschung*» раз и

навсегда прояснила суть научного метода. Рекой текли просьбы выступить с докладом или лекцией. Лондонская школа экономики — это только начало. А сегодня ему предстоит очередной, третий триумф! Он разделается с той вздорной идеей, что философия — это всего лишь игры со словами. Этот *Scharfmacher* слишком много возомнил о себе; ну ничего, сейчас он ему покажет. И Рассел — да, сам Рассел на его стороне, Рассел подбодрил его; и не где-нибудь, а в комнате, в которой когда-то жил сэр Исаак Ньютон! Рассел рассеял его последние сомнения: теперь он точно знает, что выбрал верную тактику битвы, победа в которой так нужна им обоим. Что могло быть уместнее для человека, сформулировавшего принцип фальсифицируемости, чем оказаться в такой день в комнате ученого, чьи законы, казавшиеся непогрешимыми, как Писание, были теперь опровергнуты? Да еще в компании величайшего мыслителя со времен Канта! Сегодня — его день. Сегодня он победит. И Витгенштейн признает себя побежденным.

Можно ли мечтать о большей победе? Витгенштейн разоблачен. Небожитель повергнут на грешную землю. Источник вдохновения Венского кружка, всегда подчеркнуто державшийся в стороне; одинокий гений, слонявшийся по залам Пале Витгенштейн... В венских кофейнях была дежурная шутка — никакого Витгенштейна не существует, это плод воображения несчастных Шлика и Вайсмана, их мечта, их золотая гора. Сегодня мир узнает, что Витгенштейн существует, и это всего лишь простой смертный.

Поппер оглядел аудиторию. Юинг уставился на свои башмаки. Уиздом изучал какой-то листок, не иначе бюллетень скачек. Брейтуэйт ободряюще улыбнулся. Его жена сняла ногу с ноги. Какой-то студент, по виду иностранец, нервно заерзал на стуле.

Едва гость произнес первые слова, как стало ясно, что о вежливости сегодня и речи быть не может. Один студент, бывший морской офицер, припомнил слова адмирала Фишера: «Бей первым, бей что есть силы и не давай опомниться!», когда Поппер, сразу взяв быка за рога, объявил протест против формулировки приглашения: «короткий доклад или несколько вступительных замечаний с изложением какой-либо философской головоломки». Тот, кто писал эти слова, проявил — вероятно, неумышленно (это было произнесено с едва заметной ухмылкой) — определенную предвзятость.

Гостю казалось, что он говорит легко и беспечно. Но один человек услышал в его словах вызов — и принял его, и поднял перчатку.

Невыносимо. Невыносимо. Он, Витгенштейн, этого не допустит. С самого начала услышать такую чушь от этого выскочки, этого *Emporkömmling*? Секретарь, писавший приглашение, вообще ни при чем. Формулировка принадлежит ему, Витгенштейну. Он сам это придумал, чтобы не слушать пустой болтовни, а сразу переходить к делу! И Витгенштейн без колебаний вступился за секретаря — своего ученика. Громко. Вызывающе. И, почувствовал Поппер, сердито. Ну что же. Вечер начался так, как он и должен был начаться.

Секретарь собрания, Васфи Хайджаб, благодарный за этот яростный выпад в его защиту, писал с бешеной скоростью, стараясь не упустить ни слова из этого обмена репликами, напоминавшего перестрелку. Голоса набегали один на другой, как морские валы:

> *Поп-р*: Витгенштейн и его школа так и не рискнули продвинуться дальше элементарных вещей, которым они присвоили титул философии, к более важным философским проблемам... несколько примеров трудно-

стей, разрешение которых требует погрузиться гораздо глубже поверхности языка.

Витген-н: эти проблемы не выходят за пределы чистой матем-ки и социологии.

Аудит-я: не убеждена примерами Поппера. Атм-ра напряженная. Необычайный полемический накал. Повышенные тона.

(Пожалуй, мелькнуло в голове у Хайджаба, переписывать протокол начисто будет веселее, чем обычно. Завтра он этим займется.)

Пока же, словно следуя за мыслью, рука Витгенштейна нырнула в камин и ухватила кочергу. Кочерга была в том же положении, в каком оставил ее Брейтуэйт, конец ее был усеян золой и угольной крошкой. Брейтуэйт не без волнения следил, как Витгенштейн начал судорожно размахивать ею, акцентируя свои слова. Он и раньше видел, как Витгенштейн это делает, но сегодня тот был особенно возбужден, ему явно было не по себе, даже физически — наверное, просто не привык, чтобы гости Клуба ему возражали. Обычно на этом этапе собрания речь Витгенштейна уже текла сплошным потоком, и люди потом за глаза жаловались, что никому не удается и слова вставить. Брейтуэйт внезапно ощутил тревогу: не отобрать ли у него кочергу? Кажется, ситуация выходит из-под контроля...

Кто-то — уж не Рассел ли? — произнес: «Витгенштейн, положите кочергу».

Невыносимо, невыносимо! Так же мучительно, как пластинка, что крутится не с той скоростью. Что за мышление — рыхлое, вязкое! Мало того что этот осел, этот академик с Рингштрассе, разжевывает свою теорию, пытаясь сказать то, о чем говорить невозможно,

убеждая себя в существовании каких-то скрытых глубин — словно стоит на открытом карьере и требует копать подземную шахту... Мало всего этого — он еще и не желает расчистить свой ум, выбросить оттуда весь этот вздор и послушать, что говорит он — он, Витгенштейн... Нет, это необходимо прекратить, нужно немедленно удалить эту злокачественную опухоль.

В глубине сознания у Поппера мелькнуло, что он, кажется, зашел слишком далеко. Завтра он пожалеет об этом, раскается, что не сумел взять себя в руки — как на том злополучном собрании кружка Гомперца в Вене. Потом он терзался совестью, но так и не смог признаться в этом бедняге Шлику. Да, этот Витгенштейн вполне реален. Но кто назвал его «мистиком»? Догматизм иезуита! И в придачу неистовствует, как нацист. Маньяк, ведущий философию в тупик. Нет, он у меня признает, что не прав по всем статьям! Осталось совсем чуть-чуть поднажать, выбить еще один кирпич из этой башни, возведенной на пустой болтовне. Ну вот, теперь этот безумец еще и кочергу схватил. Что ни слог — взмах кочерги: «Поппер, вы НЕ ПРАВЫ». Выпад кочергой, еще один... «НЕ ПРАВЫ!»

Угли давно никто не ворошил, и огонь в камине почти погас. Но это уже никого не волновало: участникам собрания казалось, что они угодили в парник, где их опутали по рукам и ногам ползучие лианы. Полный хаос: гневные голоса спорщиков, шумные восклицания учеников Витгенштейна, небывалая толпа и теснота — те, кто «подпирал стены», теперь подались вперед, боясь упустить развязку. Какой-то студент, любитель литературы, в который раз задумавшись, не перейти ли ему на кафедру английского, искал прибежище в строках Мэтью Арнольда:

И мы бредем по сумрачному полю,

Где в грохоте сражений и веков
До ночи бьются армии глупцов[1].

Последнюю строку он припомнил как нельзя вовремя, ибо Витгенштейн с грохотом отбрасывает кочергу и вскакивает на ноги. Рассел тоже встает. Во внезапно наступившей тишине отчетливо раздается обращенный к нему голос Витгенштейна:

— Вы не понимаете меня, Рассел. Вы всегда меня неправильно понимаете. — В слове «Рассел» явственно слышится рычание — «Рррассел».

Голос Рассела, обычно такой спокойный, звучит на полтона выше:

— Нет, Витгенштейн, это вы все путаете. Вы всегда все путаете.

И дверь за Витгенштейном с грохотом захлопывается.

Поппер, не веря собственным глазам, смотрит на пустой стул, где только что сидел Витгенштейн. Рассел говорит что-то о Джоне Локке. Так что же — он победил? Он изгнал Витгенштейна? Разгромил его, как ранее — Венский кружок? Витгенштейн бежал, не найдясь что ответить? Но где же признание, что он был не прав? Где извинения?..

Кажется, к нему кто-то обращается. А-а, это Брейтуэйт. Просит привести пример морального принципа. Почему-то на ум приходит кочерга. «Не угрожать приглашенным докладчикам кочергой», — говорит он. Пауза и смешки — как тогда, до войны, когда эти глупцы думали, что он шутит. Ну, он им тогда показал...

Снова вопросы — но на сей раз типично английские, осторожные и сдержанные. Он отвечает на них почти рассеянно. Победил ли он?.. Кто-то — явно сторонник

[1] Мэтью Арнольд. Берег Дувра. (Пер. А. Голова). — *Примеч. пер.*

Витгенштейна — пытается заманить его своим вопросом в ловушку: можно ли считать наукой опыты сэра Генри Кавендиша, если мы знаем, что они проводились в тайне? «Нет», — парирует Поппер и возвращается к своим мыслям, вновь и вновь наслаждаясь победой. Ведь это победа? Ведь он победил? Рассел наверняка подтвердит, что это так...

Шагая пустынной улицей под огромным силуэтом часовни, Витгенштейн большими глотками хватал холодный воздух. Он вновь думал о загадке, всплывшей на дневном семинаре: почему в комиксах шарик с написанными на нем словами означает «говорит», а облачко — «думает»? О чем это нам сообщает? На Кингз-парад в комнате над магазинчиком какой-то студент настроил радио на третью программу, и из окна доносился голос Дилана Томаса — легкий уэльский акцент, округлые гласные, тягуче, нараспев:

> «Августовский праздник. Мотивчик на рожке пломбира. Шлепок прибоя. Щекотка песка. Фанфары ролет на витринах. Балет купальщиков — на цыпочках к обманчивой воде — дрожь и визг. Сборки на платьях. Колыхание клешей. Согласные взмахи весел. Загар девчонок и проказы мальчишек. Тихий шелест воздушных шаров...»

22

Распутывая путаницу

> Как хорошо известно юристам, очевидцы часто ошибаются... Если событие допускает соблазнительную интерпретацию, то увиденное своими глазами сплошь и рядом искажается ей в угоду.
>
> *Поппер*

> «Этот случай был именно таким — мы знали результат и должны были сами найти все, что к нему привело. Я попытаюсь показать вам различные стадии моих рассуждений».
>
> *Шерлок Холмс в «Этюде в багровых тонах» сэра Артура Конан Дойла*

Если удачная шутка оппонента обратила Витгенштейна в бегство — что ж, тогда Поппер действительно герой. Надо сказать, в интеллектуальных дуэлях он крайне редко допускал переход на личности, но на сей раз сделал это. Он прицелился, выстрелил — и поразил цель. Раненый соперник покинул поле битвы, уступив его Попперу и его секунданту, Расселу.

Однако, взвесив все «за» и «против», мы убедимся: крайне маловероятно, чтобы с просьбой привести пример морального принципа к Попперу обратился сам Витгенштейн. Питер Гич и покойный Казимир Леви — специалист по философской логике, уроженец Польши — обвинили Поппера во лжи, и похоже, что на их стороне истина, сколь бы резко она ни прозвучала. Даже те, кто, подобно сэру Джону Вайнлотту, вначале утверждал, что вопрос был задан Витгенштейном, впоследствии признались, что не помнят наверняка и уже сомневаются.

Такое эффектное событие — председатель Клуба задает вопрос, ответная колкость оппонента приводит его в замешательство, он в ярости отшвыривает кочергу и выбегает из комнаты, громыхнув дверью, — не могло не отразиться в протоколах собрания. Если внимательно читать *Unended Quest*, тоже возникают сомнения в достоверности рассказа Поппера. Поппер сообщает, что он изложил заранее заготовленный им список проблем, а Витгенштейн все их отмел, продолжая гнуть свою линию: никаких проблем нет, есть только головоломки. Но ни разу Поппер не упоминает о том, чтобы Витгенштейн задал ему какой-то вопрос. И вдруг, ни с того ни с сего, тот требует привести ему пример морального принципа! Это явно инородное тело, которое не укладывается в общий ход дискуссии.

Да, Витгенштейн, как было ему свойственно, наверняка перебивал докладчика и нападал на приводившиеся Поппером примеры философских проблем — проблему индукции, вопрос о возможности чувственного познания, существование или несуществование потенциальной и даже актуальной бесконечности. Но изложение «принципа кочерги» гораздо лучше укладывается в тот допрос с пристрастием, который учинили Попперу ученики Витгенштейна, после того как их учитель ретировался с поля боя. Например, Питер Гич попытался заманить его в ловушку, спросив, могут ли по праву считаться научными эксперименты сэра Генри Кавендиша. Кавендиш, прославившийся как первооткрыватель водорода и других газов, был замкнут и скрытен настолько, что даже соорудил в своем доме специальную лестницу для слуг, чтобы не сталкиваться с ними, и, судя по некоторым свидетельствам, произнес за свою жизнь меньше слов, чем монах-траппист. Поппер же настаивал на том, что подлинно научной теорию можно считать только в том случае, если она фальсифицируема и открыта кри-

тической проверке. Поэтому на вопрос Гича он и ответил просто: «Нет».

Обмен репликами с Расселом — вот это и впрямь могло послужить катализатором демонстративного ухода Витгенштейна в тот вечер. Если кто-то и мог по-настоящему глубоко задеть его, то именно Рассел. Витгенштейн всегда оставался Витгенштейном: не могло быть и речи о том, чтобы его удержали соображения приличий и элементарной вежливости. А тут его еще и лишили возможности произнести свой обычный монолог — и вот тут виной был Поппер.

Что же до внезапности и резкости ухода Витгенштейна — Поппер, разумеется, не знал и знать не мог, что, хотя Витгенштейн и был председателем Клуба моральных наук, это отнюдь не мешало ему покидать заседания раньше других, даже когда он был в более спокойном расположении духа. Выходил он всегда стремительно, по-военному печатая шаг, и, по словам Питера Мунца, ни разу не закрыл за собой дверь тихо. В предыдущем семестре, когда перед Клубом моральных наук выступал А. Дж. Айер, Витгенштейн удалился, не дождавшись конца доклада и не обменявшись с гостем даже парой слов. По свидетельству самого Айера, уход Витгенштейна был «шумным». Так что напряженному и взвинченному Попперу вполне могло показаться, что Витгенштейн вылетел прочь, в бешенстве грохнув дверью.

Однако обвинение против Поппера состояло не в том, что он ошибся и что-то перепутал. Карла Поппера — ведущего философа современности, ниспровергателя Платона и Маркса, любимца президентов, канцлеров и премьер-министров — обвинили в том, что в своей внятной и логически последовательной автобиографии он просто-напросто солгал.

Обвинение во лжи выдвинул Питер Гич, но теперь, по прошествии лет, он склонен трактовать этот эпизод

более мягко и снисходительно. Гич цитирует шекспировского Генриха V, который представляет себе ветерана битвы при Азенкуре:

> Хоть старики забывчивы, но этот
> Не позабудет подвиги свои
> В тот день...

Но это не столь великодушное оправдание, как может показаться на первый взгляд. Заявить, что ты дал отпор противнику прямо в лицо, в то время как на самом деле ты сделал это за его спиной, за глаза, когда он уже покинул поле битвы, — это наводит скорее на мысль о Фальстафе, чем о храбрых воинах Генриха V. Вообще, если как следует прочесть монолог Генриха, становится ясно, что Гич, прибегнув к этой цитате, сам себя и опроверг. Король Генрих имеет в виду, что ветеран Азенкура не забудет столь значимое событие; пусть он даже слегка приукрасит свои подвиги, рассказывая о нем, — главное, что он будет его помнить, даже если позабудет многое другое. Говоря «старики забывчивы», профессор Гич милостиво прощает Поппера, но тем самым допускает несправедливость по отношению к нему. Ведь когда Поппер писал автобиографию, предназначенную в первую очередь для «Библиотеки современных философов» Шилппа, ему не было и семидесяти. Он совсем недавно оставил преподавание в Лондонской школе экономики, чтобы полностью посвятить себя научной деятельности; двум большим и важным его работам еще предстояло выйти в свет; он был по-прежнему полон идей и энергии.

Примечательно, что в *Unended Quest* больше нет ни одной ошибки в изложении — ничего не забыто и не перепутано, нет ничего такого, что можно было бы отнести на счет провалов в старческой памяти. Рассказ Поппера о событиях 25 октября — единственная за всю

книгу живая, красочная, полная живописных подробностей история такого рода; больше ничего настолько личного в автобиографии нет. В этом эпизоде Поппер особенно тщательно подбирал слова и много раз переписывал его вручную. Так, пытаясь объяснить цель своего приезда в Кембридж, он перебрал множество вариантов — «побудить», «искусить», «поймать на приманку», «бросить вызов», — пока, наконец, не остановился на окончательном: «спровоцировать Витгенштейна».

Поппер прекрасно понимал, что его версия истории с кочергой весьма спорна. В его архивах сохранилась недатированная запись — рукописные заметки на немецком, являющие собой, по всей видимости, поправки к новому изданию *Unended Quest*, — в которой он опровергает пущенные критиками слухи, что Рассел якобы не присутствовал на той встрече. Сохранилось и письмо, написанное в мае 1968 года и содержащее комментарий к изложенной профессором Маклендоном версии событий 25 октября. Поппер ясно и недвусмысленно подтверждает свое повествование и отмечает, что память у него «очень хорошая, за исключением дат».

Иными словами, Поппер, когда брался за перо, в полной мере отдавал себе отчет в своих действиях. Вопрос в другом: он намеренно искажал события или свято верил в то, что писал? Ответ наверняка заключается в его отношении к себе и к собственной роли в эпизоде с Витгенштейном.

В контексте всей книги *Unended Quest* инцидент с кочергой служит самой яркой иллюстрацией представления Поппера о себе как об аутсайдере, перевернувшем устоявшиеся философские взгляды. Не зря он так гордился званием вечного оппозиционера. На каком-то этапе он даже собирался начать свою интеллектуальную автобиографию именно с эпизода с кочергой; из одного этого уже ясно, что в его глазах это был не просто

эпизод, но славный триумф. Малахи Хакоэн считает, что Поппер воспринимал эту историю как «битву титанов... которую он выиграл». Однако в итоге Поппер решил, что, если начать книгу с «кочерги», это будет воспринято как бахвальство.

Трудно не заметить склонность Поппера к самовозвеличению. В собственных глазах он — главный творец событий. Конечно, авторы автобиографий становятся главными героями по определению, таков закон жанра. Однако в *Unended Quest* Поппер не только укрощает дракона, сиречь Витгенштейна, но и совершает еще два подвига. Во-первых, именно он сокрушил логический позитивизм — «Боюсь, я вынужден признать себя виновным». И, во-вторых, — еще один пример попперовской тенденции приукрашивать факты — именно он помог Фридриху Вайсману вырваться из нацистской Вены:

> «[В Новой Зеландии] была просто обычная должность, в то время как Кембридж предоставлял место именно беженцам. И моя жена, и я — мы оба предпочли бы Кембридж, но я решил передать это любезное приглашение тому, кто в нем больше нуждался. Поэтому я принял предложение из Новой Зеландии и обратился одновременно в Совет поддержки ученых и в Кембридж с просьбой пригласить вместо меня Фрица Вайсмана из Венского кружка. И они согласились».

Создается впечатление, что Поппер отказался от кембриджского приглашения специально, чтобы им мог воспользоваться Вайсман. Однако ни одно из писем Поппера того времени не подтверждает этого. Да и в любом случае, временная лекторская должность в Кембридже была *ad personam* — ее создавали именно для Поппера. Действительно, Вайсману впоследствии тоже предложили аналогичную стипендию от Совета поддер-

жки ученых и лекторскую должность в Кембридже; действительно, Поппер горячо рекомендовал Вайсмана и Кембриджу, и Совету, — но это ни в коей мере не означает, что в случае отказа Поппера предложенное ему место автоматически перешло бы к Вайсману или к кому бы то ни было другому. Вайсман даже не упомянул Поппера в числе своих рекомендателей.

Вспомним также, как в лекции 1952 года Поппер якобы вскользь, небрежно, бросает: «Когда я в последний раз виделся с Витгенштейном...» Эта строка явно призвана создать впечатление, что таких встреч было несколько, хотя точно известно, что Витгенштейн и Поппер виделись один-единственный раз.

Так что же это — намеренная ложь? Скорее, все-таки ложная память, псевдовоспоминание, подсказанное услужливым воображением. Поппер искренне верил в правдивость своего рассказа.

«Память — самое парадоксальное из чувств, — пишет Питер Фенуик, специалист по нейропсихиатрии из Лондонского института психиатрии. — С одной стороны, она способна хранить даже самые мимолетные, казалось бы, навсегда забытые впечатления и воспроизводить их в мельчайших подробностях годы спустя; с другой стороны, она настолько ненадежна, что вполне может подвести и предать». Оценить достоверность воспоминания очень сложно. Из-за наслоения более поздних сведений, истинных или ложных, человек может запомнить не совсем то — или даже совсем не то, — что было на самом деле. Вновь и вновь прокручиваемая в воображении версия событий с легкостью берет верх над реальной: человек начинает верить, что он это не воображает, а помнит; при этом настоящее событие из памяти стирается. «Мы пока не знаем, как и когда образуются ложные воспоминания. По мнению одних исследователей, они фиксируются в мозге в момент события; другие

считают, что человек сначала представляет себе некую схему событий, а потом подгоняет под нее другие события, которые не происходили на самом деле, зато согласуются с этой схемой».

Вероятно, и в Вене, и в Новой Зеландии Поппер не раз и не два представлял себе эту схватку один на один. Для него — и как для философа, и как для человека — не было высшего счастья, чем победа над Витгенштейном. Он тщательно готовился, разрабатывал план атаки, старался учесть все возможные возражения. Однако были вещи, которые он никак не мог предусмотреть: явная враждебность со стороны студентов, а главное — кочерга. На Поппера потрясание кочергой могло произвести совсем другое впечатление, чем на кембриджскую аудиторию. Они-то давно привыкли к Витгенштейну — хотя в тот вечер, даже по их меркам, он был чересчур взволнован.

И вдруг Витгенштейн исчезает — совершенно неожиданно и, похоже, просто разозлившись на слова, сказанные не Поппером, а другим человеком. Битва ничем не закончилась, она не выиграна и не проиграна — ее как бы и не было вовсе.

Когда долго и тревожно мечтаешь о чем-то и это «что-то» наконец происходит, то ты вновь и вновь прокручиваешь его в голове, останавливаясь на самых важных для себя моментах. Другие, менее важные, изглаживаются напрочь; события меняют порядок и последовательность; образуются новые причинно-следственные связи. Результат этого процесса закрепляется в памяти и становится воспоминанием.

Остается еще вопрос, почему Поппер в своей автобиографии привел неверную дату — 26 октября. На него ответить куда проще. В 1968 году, когда его попросили проверить версию Маклендона, Поппер обратился к тогдашнему секретарю Клуба моральных наук, и та све-

рилась с протоколом; протокол же Васфи Хайджаб расшифровал на следующий день после заседания, в субботу, и дату поставил соответствующую: 26 октября. Если бы Поппер перерыл у себя дома в Пенне горы бумаг, состоящие из тысяч писем, статей, речей и разнообразных черновиков, он мог бы найти и записи к тому докладу, — а на них стояла подлинная дата, 25 октября.

Однако нам еще предстоит выяснить, какую роль мог сыграть в этой истории Бертран Рассел. Что, если именно Рассел, который не ладил с Витгенштейном и принципиально не одобрял его подход, подбил Поппера на борьбу за благородное дело: спасать философию, пока она окончательно не выродилась в болтовню за чашкой чая?

Это занимательное предположение выдвинул в своей статье Айвор Граттан-Гиннес, по-своему интерпретировав письмо, которое Поппер написал Расселу сразу после встречи, — точнее, следующие его пассажи:

> «С огромным удовольствием вспоминаю проведенный с вами день и *возможность выступить вместе с вами* вечером против Витгенштейна...
>
> Подготовленный мною текст был очень краток, о чем, как вы наверняка помните, я вас предупредил; именно поэтому я решил обсудить нечто другое...
>
> Мне очень помогло то, что вы упомянули о Локке. Теперь, я чувствую, ситуация ясна до предела...»

И после обсуждения логических аргументов:

> «Вот почему я должен был выбрать (и в конечном итоге, *послушавшись вашего совета*, действительно выбрал) эту тему» [курсив наш].

Однако эти замечания можно толковать как минимум двояко. Очевидно, что Поппер заранее обсудил с Расселом свой доклад. Но когда именно? Непосредственно перед собранием, когда они пили чай в Тринити-колледже, или раньше?

Конечно, этот разговор мог происходить за чаем, особенно если Поппер не привез с собой доклада как такового, а одни лишь заметки к нему. Более того: не исключено, что Поппер приехал в Кембридж, так и не решив, о чем именно будет вести речь, и именно Рассел подсказал ему тему и убедил в ее важности.

Однако в *Unended Quest* трудно найти аргументы в пользу этой версии. Не подтверждают ее и документальные свидетельства. Когда определилась дата доклада в Клубе моральных наук, Поппер написал Расселу письмо (в архивах не сохранилось). Рассел ответил ему 16 октября, предлагая встретиться в пятницу в 16-00 или в субботу утром. Судя по формальному тону этого послания, не похоже, что между ними была какая-то предыдущая договоренность или что они собирались обсуждать тему доклада — иначе откуда бы взялась альтернатива «или в субботу утром»?

Позже, уведомляя Поппера о том, что получил его послание, написанное по возвращении из Кембриджа в Лондон, Рассел, в частности, напишет: «Я все время был целиком и полностью на вашей стороне, но не принял более активного участия в дискуссии, потому что вы и сами великолепно защищали ваши убеждения». Здесь нет и намека на какую-то предыдущую договоренность; напротив, фраза «защищали ваши убеждения» предполагает, что Рассел, с его собственной точки зрения, ни о чем не сговаривался с Поппером заранее. «Я все время был целиком и полностью на вашей стороне» — если бы именно Рассел подбил Поппера на конфликт, эти слова были бы попросту лишними.

Однако нельзя не признать, что фраза Поппера «в конечном итоге, послушавшись вашего совета, действительно выбрал» по-прежнему остается загадочной. Любопытна ее связь с жалобой Поппера на неточность протоколов собрания: «Мой доклад назван в них (как и в печатной программе заседаний Клуба) "*Методы в философии*", а не "*Существуют ли философские проблемы?*" — а ведь именно это, последнее название я выбрал в конечном итоге», — пишет он в *Unended Quest*. «В конечном итоге» — но когда именно? Уж не во время ли чаепития, с подсказки коварного Рассела? Что, если Поппер огласил новый вариант только во время доклада, когда программа уже была напечатана, а секретарь, ведущий протокол, пропустил новое название мимо ушей?..

Так или иначе, сохранились заметки Поппера к докладу, и по ним видно, как тщательно готовил он обращение к Клубу моральных наук. Начинаются эти записи с основополагающего тезиса: «Мы изучаем проблемы с помощью рациональных методов. Это — реальные проблемы... не проблемы языка и не языковые головоломки». Далее идет, по всей видимости, план доклада, озаглавленный «Методы в философии»:

I Почему я выбрал эту тему.

II Замечания по истории философского метода.

III Оценка и критика лингвистического метода в философии.

IV Несколько тезисов о философии и методе.

За этим следует страничка, исписанная убористым почерком; текст разбит на колонки, а отдельные записи теснятся на полях. Среди прочего, там высказано и такое соображение: «Философия запуталась во вступительных замечаниях к вступительным замечаниям. Чес-

тно говоря, если это и есть философия, то мне она неинтересна». К следующей странице обдумывание уже явно завершено, и перед нами — сам текст доклада. У нас есть редкая возможность услышать *ipsissima verba** Карла Поппера.

«Меня пригласили сюда для обсуждения какой-либо философской головоломки», — начинает Поппер, прежде чем приступить к критическому анализу термина «головоломка»: «Метод языкового анализа псевдопроблем. Проблемы исчезают. Иногда в сочетании с тезисом о природе философии — скорее деятельности, чем теории, — деятельности по прояснению головоломок. Своего рода терапия, сравнимая с психоанализом».

Вот тут-то Поппер и высказывает протест против формулировки приглашения:

> «Именно это подразумевается в приглашении, и именно поэтому я не смог его принять. Иными словами, в вашем приглашении ощущается весьма определенный взгляд на природу философии и философский метод, — взгляд, который я не разделяю. Таким образом, именно тот факт, что я его не разделяю, в большей или меньшей степени побудил меня выбрать «быть» [*sic*] в качестве темы моего доклада».

Должно быть, именно здесь Витгенштейн впервые вмешался в монолог — и схватка началась.

Ничего из сказанного выше не позволяет сделать вывод о сколь бы то ни было существенном вмешательстве Рассела. Все заметки Поппера изложены на бумаге Лондонской школы экономики. Крайне маловероятно, чтобы Поппер писал их урывками, в промежутках между чаем, обедом в Кингз-колледже с Брейтуэйтом и собранием, начавшимся в 20:30. Наиболее правдоподоб-

* Точные слова цитируемого [доклада]. — *Примеч. ред.*

ным видится следующее объяснение: Поппер действительно говорил за чаем о предстоящем докладе, Рассел поддержал его аргументы, и Поппер, стремясь укрепить отношения со своим кумиром, а может быть, и желая польстить ему, в своем письме несколько преувеличил значение этой беседы.

С помощью этого письма, в котором явственно ощущается желание одновременно убедить и угодить, Поппер, вне всякого сомнения, надеялся установить более прочные отношения с человеком, чье имя, по его мнению, стояло в одном ряду с именами Юма и Канта. Однако и в этот раз, и потом Поппера ждало разочарование — Рассел так и не ответил ему взаимностью.

Хайрам Маклендон утверждает, что на следующий день, в субботу, Рассел — его научный руководитель — сообщил ему, что чрезвычайно возмущен «варварским приемом», оказанным доктору Попперу, и уже написал тому письмо с извинениями. Поппер, сказал Рассел Маклендону, — это «человек, чьи знания и эрудиция стоят больше, чем всех тех, наверху, вместе взятых». Однако архивы свидетельствуют, что прошел почти месяц, прежде чем у Рассела дошли руки до письма, которое мы уже цитировали в этой главе. И в этом письме не было ни упоминания об общей победе, ни развития философских тезисов Поппера.

Это рутинное заседание Клуба моральных наук, одно из семи в тот семестр, таит в себе еще одну загадку. Наряду с вопросами: «Солгал ли Поппер?» и «Был ли Рассел подстрекателем?» возникает еще один: «Не притворялся ли Поппер, утверждая, что не знаком с трудами позднего Витгенштейна?» В аудитории Н3 он выглядел прекрасно осведомленным и во всеоружии. Конечно, Витгенштейн всю жизнь был очарован языком, однако образ философии как «терапии», как деятельности, сравнимой

с фрейдовским психоанализом, принадлежал позднему Витгенштейну, равно как и термин «головоломка», и метафоры, подобные уподоблению философских проблем «лингвистическим судорогам». Однако позже Поппер уверял, что не читал работ Витгенштейна II, и целью его был Витгенштейн I. Такое признание — в том, что атаковал давно устаревшую цель, — звучит весьма странно и больше походит на очередной пример ложной скромности. Поппер, по его словам, «хотел узнать», не изменил ли Витгенштейн свою доктрину. Очень трудно поверить, что он не навел справок.

В то время как Поппер писал письмо Расселу, в который раз прокручивая в голове подробности стычки («Это был не тот Витгенштейн, которого я ожидал встретить»), объект его раздумий предавался размышлениям о философии. В воскресенье в его шифрованном дневнике появляется первый намек на событие сорокавосьмичасовой давности: «О тех, кто высмеивает лингвистические наблюдения в философии, можно сказать: они не видят, что сами глубоко запутались концептуально».

А что думал Витгенштейн о самом Поппере, после того как встретился с ним лицом к лицу? По этому поводу существует весьма красноречивое свидетельство. Вскоре после собрания в Н3 Витгенштейн написал записку Рашу Рису, своему бывшему студенту и близкому другу (который после смерти Витгенштейна перевел его «Философские исследования»). Записка, нацарапанная ужасно неразборчивым почерком, сообщает об «омерзительном собрании... на котором один осел, некто доктор Поппер из Лондона, нес такую вязкую чушь, какой я давно не слышал. Я, как всегда, говорил много...» Михаэль Недо, с его энциклопедическими знаниями всего, что касается Витгенштейна, разъясняет слово «осел» в этом контексте. По его мнению, оно означает человека,

который действует не подумав. Это слово, полагает Недо, отсылает нас к немецкой пословице: «Бык и осел делают, а человек может и пообещать». А может быть, под «ослом» Витгенштейн подразумевал типичного обитателя Рингштрассе, недостойного внимания.

Но, чушь или не чушь говорил Поппер, Витгенштейн все же ощутил потребность ответить на его аргументы. Это было на заседании Клуба моральных наук три недели спустя. «Главной целью профессора Витгенштейна, — гласит протокол, — было исправить некоторые неверные представления о философии кембриджской школы (то есть самого Витгенштейна)». В этом же протоколе сохранилось и утверждение Витгенштейна: «...общий вид философского вопроса таков: "Я запутался, я не знаю, как мне найти выход"».

И, наконец, последний любопытный момент, связанный с попперовской версией событий, касается его возвращения в Лондон на следующий день после инцидента с кочергой. В *Unended Qest* Поппер рассказывает, как случайно услышал в поезде разговор двоих юношей, которые обсуждали рецензию на «Открытое общество» в «каком-то левом журнале» и интересовались, «кто такой этот доктор Поппер». Вопрос: в каком журнале? Почти все рецензии на «Открытое общество» вышли в январе 1946 года. Рецензия в *Tribune* появилась в январе, Хью Тревор-Роупер писал об «Открытом обществе» в *Polemics* в мае, в *New Statesman* в октябре тоже не было ничего подобного. Может быть, и на сей раз Поппера подвела память?

23

«И все получат призы!»[1]

> Когда высказывание означает для меня то-то и то-то, для вас оно может означать совсем другое. Если бы вам пришлось жить среди чужих людей и зависеть от них, вы бы поняли мои трудности.
>
> *Витгенштейн*

> Элемент паранойи присутствовал в самой попперовской философии науки. Потому что он учил нас: к верной теории ближе всего та, которая тебя еще не предала. Любое положение рано или поздно тебя подведет, но мы придерживаемся тех, которые этого еще не сделали.
>
> *Стивен Тулмин*

Сейчас, более полувека спустя, в комнате Н3 по-прежнему сияют светила науки: в ней по очереди преподают королевский астроном сэр Мартин Рис и экономист-историк Эмма Ротшильд, жена экономиста Амартии Сена, лауреата Нобелевской премии. Книги, журналы, газеты повсюду — от пола до потолка и на любой свободной поверхности. У кресел уютно потертый вид. Есть и маленький диванчик — но уже другой (тот, прежний, был продан за пять фунтов одному из преподавателей; инициатором сделки был Брейтуэйт, которому диван казался безмолвным свидетелем обиды, нанесенной Витгенштейном Попперу). И все-таки сегодня Н3 кажется слишком тесной, чтобы в один послевоенный осен-

[1] *Кэрролл Л.* Алиса в Стране Чудес. (Пер. Б. Заходера). На вопрос Алисы: «А кто же победил?» — Дронт отвечает: «Победили все! И все получат призы!»

ний вечер вместить в себя столько блестящих умов, — и слишком невозмутимо-академичной, чтобы в ней бушевали такие страсти.

Доживи Рассел, Витгенштейн и Поппер до наших дней, они, выйдя из здания, увидели бы, что один из прекраснейших в мире городских пейзажей совсем не изменился. Правда, они бы с удивлением узнали, что у колледжа теперь есть приемные часы для посетителей; на Кингз-парад им пришлось бы протискиваться через орды туристов; и они наверняка остановились бы полюбоваться древними витражами часовни Кингз-колледжа — в войну и сразу после нее эти витражи хранились в подвалах корпуса Гиббса.

И все же, хотя комната и вид из окна остались прежними, невозможно представить, чтобы в наши дни могли разгореться такие же жаркие дебаты — в Кембридже или где-то еще. Скандал с кочергой был уникален в том смысле, что затеяли его, сойдясь лицом к лицу на чужбине, представители теперь уже исчезнувшей центральноевропейской культуры. Эта встреча состоялась в мире, измученном борьбой за демократию в Европе, — а на горизонте уже маячила новая и не менее опасная угроза этой демократии. Когда речь шла о глобальных вопросах, одной правоты было недостаточно — нужно было страстно отстаивать эту правоту. Сейчас этот дух иссяк; толерантность, релятивизм, постмодернистский отказ от преданности идеям, триумф культурной неопределенности — в таких условиях немыслимо повторение того, что происходило тогда и в аудитории НЗ. К тому же нынешнее высшее образование чересчур специализировано, и жизненно важные вопросы просто теряются в лабиринте всевозможных течений и направлений.

Так кто же победил 25 октября 1946 года?

И в новых демократических странах, и в «закрытых обществах» «Открытое общество» остается по-прежне-

му актуальным. Оно переведено более чем на тридцать языков и переиздается снова и снова. Однако в Великобритании и США учение Поппера постепенно вытесняется из университетских программ; слава его тускнеет, а имя постепенно забывается. Это не цена поражения, а, скорее, неизбежное последствие успеха. Политические идеи, которые в 1946 году поражали своей новизной, теперь стали общепринятыми. Критика догм и исторической неизбежности, значение терпимости и скромности — все это сегодня не вызывает сомнений, а следовательно, и споров. Вот если нынешний мировой порядок, основанный на идее открытого общества, вновь столкнется с угрозой коммунизма, фашизма, агрессивного национализма или религиозного фундаментализма — тогда труды Поппера снова станут актуальны и востребованы. Как сказал бы сам Поппер, по рельсам, проложенным в прошлом, в будущее не доедешь.

Что же касается «Логики научного открытия», то она, пожалуй, отстояла свое право быть самой значительной работой XX века в области философии науки — хотя даже самые верные последователи Поппера сегодня признают, что сформулировать надежный критерий фальсифицируемости так и не удалось. Однако в наши дни в этой области на первый план выдвинулись две другие фигуры — Пол Фейерабенд, чей интерес к языку философии науки напоминает скорее о витгенштейнианском подходе, и Томас Кун, обогативший современную философию понятием «смена парадигм», описывающим процесс, в ходе которого одна мировоззренческая система отсчета в науке сменяется другой, принципиально новой. Любопытно, что в Лондонской школе экономики, которую по праву можно назвать академическим плацдармом Поппера, память о нем никак не увековечена. В комнате, прежде бывшей его кабинетом, теперь туалет. (Зато в Новой Зеландии имени Поппера не дают

кануть в безвестность. В Крайстчерче собираются назвать в его честь здание или улицу — надо полагать, в районе для некурящих.)

А вот репутация Витгенштейна в ряду мыслителей XX века осталась непревзойденной. Его оценка как гениального философа по-прежнему неизменна; его труды вошли в философский канон. В результате опроса, проведенного в 1998 году среди профессиональных философов, имя Витгенштейна оказалось пятым в списке мыслителей, внесших наибольший вклад в философию, после Аристотеля, Платона, Канта и Ницше, перед Юмом и Декартом. Блеск в глазах его друзей и учеников передался следующим поколениям: новые адепты корпят над его текстами, словно талмудисты, пытающиеся постичь мудрость Торы.

При этом, как ни странно, интеллектуальное наследие Витгенштейна столь же неоднозначно, сколь и многие его тексты; суть его учения так же неуловима, как и смысл его философских изречений. Самые суровые критики Витгенштейна утверждают, что его влияние на философию подобно его анализу философии: все осталось, как и было. Он ураганом пронесся по миру философии, после чего вновь воцарилась тишь и благодать. Он стал источником вдохновения Венского кружка и логического позитивизма — но логический позитивизм был дискредитирован. Он оказал значительное влияние на оксфордскую школу философии языка — но ее подход устарел и вышел из моды. Можно проследить связь между Витгенштейном и постмодернистами — но Витгенштейн наверняка пришел бы в ужас от такой параллели...

Некоторые идеи Витгенштейна теперь воспринимаются как непреложные факты. Лозунг «Значение есть употребление» выдержал проверку временем: слова имеют те значения, которые мы им приписываем. Язык — как и любая деятельность, регламентируемая определенны-

ми правилами, — основан на нашем опыте, привычках, образе жизни. Однако большинство философов вовсе не убеждено, что Витгенштейн, развенчав иллюзию, будто язык — это отражение мира, одним махом избавил нас от всех проблем. Да, он освободил нас от ряда трудностей, связанных с языком. Но совершенно не очевидно, что все наши философские проблемы основаны только на употреблении языка. Есть ли у нас достаточные основания верить, что «завтра взойдет солнце», — эта проблема остается вне всякой связи с языком. Посему профессиональные философы продолжают биться над такими вопросами, как тайны сознания или отношения между духом и телом. Они не верят, что эти вопросы можно решить методами анализа языка. Да, Витгенштейн показал, что существуют головоломки, но не доказал, что существуют *только* головоломки, — так в большинстве своем считают философы. И это Поппер уже мог бы считать своей маленькой победой — хотя он, конечно же, не согласился бы ни на что меньшее, чем полная и окончательная капитуляция Витгенштейна.

В философии XX века было немало выдающихся фигур, но свои имена ученикам и последователям дали лишь единицы, в их числе — Витгенштейн и Поппер. В философском лексиконе нет слова «расселианец» или, скажем, «шликианец», а вот термины «попперианец» и «витгенштейнианец» прижились — что свидетельствует и об оригинальности идей обоих философов, и о силе их личностей. 25 октября 1946 года в изрядной степени проявилось и то и другое, а взмах кочергой стал символом жгучего, неослабевающего пыла, с которым оба всю жизнь искали правильные ответы на главные вопросы.

И напоследок — пару слов о *sine qua non* этой истории, или, можно сказать, о ее заглавной героине. Возможно, нам удалось отчасти прояснить загадку событий в Н3, но вот судьба кочерги по-прежнему остается тай-

ной. Многие пытались отыскать ее, но тщетно. Говорят, что Ричард Брейтуэйт попросту избавился от нее, чтобы положить конец паломничеству любопытствующих ученых и журналистов.

Хронология

1889, 26 апреля — родился Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн, восьмой и последний ребенок сталелитейного магната, миллионера Карла Витгенштейна и его супруги Леопольдины, урожденной Кальмус.

1902, 28 июля — родился Карл Раймунд Поппер, третий и последний ребенок преуспевающего адвоката доктора Симона Поппера и его супруги Женни, урожденной Шифф.

1903—1906 — Витгенштейн учится в *Realschule* (о поступлении в классическую гимназию речь не шла, поскольку домашнее образование маленького Людвига не включало в себя греческого) в Линце; в 1904—1905 годах в этой же школе учится Адольф Гитлер. Витгенштейн читает «Пол и характер» Вейнингера, «Принципы механики» Герца и «*Populäre Schriften*» («Популярные статьи») Больцмана.

1906, октябрь — 1908, май — в Высшей технической школе в Шарлоттенбурге под Берлином Витгенштейн изучает механику и начинает вести философские записи.

1908 — Витгенштейн изучает аэронавтику в Манчестере.

1908 — Поппер учится чтению, письму и арифметике у своей первой учительницы Эммы Гольдбергер.

1908—1911 — учась в Манчестерском университете, Витгенштейн читает «*Principia Mathematica*» Рассела и «*Grundgesetz*» («Основные законы арифметики») Фреге.

1911 — собираясь писать книгу по философии, Витгенштейн едет в Иену к Фреге, а затем без предупреждения заявляется к Расселу в Кембридж.

1912 — Витгенштейн пишет свою первую работу по философии, поступает в кембриджский Тринити-колледж, где посещает лекции Дж. Э. Мура, читает «Многообразие религиозного опыта» Уильяма Джемса, приобретает влияние в Клубе моральных наук, вступает в братство «Апостолов», проводит каникулы в Исландии с Дэвидом Пинсентом и вновь навещает Фреге в Иене.

1912 — Поппер, десяти лет от роду, ходит на экскурсии, устраиваемые «Союзом монистов», с антинационалистом и социалистом Артуром Арндтом; они беседуют о Марксе и Дарвине.

1913 — Витгенштейн посещает Норвегию вместе с Пинсентом; вернувшись в Англию, отдает Расселу «Заметки по логике».

1913, октябрь — после смерти отца Витгенштейн становится обладателем огромного состояния. Он снова отправляется в Норвегию с намерением построить дом и работать в уединении.

1914, апрель — Витгенштейн строит дом в Скъолдене и диктует Муру работу по логике.

1914, 28 июня — вернувшись с очередной прогулки с Арндтом, Поппер узнает об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево.

1914, июнь — Витгенштейн приезжает в Хохрайт, семейный загородный дом в Австрии.

1914, июль — Витгенштейн жертвует сто тысяч крон нуждающимся литераторам и художникам; в их числе — Райнер Мария Рильке и Оскар Кокошка.

1914, 7 августа — после объявления войны России Витгенштейн добровольцем вступает в армию Австро-Венгрии. Он продолжает занятия философией — читает Толстого, Эмерсона и Ницше, разрабатывает образную теорию языка, приступает к написанию «Логико-философского трактата». Брат Витгенштейна Пауль теряет правую руку на русском фронте.

1915 — Поппер показывает отцу изложенные в письменном виде аргументы против войны.

1915 — Витгенштейн ранен при взрыве в артиллерийской мастерской в Кракове.

1916 — по просьбе Витгенштейна его переводят в артиллерийский полк в Галицию. Он сражается на передовой, получает несколько боевых наград и продолжает работу над «Трактатом».

1916 — умирает император Франц-Иосиф.

1917 — последний школьный год Поппер проводит дома из-за воспаления миндалин.

1917—1918 — Витгенштейн воюет на русском фронте на Буковине и на итальянском близ Азиаго. Награжден «Медалью с мечами» за доблестную воинскую службу.

1918 — Поппер заканчивает школу, не сдавая выпускных экзаменов *Matura*, поэтому не может поступать в Венский университет и записывается вольнослушателем.

1918, июль — Витгенштейн заканчивает «Логико-философский трактат»; немецкое название рукописи — «*Logisch-philosophische Abhandlung*».

1918, ноябрь — Витгенштейн попадает в итальянский плен и до августа 1919 года остается в лагере для военнопленных, откуда посылает текст «*Logisch-philosophische Abhandlung*» Расселу и Фреге. В декабре 1919 года он встретится с Расселом в Гааге и разъяснит ему текст, который прежде было невозможно опубликовать.

1918, ноябрь — после сокрушительного поражения в войне Австрия становится республикой. Поппер становится свидетелем того, как при провозглашении республики возмущенные солдаты стреляют в членов временного правительства. В Австрии начинаются «голодные годы».

1919, сентябрь — Витгенштейн отказывается от наследства в пользу братьев и сестер. Считая свой философский потенциал исчерпанным, записывается в педагогический колледж.

1919—1920 — в это трудное и беспокойное время Поппер покидает дом, чтобы не обременять обедневшего отца, и живет в студенческом общежитии. Увлекается коммунизмом, но

это недолгое увлечение прерывается, когда он видит расстрел полицией демонстрации молодых социалистов (позже он назовет это «одним из важнейших событий своей жизни»). Работает у Адлера, слушает в Вене лекцию Эйнштейна, пытается зарабатывать на жизнь дорожным рабочим, но оказывается недостаточно выносливым физически.

1920 — Рассел, стремясь ускорить публикацию «Трактата», пишет к нему предисловие, но Витгенштейн его отвергает. Витгенштейн приступает к работе школьного учителя в деревне Траттенбах в Нижней Австрии. В последующие годы он преподает в Хассбахе, Пухберге и Оттертале и в 1925 году пишет «*Wörterbuch fur Volksschulen*» — «Словарь для народных школ», включающий в себя 5700 слов.

1921 — «*Logisch-philosophische Abhandlung*» выходит в последнем номере издаваемого Вильгельмом Оствальдом «*Annalen der Naturphilosophie*» с предисловием Рассела.

1922 — английский издатель Киган Пол соглашается выпустить «Трактат» с параллельными немецким и английским текстами. Мур предлагает название для английского перевода — «*Tractatus Logico-Philosophicus*». В ноябре Витгенштейн получает первый авторский экземпляр.

1922—1924 — Поппер идет в подмастерья к столяру-краснодеревщику, сдает экзамен *Matura*, чтобы учиться в университете экстерном, посещает занятия в Венской консерватории и становится членом «Общества частных концертов», основанного Арнольдом Шенбергом.

1923 — Витгенштейн интересуется возможностью получить в Кембридже степень бакалавра искусств; ему советуют сразу приступить к диссертации на соискание степени доктора философии.

1924 — Мориц Шлик, глава Венского кружка, вступает в переписку с Витгенштейном, чьи идеи и книга стали в Вене предметом жгучего интереса.

1924 — Поппер заканчивает курс обучения на краснодеревщика, получает диплом учителя начальной школы и работает с «трудными детьми».

1925 — Поппер поступает в только что учрежденный Педагогический институт в Вене. В этом же году он знакомится со своей будущей женой Жозефиной Анной Хеннингер («Хенни»). Ему предъявлено обвинение в небрежности, повлекшей за собой травму подростка, но суд оправдывает Поппера.

1926, 26 апреля — против Витгенштейна возбуждено уголовное дело по обвинению в жестоком обращении с учеником — «дело Хайдбауэра». Он бросает преподавание и устраивается садовником. Вместе с Паулем Энгельманом проектирует дом на Кундмангассе для своей сестры Маргарет Стонборо.

1926, ноябрь — социал-демократическая партия на конференции в Линце объявляет частью своей политической программы вооруженный конфликт.

1927, февраль — Витгенштейн вновь задумывается о философской деятельности. Он встречается с Морицем Шликом. Летом того же года по понедельникам проходят вечерние беседы с другими членами Венского кружка — Карнапом, Фейглем и Вайсманом.

1927, 15 июля — восемьдесят пять демонстрантов расстреляны полицией при попытке поджечь Дворец юстиции в Вене после того, как суд оправдал троих «хеймверовцев» — правых экстремистов, убивших инвалида и ребенка в уличной стычке с левыми «шуцбундовцами». Очевидцами расстрела оказались Поппер и его будущая жена.

1928 — Поппер с блеском защищает докторскую диссертацию по истории музыки, философии и психологии.

1928 — Витгенштейн в Вене слушает лекцию Л. Э. Я. Брауэра об основаниях математики, и для него это становится важным стимулом к продолжению работы.

1929, январь — Витгенштейн возвращается в Кембридж и начинает вести записи, которые годы спустя будут изданы под общим названием «Философские заметки».

1929, 18 июня — в Кембридже Витгенштейну присвоена степень доктора философии (в качестве диссертации был представлен «Логико-философский трактат») и присуждена стипендия Тринити-колледжа.

1929, июль — опубликована работа Витгенштейна «Несколько заметок о логической форме». На лето и рождественские каникулы Витгенштейн уезжает в Вену, как и всякий раз, когда представляется возможность.

1929 — Поппер сдает экзамены на право преподавания математики и физики в средней школе и заводит знакомство с участниками Венского кружка, в частности Виктором Крафтом и Гербертом Фейглем.

1929 — Витгенштейн пытается работать вместе с Вайсманом, но это сотрудничество не приносит плодов. Читает первые лекции о проблемах языка, логики и математики. Формулирует свой новый подход к философии. Получает единовременную стипендию, дающую ему возможность продолжить исследования.

1929, декабрь — изменения в конституции укрепляют в Австрии президентскую власть в ущерб другим демократическим институтам.

1930 — Поппер начинает преподавать в средней школе и женится на Хенни. Фейгль убеждает его приступить к работе, которая позже увидит свет под названием «*Logik der Forschung*» («Логика научного открытия»).

1930 — Витгенштейн начинает преподавать в Кембридже и посещать собрания Клуба моральных наук. Он получает стипендию Тринити-колледжа для занятий научной работой в течение пяти лет и возвращается в свою довоенную квартиру в Уэвелл-корте.

1931 — Витгенштейн вновь отправляется в Норвегию и работает над будущей «Философской грамматикой». В этот период друзья слышат его первую «исповедь».

1932 — Поппер завершает работу над «*Die beiden Grundprobleme der Erkenntnistheorie*» («Две фундаментальные проблемы теории познания»). Лето проводит в Тироле с Карнапом и Фейглем.

1932 — Витгенштейн приступает к «Большой рукописи» — книге, которую летом 1933 года будет диктовать секретарю в

Хохрайте, а потом бесконечно править. Обвиненный в «узурпации власти» над Клубом моральных наук, на время устраняется от участия в работе последнего.

1933, 7 марта — Энгельберт Дольфус распускает австрийский парламент, превращая страну в клерикальное полуфашистское государство.

1933—1934 — Витгенштейн диктует ученикам «Голубую книгу» и «Коричневую книгу» (названия продиктованы обложками записных книжек); размноженные копии этих записей ходят по рукам на манер самиздата.

1934, 12 февраля — «гражданская война» в Австрии. Восстание Шуцбунда разгромлено правительственными войсками, все социал-демократические организации запрещены, многие члены партии арестованы.

1934, 25 июля — попытка нацистского путча. Убийство Дольфуса. Его преемником становится глава Отечественного фронта Курт Шушниг.

1934, сентябрь — Поппер посещает международную философскую конференцию в Праге, успешно организованную Венским кружком.

1934, декабрь — Поппер публикует сокращенную согласно условиям договора версию своей работы «*Die beiden Grundprobleme der Erkenntnistheorie*» под названием «*Logik der Forschung*».

1935, сентябрь — Витгенштейн посещает Советский Союз.

1935 — Поппер выступает с докладом на математическом коллоквиуме Карла Менгера в Вене.

1935—1936 — Витгенштейн читает курс лекций «О чувственных данных и личном опыте». Срок действия стипендии заканчивается. Витгенштейн отправляется в Норвегию и приступает к работе над «Философскими исследованиями».

1935—1936 — Поппер берет в школе отпуск за свой счет и совершает две поездки в Англию, где читает лекции и доклады и посещает конференции в Лондоне, Кембридже и Оксфорде. Он встречается с Муром, Шредингером, Райлом, Айе-

ром, фон Хайеком, Гомбрихом, Берлином; слушает Рассела на заседании Аристотелевского общества и выступает с докладом в кембриджском Клубе моральных наук. Затем в Копенгагене Поппер встречается с Бором.

1936 — Витгенштейн пишет вторую «исповедь», предназначенную для родственников и друзей.

1937 — Витгенштейн вновь едет в Норвегию, где пишет первую часть «Замечаний по основаниям математики». В Англии он приходит к друзьям со второй «исповедью».

1937 — Поппер отказывается от временного статуса беженца в Кембридже, предложенного ему Советом поддержки ученых, и соглашается на постоянную должность в колледже Кентерберийского университета в Крайстчерче, в Новой Зеландии.

1938 — В Новой Зеландии Поппер начинает работать над книгами «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги».

1938, февраль — Витгенштейн гостит в Дублине у Мориса О'Коннора Друри.

1938, 12 марта — аншлюс Австрии с Германией. Австрия превращается в Остмарк — провинцию Германии. Послушавшись совета Пьеро Сраффа, Витгенштейн принимает решение не возвращаться в Австрию и подает прошение о британском гражданстве и постоянной должности в Кембридже. Его родные в Вене осознают, какую угрозу представляет аншлюс для них как для евреев.

1938, апрель — Витгенштейн возвращается в Кембридж и преподает. Его лекции годы спустя, после его смерти, будут опубликованы под общим названием «Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии».

1939, февраль — Витгенштейн избран на должность профессора философии. Его стипендия в Тринити-колледже возобновлена. Он вновь живет в Уэвелл-корте и возвращается к активному участию в Клубе моральных наук.

1939, июнь — Витгенштейн получает британский паспорт и едет в Нью-Йорк, Вену и Берлин, чтобы добиться статуса неевреев для своих родных в Вене.

1939, август — берлинские власти согласно Нюрнбергским законам официально признают сестер Витгенштейна *Mischlinge* первой степени.

1939, сентябрь — Великобритания объявляет войну Германии.

1940, февраль — берлинские власти принимают решение о неприменимости Нюрнбергских законов к потомкам Германа Христиана Витгенштейна.

1941—1944 — Витгенштейн работает больничным санитаром в Лондоне и лаборантом в Ньюкасле.

1944, март — Витгенштейн возвращается в Кембридж, вновь возглавляет кафедру, пишет и преподает. Сменяет Мура на посту председателя Клуба моральных наук. Период с весны до осени проводит в Суонси с Рашем Рисом.

1943 — Поппер заканчивает книгу «Открытое общество и его враги».

1944 — Поппер публикует «Нищету историцизма» в *Economica* фон Хайека.

1945 — «Открытое общество и его враги» выходит в Англии. Попперу предложена должность преподавателя логики и научного метода в Лондонской школе экономики Лондонского университета.

1946 — 6 января Поппер прибывает в Англию. В этом же году он получает британское гражданство.

1946, 25 октября — конфликт между Витгенштейном и Поппером в аудитории Н3.

1947 — Витгенштейн оставляет профессорскую должность в Кембридже.

1947—1948 — Витгенштейн едет в Ирландию, где работает над «Заметками о философии психологии».

1949 — Витгенштейн на короткое время возвращается в Англию, пишет «О достоверности», навещает в Вене сестру Гермину, умирающую от рака, гостит в Соединенных Штатах у Нормана Малкольма. Приехав домой в Англию, он узнает, что и сам болен раком.

1949 — Поппер становится профессором логики и научного метода в Лондонской школе экономики.

1950 — Витгенштейн пишет «Заметки о цвете», последний раз посещает Норвегию и переселяется в дом доктора Бевана в Кембридже.

1950 — Поппер едет в США, проводит чтения Уильяма Джемса в Гарварде и встречается с Эйнштейном в Принстоне. Вернувшись в Англию, он наконец получает возможность приобрести дом в Пенне, в Бакингемшире.

1951—1953 — Поппер пишет «Постскриптум: двадцать лет спустя».

1951 — Витгенштейн продолжает работу над «О достоверности». 29 апреля он умирает в доме доктора Бевана в Кембридже.

1959 — «Логика научного открытия» Поппера впервые издана на английском языке.

1961 — Поппер вместе с Адорно посещает конференцию Социологической ассоциации Германии в Тюбингене; проводит чтения памяти Герберта Спенсера в Оксфорде.

1962—1963 — Поппер публикует «Предположения и опровержения» и по просьбе Шилппа начинает работать над автобиографией для «Библиотеки современных философов».

1965 — Поппер посвящен в рыцари.

1969 — Поппер оставляет постоянную должность в Лондонском университете и полностью посвящает себя письменным работам и лекциям.

1972 — выходит книга «Объективное знание», в которой Поппер разрабатывает теорию объективного духа и трех миров.

1974 — выходят два тома «Библиотеки современных философов», посвященные Попперу и его философии. В первом из них опубликована его автобиография, позже изданная отдельно под названием *Unended quest.*

1983 — в Вене проходит Попперовский симпозиум.

1985 — после смерти жены Поппер переезжает из Пенна в Кенли на юге Лондона.

1989 — Поппер читает публичную лекцию «Об эволюционной теории познания» в Лондонской школе экономики.

1990 — выходит «Мир предрасположенностей» Поппера.

1994 — 17 сентября Поппер умирает.

Благодарности

Этой небольшой книгой мы обязаны огромному числу людей.

В первую очередь, это очевидцы истории с кочергой, которые, не жалея времени, с готовностью делились с нами знаниями и воспоминаниями: Питер Гич (Peter Geach), Питер Грей-Лукас (Peter Gray-Lucas), Васфи Хайджаб (Wasfi Hijab), Георг Крайзель (Georg Kreisel), Питер Мунц (Peter Munz), Стивен Плейстер (Stephen Plaister), Стивен Тулмин (Stephen Toulmin), сэр Джон Вайнлотт (John Vinelott) и Майкл Волфф (Michael Wolff).

Во-вторых, это те, кто был знаком с нашими героями, или с одним из них, или же был в Кембридже в 1946 году: Джозеф Агасси, позже лорд Аннан (Annan), Питер Бельц (Peter Baelz), Джоан Беван (Joan Bevan), лорд Дарендорф (Dahrendorf), покойная Дороти Эммет (Dorothy Emmet), Энтони Флю (Anthony Flew), Айвор Граттан-Гиннес (Ivor Grattan-Guinness), Джон Грей (John Grey), Кристофер Хиндли (Christopher Hindley), Дженсис Лонг (Jancis Long), Хью Макканн (Hugh McCann) (сорок семь лет проработавший в кухне Кингз-колледжа), Дэвид Миллер (David Miller), Алан Масгрейв (Alan Musgrave), Арне Петерсен (Arne Petersen), Дэвид Роуз (David Rowse), покойный Деннис Скьяма (Dennis Sciama), Антониа Сьюэлл (Antonia Sewell), Джереми Ширмур (Jeremy Shearmur), Пег Смитиз (Peg Smythies), Джордж Сорос (George Soros), Морис Уайлз (Maurice Wiles).

В-третьих, это специалисты в разных областях, которые щедро делились с нами опытом и результатами собственных изысканий: Питер Конради (Peter Conradi), сэр Майкл Даммет (Michael Dummett), Дэвид Эрн (David Earn), Элизабет и Питер Фенуик (Elizabeth and Peter Fenwick), сэр Стюарт Хэмпшир (Stuart Hampshire), Эндрю Ходжес (Andrew Hodges), Аллан Дженик (Allan Janik), Малахи Хакоэн (Malachi Hacohen), Ютта Хайбель (Jutta Heibel), Лю Цзюнь-нин (Liu Junning), Мэнфред

Льюб (Manfred Lube), Селия Мэйл (Celia Male), Роланд Пиз (Roland Pease), Чарльз Пигден (Charles Pigden), Фридрих Штадлер (Friedrich Stadler), Барбара Зухи (Barbara Suchy), Ханс Фейгль (Hans Veigl) и сэр Колин Сент-Джон Уилсон (Colin St John Wilson).

О многих необходимо упомянуть особо. Первым, кто извлек на свет подзабытую историю с кочергой, был Джон Уоткинс (John Watkins). Если бы не его мемуары о Поппере, мы вообще не написали бы эту книгу. Именно Джон связал нас со многими упомянутыми в ней людьми. К сожалению, в 1999 году его не стало...

Джон и Вероника Стонборо (John and Veronica Stonborough) оказали нам чрезвычайно радушный прием и одарили множеством полезнейших фактов и захватывающих историй о семье Витгенштейнов в целом и о дяде Людвиге в частности. Джоан Рипли (Joan Ripley) отказалась от давно намеченной поездки, чтобы поговорить с нами о своем отце Пауле Витгенштейне. Стивен Тулмин неизменно и подробно отвечал на наши многочисленные вопросы о Кембридже и философии, Витгенштейне и Поппере, Пирре и Сексте Эмпирике. Мы несколько раз навещали Мелитту и Рэймонда Мью и надолго задерживались у них; беседы наши, после нелегкой дороги до Ист-Кройдона, всегда начинались за обеденным столом. Они прочли обе наши рукописи от корки до корки, не пропустив ни слова. Их любовь к Попперу и глубокая осведомленность во всем, что связано с ним, уберегли нас от многих фактических ошибок и неверных догадок — хотя это и не означало, что Мелитта и Рэймонд разделяли наши взгляды. Михаэль Недо, которого по праву можно назвать человеком, знающим о Витгенштейне больше всех на свете, щедро делился с нами своими обширными познаниями и предоставил в наше распоряжение архив, созданию которого посвятил всю свою жизнь.

Мы не можем гарантировать, что все высказывания, приведенные в этой книге, верны; однако есть люди — и мы глубоко признательны им, — которые вовремя указали нам на заве-

домо неверные сведения, неточности и ошибки. Вот имена тех, кто прочел, полностью или частично, наши рукописи и сделал множество ценных замечаний: Роджер Крисп (Roger Crisp), Ханна Эдмондс (Hannah Edmonds), Сэм Айдиноу (Sam Eidinow), Дэвид Франклин (David Franklin), Энтони Грэйлинг (Anthony Grayling), Малахи Хакоэн (ознакомивший нас с собственной подробной работой о молодых годах Поппера), Питер Мэнголд (Peter Mangold), Дэвид Миллер, Адриан Мур (Adrian Moore), Михаэль Недо, Зина Роэн (Zina Rohan), Джоан Рипли, Фридрих Штадлер, Барбара Зухи, Стивен Тулмин, лорд Тугендхат (Tugendhat), Морис Уолш (Maurice Walsh) и Дженни Уиллис (Jenny Willis).

Мы искренне благодарны Ханне Эдмондс, Рону Герверу (Ron Gerver) и Лоренсу Греттону (Lawrence Gretton) за помощь в переводе, а Эстер Айдиноу (Esther Eidinow) — за интервью, взятые в США по нашей просьбе. Дэвид благодарит Лиз Мардалл (Liz Mardall) из *BBC World Service* за предоставленный ему отпуск. Джон благодарен Петеру и Маргарет Шляттерам (Peter and Margaret Schlatter), создавшим ему идеальные условия для работы во время его поездок в Швейцарию.

Нам оказали большую помощь следующие библиотеки, архивы и учреждения: Государственный архив Австрии; комиссия Бержье, Цюрих; Бреннер-архив, Инсбрук; Британская библиотека; библиотека Кембриджского университета; CARA (Совет помощи ученым-беженцам); библиотека центра Барбикан, Лондон; Кингз-колледж, Кембридж; Лондонская библиотека; Лондонская школа экономики (в ее архивах мы неизменно находили все, что искали); Национальное управление архивов США; библиотека Оксфордского университета; библиотека Поппера в Клагенфурте, Австрия; архив Поппера в Гуверовском институте; Государственный архив Великобритании, Кью; архив Рейхсбанка, Франкфурт; архив Рассела в Университете Макмастера, Гамильтон, Онтарио; Тринити-колледж, Кембридж; архив Витгенштейна в Бергене, Норвегия (особая благодарность — Алоису Пихлеру (Alois Pichler) и

Ойстену Хиде (Oystein E. Hide)); попечители наследия Витгенштейна; архив Витгенштейна в Кембридже.

Строки из стихотворения Джулиана Белла приведены с любезного позволения миссис Квентин Белл (Quentin Bell). Строки из стихотворения Рабиндраната Тагора приведены с любезного разрешения Висва-Бхарати. Отрывки из неопубликованных работ сэра Карла Поппера приводятся с любезного разрешения наследников.

Мы не можем не поблагодарить редакцию *Times Literary Supplement* за публикацию переписки, привлекшей наше внимание к загадочной истории с кочергой.

Наконец, что особенно важно, слова нашей самой искренней и глубокой признательности — Бернхарду Зухи (Bernhard Suchy) и Михаэлю Неэру (Michael Neher) из *Deutsche Verlags-Anstalt Gmbh* и Джулиану Лузу (Jullian Loose) из *Faber*, которые всерьез прониклись нашим маниакальным пристрастием к кочерге, и редактору Бобу Дэвенпорту (Bob Davenport) — за зоркость и пристальное внимание к тексту.

И отдельное спасибо — за фотографии.

С любезного разрешения Михаэля Недо и архива Витгенштейна мы воспроизводим здесь фотографии Витгенштейна — одного (1), с сестрами (8) и с Беном Ричардсом (17); снимки Брейтуэйта (4) и Морица Шлика (14), здания Кингз-колледжа (3), радиатора в доме на Кундмангассе (10) и входа в дом на Аллеегассе (12). Мелитта Мью любезно предоставила нам фотографии Карла Поппера — одного (2, 20), с сестрами (9), со школьными учениками (15) и с Хенни (18), а также фотографии окон его дома (13). Мы благодарим архив Поппера за снимок программы Клуба моральных наук (6), а архив Рассела — за фотографию Бертрана Рассела (7). Возможностью опубликовать снимок заполненной Герминой декларации имущества (16) мы обязаны Государственному архиву Австрии. Фотография Гитлера (19) предоставлена архивом издательства *Ullstein*, Берлин. Питер Мунц сам любезно передал

нам свою фотографию (5). Снимки кухонного шкафчика, изготовленного Поппером, и камина в комнате Н3 сделаны Джоном Айдиноу и Дэвидом Эдмондсом соответственно.

Литература

В этой работе для нас оказались особенно ценными следующие книги (и мы рекомендуем их всем, кого заинтересовали затронутые нами темы): Malachi Hacohen, *Popper: The Formative Years 1902-45* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000); Ray Monk, *Wittgenstein: The Duty of Genius* (London: Cape, 1990); Michael Nedo and Michele Ranchetti, *Wittgenstein: Sein Leben in Bildern and Texten* (Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1983); Friedrich Stadler, *The Vienna Circle: Studies in the Origins, Development, and Influence of Logical Empiricism* (Vienna and New York: Springer, 2000)

Следующие источники тоже принесли нам большую пользу:

Agassi, Joseph, *A Philosopher's Apprentice* (Amsterdam: Rodopi, 1993)

Ayer, A. J., *Russell* (London: Fontana, 1972)

– *Part of My Life* (London: Collins, 1977)

– *More of My Life* (London: Collins, 1984)

– *Wittgenstein* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1985)

Bambrough, Renford, ed., *Plato, Popper and Politics* (Cambridge: Hef-fer, 1967)

Bartley, William Warren III, *Wittgenstein* (London: Cresset, 1988)

Beller, Steven, *Vienna and the Jews* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989)

Bernhard, Thomas, *Wittgenstein's Nephew,* trans. David McLintock (London: Quartet, 1986); originally published as *Wittgensteins Neffe* (Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1982)

Bett, Richard, *Sextus Empiricus against the Ethicists* (Oxford: Oxford University Press, 1997)

Bouwsma, O. *K., Wittgenstein Conversations,* ed. J. L. Craft and Ronald E. Hustwit (Indianapolis: Hackett, 1986)

Braithwaite, Richard, *Scientific Explanation* (Cambridge: Cambridge University Press, 1953)

Broad, C., *The Mind and Its Place in Nature* (London: Kegan Paul, 1925)

Carpenter, Humphrey, *The Envy of the World* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1996)

Cartwright, N., et al. *Otto Neurath: Philosophy between Science and Politics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996)

Clark, Ronald, *The Life of Bertrand Russell* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1975)

Cohen, R., Feyerabend, P., and Wartofsky, M., eds., *Essays in Memory of Imre Lakatos* (Dordrecht: Reidel, 1976)

D'Agostino, F., and Jarvie, I., eds., *Freedom and Rationality: Essays in Honour of John Watkins* (Dordrecht and London: Kluwer, 1989)

Dahrendorf, Ralf, *History of the LSE* (Oxford: Oxford University Press, 1995)

Davis, Norbert, *The Adventures of Max Latin* (New York: The Mysteri-ous Press, 1988)

Drury, Maurice, *The Danger of Words* (London: Routledge, 1973)

Eagleton, Terry, *Saints and Scholars* (London: Verso, 1987)

– *Wittgenstein: The Terry Eagleton Script, the Derek Jarman Film* (London: BFI, 1993)

Emmet, Dorothy, *Philosophers and Friends* (Basingstoke: Macmillan, 1996)

Engelmann, Paul, *Letters from Ludwig Wittgenstein* (Oxford: Basil Blackwell, 1967)

Essler, W., et al. *Epistemology, Methodology, and Philosophy of Sciences: Essays in Honour of Carl G. Hempel* (Dordrecht: Reidel, 1985)

Ewing, Alfred, *The Defition of Good* (New York: Macmillan, 1947)

Feigl, Herbert, *Inquiries and Provocations,* ed. R. Cohen (Dordrecht and London: Reidel, 1981)

Feinberg, B., and Kasrils, R., eds., *Dear Bertrand Russell* (London: Allen & Unwin, 1969)

Fenwick, Peter and Elizabeth, *The Hidden Door* (London: Headline, 1987)

Fogelin, Robert, *Wittgenstein* (Boston and London: Routledge & Kegan Paul, 1980)

Fraenkel, Josef, ed., *The Jews of Austria* (London: Vallentine Mitchell, 1967)

Friedländer, Saul, *Nazi Germany and the Jews Vol. I* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1997)

Gadol, Eugene, ed., *Rationality and Science: Memorial Volume for Moritz Schlick* (Vienna: Springer, 1982)

Gates, Barbara, *Victorian Suicide* (Princeton, NJ, and Guildford: Princeton University Press, 1988)

Geach, Peter, ed., *Wittgenstein's Lectures on Philosophical Psychology* 1946-7 (Brighton: Harvester, 1988)

Peter Geach, Philosophical Encounters, ed. H. Lewis (Dordrecht: Kluwer, 1990)

Geier, Manfred, *Karl Popper* (Hamburg: Rowohlt, 1994)

Gellner, Ernest, *Language and Solitude* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998)

Golland, Louise, McGuinness, Brian, and Sklar, Abe, eds., *Reminiscences of the Vienna Circle and the Mathematical Colloquium* (Dordrecht and London: Kluwer Academic, 1994)

Gombrich, Ernst, *The Visual Arts in Vienna circa 1900* (London: Austrian Cultural Institute, 1996)

Gormally, Luke, ed., *Moral Truth and Moral Tradition: Essays in Honour* of *Peter Geach and Elizabeth Anscombe* (Blackrock: Four Courts Press, 1994)

Grayling, Anthony, *Wittgenstein* (Oxford: Oxford University Press, 1988)

Russell (Oxford: Oxford University Press, 1996)

Gulick, Charles A., Austria from Habsburg to Hitler (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1948)

Hahn, Hans, *Empiricism, Logic and Mathematics,* ed. B. McGuinness (Dordrecht and London: Reidel, 1980)

Hamann, Brigitte, *Hitler's Vienna* (New York and Oxford: Oxford University Press, 1999)

Handing, Oswald, *Wittgenstein's Later Philosophy* (Basingstoke: Macmillan, 1989)

Hayes, John, Introduction to *M. O'C. Drury. The Danger of Words and Writing* (Bristol: Thoemmes Press, 1996)

Hijab, Wasti, Unpublished memoirs

Hilberg, Raoul, *The Destruction of the European Jews* (New York and London: Holmes & Meier, 1985)

Hirschfeld, Leon, *Was nicht in Baedeker steht* (Munich: Piper, 1927)

Hodges, Andrew, *Alan Turing: The Enigma of Intelligence* (London: Unwin, 1985)

Ignatieff, Michael, *Isaiah Berlin* (London: Chattto & Windus, 1998)

Janik, Allan, and Toulmin, Stephen, *Wittgenstein's Vienna* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1973)

Janik, Allan, and Veigl, Hans, *Wittgenstein in Vienna* (Vienna: Springer,1998)

Jarvie, Ian, and Pralong, Sandra, *Popper's Open Society after Fifty Years* (London: Routledge, 1999)

Jones, Ernest, *The Life and work of Sigmund Freud*, ed. Lionel Trilling and Steven Marcus (London: Hogarth, 1962)

Josipovici, Gabriel, *On Trust* (New Haven and London: Yale Universi-ty Press, 1999)

Kenny, Anthony, *Wittgenstein* (Harmondsworth: Penguin, 1975)

Kiesewetter, Hubert 'The Birth of Karl Popper's *The Open Society and Its Enemies'*, in (title and publication details to follow, 2001)

Kraft, Viktor, *The Vienna Circle: The Origin of Neo-Positivism* (New York: Philosophical Library, 1953)

Kripalani, Krishna, *Tagore: A Biography* (London: Oxford University Press, 1962)

Leavis, F. R., *The Critic as Anti-Philosopher: Essays and Papers*, ed. G. Singh (London: Chatto & Windus, 1982)

Levinson, Paul, *In Pursuit of Truth* (Brighton: Harvester, 1982)

Levy, Paul, *G. E. Moore and the Cambridge Apostles* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1979)

McGuinness, Brian, ed., *Wittgenstein and His Times* (Oxford: Blackwell, 1982)

– ed., *Moritz Schlick* (Dordrecht: Reidel, 1985)

– *Wittgenstein: A Life* (London: Duckworth, 1988)

McLendon, Hiram, Unpublished memoir of Bertrand Russell

Magee, Bryan, *Popper* (London: Fontana, 1973)

– *Confessions of a Philosopher* (London: Phoenix, 1997)

Malcolm, Norman, *Ludwig Wittgenstein: A Memoir* (London: Oxford University Press, 1958)

– Wittgenstein: *A Religious Point of View* (London: Routledge, 1993)

Menger, Karl, *Morality, Decision and Social Organization* (Dordrecht: Reidel, 1974)

Minois, Georges, *History of Suicide* (Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1999)

Monk, Ray, *Bertrand Russell: The Spirit of Solitude* (London: Cape, 1996)

Moore, G. E., *Principia Ethica* (Cambridge: Cambridge University Press, 1903)

– *Commonplace Book,* ed. C. Lewy (London: Allen & Unwin, 1962)

Munz, Peter, *Our Knowledge of the Growth of Knowledge* (London: Routledge & Kegan Paul, 1985)

Musil, Robert, *Young Törless* (London: Panther Books, 1971)

Nemeth, E., and Stadler, F., *Encyclopedia and Utopia: The Life and Work of Otto Neurath* (Dordrecht, London: Kluwer, 1996)

Neurath, M., and Cohen, R., eds., *Otto Neurath: Empiricism and Sociology* (Dordrecht: Reidel, 1973)

Nicolson, Nigel, ed., *The Letters of Virginia Woolf Vol. 6* (London: Hogarth, 1980)

Paperno, Irina, *Suicide as a Cultural Institution in Dostoyevsky's Russia* (Ithaca and London: Cornell University Press, 1997)

Perloff, Marjorie, *Wittgenstein's Ladder* (Chicago, University of Chicago Press, 1996)

Pevsner, Nikolaus, *Cambridgeshire* (Harmondsworth: Penguin, 1954)

Pinsent, David, *Portrait of Wittgenstein as a Young Man,* ed. G. H. von Wright (Oxford: Basil Blackwell, 1990)

Popper, Karl, *The Open Society and Its Enemies* (London: Routledge & Kegan Paul, 2 vols., 1945)

– *The Poverty of Historicism* (London: Routledge, 1957)

– *The Logic of Scientific Discovery* (London: Hutchinson, 1959)

– *Conjectures and Refutations* (London: Routledge & Kegan Paul, 1963)

– *A Pocket Popper,* ed. David Miller (London: Fontana 1983)

– *Unended Quest: An Intellectual Autobiography* (London: Flamingo, rev. edn, 1986)

– *A World of Propensities* (Bristol: Thoemmes, 1990)

– *In Search of a Better World* (London: Routledge, 1992)

– Kyoto lecture transcript: 'How I Became a Philosopher without Trying' (1992)

– *Knowledge and the Body-Mind Problem,* ed. M. Notturno (London: Routledge, 1994)

– *The Myth of the Framework,* ed. M. Notturno (London: Routledge, 1994)

– *The Lesson of This Century* (London: Routledge, 1997)

Redpath, Theodore, *Ludwig Wittgenstein* (London: Duckworth, 1990)

Rhees, Rush, *Recollections of Wittgenstein* (Oxford: Oxford University Press, 1984)

Rogers, Ben, *A. J. Ayer: A Life* (London: Chatto & Windus, 1999)

Roth, Joseph, *The String of Pearls,* trans. Michael Hofmann (London: Granta, 1998)

Russell, Bertrand, *The Problems of Philosophy* (London: Oxford University Press, 1912)

– *Introduction to Mathematical Philosophy* (London: Allen & Unwin, 1919)

– *An Outline of Philosophy* (London: Allen & Unwin, 1927)

– *A History of Western Philosophy* (New York: Simon & Schuster, 1945)

– *Human Knowledge: Its Scope and Limits* (London: Allen & Unwin, 1948)

– *Logic and Knowledge,* ed. R. C. March (London: Allen & Unwin, 1956)

– *Portraits from Memory and Other Essays* (London: Allen & Unwin, 1956)

– *My Philosophical Development* (London: Allen & Unwin, 1959)

– *The Autobiography of Bertrand Russell* (London: Allen & Unwin, 1967-9)

– *Russell on Ethics,* ed. Charles Pigden (London: Routledge, 1999)

Ryan, Alan, *Bertrand Russell: A Political Life* (London: Allen Lane, 1988)

Ryle, Gilbert, *Collected Papers* (Bristol: Thoemmes, 1990)

Sarkar, Sahotra, *The Legacy of the Vienna Circle* (New York and London: Garland, 1996)

Sheamur, J., *The Political Thought of Karl Popper* (London: Routledge, 1996)

Schilpp, P. A., ed., *The Library of Living Philosophers – Moore* (Chicago: Northwestern University Press, 1942)

– ed., *The Library of Living Philosophers – Russell* (Chicago: North-western University Press, 1944)

– ed., *The Library of Living Philosophers – Broad* (New York: Tudor, 1960)

– ed., *The Library of Living Philosophers – Carnap* (London: Cambridge University Press, 1963)

– ed., *The Library of Living Philosophers – Popper* (La Salle: Open Court, 1974)

– ed., *The Library of Living Philosophers – Georg Henrik von Wright* (La Salle: Open Court, 1989)

Schlick, Moritz, *Philosophical Papers Vol.* 2, ed. Henk L. Mulder and Barbara F. B. van de Velde-Schlick (Dordrecht: Reidel, 1979)

Segar, Kenneth, and Warren, John, eds., *Austria in the Thirties* (Riverside, Cal.: Ariadne, 1991)

Skidelsky, Robert, John Maynard Keynes: A Biography Vol. 2 (London: Macmillan, 1992)

Smith, Joan, *Schoenberg and His Circle* (New York and London: Schirmer, 1986)

Stadler, F., ed., *Scientific Philosophy* (Dordrecht and London: Kluwer, 1993)

Steed, Wickham, *The Habsburg Monarchy* (London: Constable, 1913)

Stern, Fritz, *Gold and Iron* (London: Allen & Unwin, 1977)

Toulmin, Stephen, *Cosmopolis* (Chicago: University of Chicago Press, 1990)

Tagore, Rabindranath, *Gitanjali* (London: Macmillan Ltd, 1913)

Uebel, Thomas, ed., *Rediscovering the Forgotten Vienna Circle* (Dor-drecht and London: Kluwer, 1994)

Waismann, Friedrich, *Philosophical Papers,* ed. B. McGuinness (Dordrecht: Reidel, 1976)

– *Wittgenstein and the Vienna Circle,* ed. B. McGuinness (Oxford: Blackwell, 1979)

Walter, Bruno, Theme and Variations (London: Hamish Hamilton, 1947)

Wilkinson, L. P., *A Century of King's* (Cambridge: King's College, 1980)

Wisdom, John, *Other Minds* (Oxford: Blackwell, 1952)

Wistrich, Robert, *The Jews of Vienna in the Age of Franz Josef* (Oxford: Oxford University Press, 1990)

Wittgenstein, Ludwig, *Tractatus Logico-Philosophicus,* trans. C. K. Ogden (Routledge & Kegan Paul, 1922); rev. trans. by D. Pears and B. McGuinness (London: Routledge, 1961)

– *Wörterbuch für Volksschulen* (Vienna: Hölder-Pichler-Tempsky, 1926)

– *Philosophical Investigations*, ed. E. Anscombe and G. H. von Wright (Oxford: Blackwell, 1953)

– *Philosophical Remarks,* ed. Rush Rhees (Oxford: Blackwell, 1975)

– *Culture and Value*, ed. G. H. von Wright (Oxford: Blackwell, 1980)

– *Zettel*, ed. E. Anscombe and G. H. von Wright (Oxford: Blackwell, 1981)

– *Philosophical Occasions 1912–1951*, ed. James Klagge and Alfred Nordmann (Cambridge: Hackett, 1993)

– *Cambridge Letters*, ed. B. McGuinness and G. H. von Wright (Oxford: Blackwell, 1995)

Wood, Alan, *Bertrand Russell: The Passionate Sceptic* (London: Allen & Unwin, 1957)

Wood, O., and Pitcher, G., *Ryle* (London and Basingstoke: Macmillan, 1971)

Wuchterl, Kurt, and Hьbner, Adolf, *Wittgenstein* (Hamburg: Rowohlt, 1979)

Публикации в периодических изданиях и статьи

Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society, 43 (1997), David Miller, 'Sir Karl Popper'; Encounter, January 1969; *The Guardian*, 19 September 1994; *Journal of Modern History*, 71 (March 1999), Malachi Hacohen, 'Dilemmas of Cosmopolitanism: Karl Popper, Jewish Identity, and "Central European Culture"'; *Journal for the Philosophy of Science*, 3 (1952); *Mind*, vol. 56, no. 222 (April 1947), and vol. 60, no. 239 (July 1951); *New Statesman*, 30 August 1999; *Polemic*, May 1946; *Proceedings of the Aristotelian Society*, supplementary vol. 20 (1946); *Proceedings of the British Academy* 94 (1997); *Russell*, vol. 12, no. 1 (summer 1992); *Sunday Times*, 9 December 1945; *Tages-Anzeiger* (Switzerland), 1 April 2000; *The Times*, 25 and 26 October 1946, 18 November 1946, 2 May 1951; *Times Literary Supplement*, 24 August 1946, letters published in February and March 1998, and Steven Beller review of *Thinking with History* by Carl Schorske, 15 July 1999; *The Venture*, no. 5 (February 1930); *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, April 1998, John M. Steiner and Jobst Freiherr von Cornberg, '*Befreiungen von den antisemitischen Nürnberger Gesetzen*'

Интервью и письма

Joseph Agassi, Lord Annan, Joan Bevan, Peter Baelz, Peter Conradi, Lord Dahrendorf, Sir Michael Dummett, Dorothy Emmet, Peter and Elizabeth Fenwick, Anthony Flew, Peter Geach, Ivor Grattan-Guin-ness, Peter Gray-Lucas, John Grey, Malachi Hacohen, Sir Stuart Hampshire, Wasfi Hijab, Christopher Hindley, Andrew Hodges, Allan Janik, Georg Kreisel, Melitta and Raymond Mew, David Miller, Peter

Munz, Alan Musgrave, Michael Nedo, Arne Petersen, Charles Pigden, Stephen Plaister, Joan Ripley, David Rowse, Dennis Sciama, Antonio Sewell, Jeremy Shearmur, Peg Smythies, Friedrich Stadler, John and Veronica Stonborough, Barbara Suchy, Stephen Toulmin, Hans Veigl, John Vinelott, John Watkins, Maurice Wiles, Sir Colin St John Wilson, Michael Wolff

Архивы

Austrian State Archive, Vienna; Bergier Commission, Zürich; Brenner Archive, Innsbruck; Cambridge University Library Archives; King's College Archives, Cambridge; National Archives (FBI and CIA), Maryland; Bodleian Library Oxford Archives (Academic Assistance Council records); Popper Archive at the Hoover Institution/London School of Economics; Popper Library, Klagenfurt; Public Record Office, London; Reichsbank Records, Frankfurt; Russell Archive, Hamilton, Ontario; Trinity College Archives, Cambridge; Wittgenstein Archive, Bergen; Wittgenstein Archive, Cambridge

11. Заказ № 2365.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Людвиг Витгенштейн в дни истории с кочергой
2. Карл Поппер в 1946 году
3. Кингз-колледж, Кембридж
4. Ричард Брейтуэйт
5. Питер Мунц в 1946 году
6. Клуб моральных наук: программа на семестр
7. Бертран Рассел в сороковые годы
8. Витгенштейн с сестрами
9. Поппер с сестрами
10. Радиатор, спроектированный Витгенштейном в 1928 году
11. Буфет, сделанный Поппером
12. Вход на Аллеегассе, 16
13. Квартира Поппера
14. Мориц Шлик, основатель Венского кружка
15. Поппер — учитель в Вене, 1930-е годы
16. Декларация имущества, заполненная сестрой Витгенштейна Германной
17. Витгенштейн и Бен Ричардс
18. Карл и Хенни
19. Адольф Гитлер в 1938 году
20. Поппер в начале 1960-х
21. Камин в комнате Н3

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ТЕРМИНОВ

ЛВ – Людвиг Витгенштейн
КП – Карл Поппер

Августин Блаженный, «Исповедь» 200
Австрийская Республика 108, 132, 133, 299
австрийское радио 58
австро-венгерская армия 105, 113, 298
Австро-Венгерская империя 78, 79, 102-105, 108, 113
Агасси, Джозеф 93, 172, 180, 184, 238, 308
Адлер, Альфред 82, 300
Айер, А. Дж. 16, 33, 72, 95, 152, 154, 155, 160, 218, 278
«Язык, истина и логика» 152
«Академикус» 148
Академия общественных наук Китая 242
Альтенберг, Петер 79
Аннан, Ноэль 206
Антисемитизм 98, 104-108, 112, 115, 116, 119, 143, 147, 222
Аншлюс 116, 117, 121, 123, 124, 127, 132, 133, 136, 142, 149, 304
Аристотелевское общество 57, 67, 73, 181, 211, 218, 304
Аристотель 59, 253, 254, 294
Арнольд, Мэтью 273, 274
Архив Витгенштейна в Кембридже 17, 118, 309, 311
Ассоциация работников образования 198

Баркер, Эрнест 264
Бартли, III, Уильям Уоррен 183, 211
Беван, Джоан 75, 197, 204, 205, 308
Беккет, Сэмюэл 28
Белл, Ванесса 195
Белл, Джулиан 194-196, 311
Беллер, Стивен 107
Бентуич, Норман 124
Берг, Альбан 79, 87
Берген, Норвегия 63, 310
Беркли, Джордж 224
Берлин в жизни Витгенштейна 47, 121, 122, 138, 297, 304
Берлин, Исайя 35, 95, 154, 304
Берлинская стена 32
Бернхард, Томас 86, 89, 92
«Племянник Витгенштейна» 89

бесконечность 68, 243, 246, 252-256, 277
Бисмарк, Отто фон 86
Блайхредер, Герсон 134, 143
Блант, Энтони 195, 210
Блетчли-парк 21, 95
Блумсберийский кружок 64, 65, 195, 210
Бонди, Герман 183
Бонн 153
Бор, Нильс 152, 215, 304
Боровицка, Сильвия 146
Боувсма, О. К. 56, 120, 205
Брамс, Иоганн 87
братство «Апостолы» 68, 195, 210, 298
Брейтуэйт, Маргарет (урожд. Мастерман) 70, 71, 163,
Брейтуэйт, Ричард Беван 16, 35, 55, 66, 70, 194, 249, 311
жилец комнаты Н3 13
и Вайсман 71, 163
извинение перед ЛВ 69
и судьба кочерги 296
отношения с КП 67, 269, 287
преподаватель философии морали в Найтсбридже 68, 74
роль в инциденте с кочергой 23, 67, 206, 207, 268-270, 272, 274, 291
совет Хайджабу 16
Британская академия 9
Британский институт философии 193
Бронштейн, Лев (Троцкий) 80
Броуд, Чарли Данбар 35, 40, 66, 68, 70, 74-77, 227, 249
Брук, Руперт 210
Бэкон, Фрэнсис 238
Бюлер, Карл 82, 84
Бюлер, Шарлотта 84
Бюро университетов Британской империи 221
BBC 238, 261, 310

Вайнлотт, Джон 14 ,19, 20, 25, 34, 36, 193, 276, 308
Вайсман, Фридрих 71, 92, 149, 151, 156, 157, 162-165, 176, 221, 249, 270, 281, 282, 301, 302
Вайцзекер, Рихард фон 213
Вальдхайм, Курт 213
Вахтель, Сэмюэль 136, 139, 140
Веберн, Антон 87

Вейнингер, Отто 102 ,117, 238, 297
«Пол и характер» 102, 297
Вена 47, 78-85, 138, 176
fin-de-siècle 10, 15
КП пытается покинуть Вену 57
экспрессивность 67
бегство Вайсмана из Вены 71
сплоченный город 79, 93
бегство Фрейда из Вены 81
Гитлер в Вене в молодости 86
привязанность ЛВ к Вене 92
венские евреи 97-109, 110, 116, 125
нацисты в Вене 113, 114
заявление Геринга 124
Венский кружок 79, 92, 165-166, 270
создание 51, 102, 145-146
членство 102, 151-152
доктрина логического позитивизма 146, 151, 152-153, 160
Нельбок – убийца Шлика и Венского кружка 147
ЛВ и Венский кружок 151, 153-157, 160-165, 172, 174, 295
КП и Венский кружок 168-177
влияние на кружок 152
интеллектуальные отцы-основатели 153-154
принципы философии 158-160
манифест (1929) 153, 158, 164
изгнанники 165
и вероятность 251
Wissenschaftliche Weltauffassung: Der Wiener Kreiss («Научное миропонимание: Венский кружок») 153
Венский университет 143, 145, 148, 168
верификации принцип 158-160, 166, 173-175, 246, 247
вероятность 68, 173, 175, 246, 248-252
Вистрих, Роберт 104, 108, 114
Вригт, Георг Хенрик фон 35, 70, 118, 192, 205
«Культура и ценность» 118
Витгенштейн, Ганс (брат ЛВ) 198
Витгенштейн, Герман Христиан (дедушка ЛВ по отцу) 103, 126, 128, 131, 140, 305
Витгенштейн, Гермина (сестра ЛВ) 49, 82, 91, 126, 128, 130-132, 138-140, 202, 204, 305, 311
Витгенштейн, Карл (отец ЛВ) 86-89, 93, 102, 126, 127, 198, 297
Витгенштейн, Курт (брат ЛВ) 198, 199

Витгенштейн, Леопольдина (мать ЛВ) 87, 127, 297
Витгенштейн, Людвиг Йозеф Иоганн
председатель Клуба моральных наук 7, 40, 41
история с кочергой 8, 11, 18-26, 43, 60, 144, 176-177, 178, 206-208, 223, 227-229, 236-237, 259, 263-275, 276-282, 286-287, 288, 294, 296
происхождение 9-10, 78, 86-87, 176, 198
отношение Поппера к ЛВ как к врагу философии 11
о памяти 12
занятия в Тринити-колледже 13-14
как учитель 16, 17, 20, 27, 29, 36, 81, 82, 92, 122, 155, 190, 266
внешность 18, 35
афоризмы 21
влияние 11, 17, 27-29, 32, 35-36, 66, 73, 191, 212, 236, 295
личность 27-29, 37, 91, 92, 100, 196
в сравнении с КП 30-32, 78-85, 97, 176, 178, 198, 211-212
преданность учеников 35
ученики-апостолы 35-37, 61, 236
ЛВ и логика 43, 48, 63, 200
отношения с Расселом 43-44, 46-56, 239, 259
попытки самоубийства 49, 199
отношения с Муром 62-63
в Норвегии 49, 63, 163, 199, 206, 298, 302-304, 306
Брейтуэйт просит прощения у ЛВ 69
подозрительность и страх перед плагиатом 69
ЛВ оставляет работу70
презрение КП к философии ЛВ 170, 172, 238, 265, 270
ЛВ и Юинг 72
отношения с Броудом 74
ЛВ и Фрейд 82
ЛВ и Мориц Шлик 84, 92, 155
начало аскетической жизни 91
военная служба 93-94, 128
еврейство 115-120
«исповеди» в грехах 117-119
взгляды на ассимиляцию 118
натурализация 137-138
помогает сестрам изменить расовый статус 138-141
отношение к Вайсману 151, 162-165, 176
ЛВ и Венский кружок 151, 153-156, 161-165, 295
отношения с людьми 190-193, 197-199, 267

страсть к точности 202-204
создание дома на Кундманнгассе 202-203
способность внушать страх 205
отвращение к Кембриджу 209, 266
репутация у философов XX века 294-295
интеллектуальное наследие 295
смерть (1951) 165
некрологи 56, 92, 115, 230
«Культура и ценность» 203
«Философские исследования» 83, 238, 239, 289, 303
«Логико-философский трактат» 19, 50-52, 54-56, 68, 93-95, 155, 160-161, 170, 211, 216, 217, 229, 230, 234-236, 239, 250, 258, 298-301
«Что такое философия?» (статья) 39
«Словарь для народных школ» 30, 83, 211, 300
Витгенштейн, князь 115
Витгенштейн, Пауль (брат ЛВ) 87, 88, 91, 116, 122, 123, 126, 128-134, 136, 139-141, 298, 301, 309
Витгенштейн, Рудольф 198
Витгенштейн I 229-231, 234-235, 236, 289
Витгенштейн II 229-235, 236, 289
внешний мир, знание о 64, 74, 91
Волфф, Майкл 15, 22, 23, 38, 39, 65, 71, 308
воспоминания 12, 257, 281-283, 290
восприятие 74
Всемирная сионистская организация 107
Вторая мировая война 7, 8, 19, 21, 30, 54, 66, 76, 94, 126, 134, 137, 141-144, 149, 150, 165, 189, 193, 206, 222, 260, 292, 305
вторичные качества 179, 257
Вудхауз П. Г. «Коттедж «Жимолость»» 200
Вулф, Вирджиния 65, 195
Wahrheitstheorie (теория истины) 181
Wahtell, Manheim & Group, фирма 136
The Venture 194, 195

Гавел, Вацлав 213
Галилео Галилей 247
Гая больница, Лондон 76, 94, 203, 210
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 153, 169, 213, 242
гегельянцы 226
Гедель, Курт 80, 151, 152, 165, 166
Гейдрих, Рейнхард 122

Гейзенберг, Вернер: принцип неопределенности 251, 252
Геллнер, Эрнест 28, 95, 219
Гемпель, Карл 152, 165, 166, 175
Гемпеля парадокс 166
Генеалогических исследований бюро, отдел 131, 135, 139, 140
Георг VI, король 204
Гераклит 223
Геринг, Герман 113, 124, 125, 132, 262
Гертон-колледж, Кембридж 269
Герцль, Теодор 107, 112
Гесс, Рудольф 128
Гиббс, Джеймс 12
Гиббса корпус, Кингз-колледж, Кембридж 7, 12, 13, 292
Гильберт, Давид 152
Гитлер, Адольф 101, 102, 105, 113, 114, 119, 123, 222, 243, 297
  и Вена 86, 104
  приход к власти (1933) 113
  речь на Хельденплац 121, 311
  и евреи 123, 126-129, 134, 136
  о Нюрнбергских законах 126, 127
  и Чехословакия 136
  пакт со Сталиным 136
  Mein Kampf 110, 113, 119, 120
Гич, Питер 9, 15, 276, 277, 308
  роль в истории с кочергой 20-23, 25, 26, 67, 278, 279
  дружба с ЛВ 20, 192
  и католичество 20
Гладстон, Уильям Эварт 44
Глекель, Отто 82, 84
головоломки (*см. философия*)
Гомбрих, Эрнст 106, 142, 182, 217, 265, 304
Гомперц, Генрих 171, 172
Гомперца кружок 171, 172, 273
гравитация 247, 248
Граттан-Гиннес, Айвор 180, 284, 308
Граф, Роза 80
Граца университет 81
Грей-Лукас, Питер 15, 21, 23, 29, 308
Гриффитс, Джеймс 261
Грубль, Раймунд 110
Гувер, Герберт 81, 82
Гуоткин (адвокат) 138

Далай-лама 213
Даммет, Майкл 165
Дарендорф 180, 181, 219, 308
Дейн, Клеменс 195
Декарт, Рене 61, 223, 232, 294
демократия 243, 244, 292,
детерминизм 145
Джемс, Уильям 200, 298, 306
Диккенс, Чарльз 200
Дольфуса убийство, нацистский путч (1934) 165, 303
Доннелли, Люси 48
Достоевский, Федор 200
Дрейфус, Альфред 107
Друри, Морис О'Коннор 119, 123, 137, 138, 256, 304
Дункан-Джонс, Э. 214, 215
Дэвис, Норберт 200, 201
Die Fackel 79, 89, 93

еврейский вопрос 97, 148
евреи
общность происхождения (???) ЛВ и КП 97
ассимиляция 97, 100, 107, 108, 112, 119 ,126, 127, 144
в Вене 97-109
обращение в христианство 98-100
интеллектуалы
«евреи в галстуках» и «евреи в лапсердаках» 107
эмиграция 109, 124, 125, 129, 130
национализм 107
притеснения евреев 123-129
Mischlinge (с примесью еврейской крови) 127, 128, 139, 141
изменение расового статуса в нацистской Германии (Befreiung) 128
голландские 134
переговоры с Рейхом 136-141
Елизавета, королева (позже королева-мать) 204
Jewish year book 111

«Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» 254

Закон о гражданстве рейха 140
Зальцер, Макс 130
Зальцер, Хелена (урожд. Витгенштейн, сестра ЛВ) 91, 126, 128, 130-132, 139, 198

Зейсс-Инкварт, Артур 133
Зейсс-Инкварт, Рихард 134
Зенон Элейский 252, 253
Зухи, Барбара 99, 309, 310

Иглтон, Терри 27
Игнатьефф, Майкл 35
игр теория 68, 231
индукция 184, 218, 243, 246, 248, 252, 256, 257, 277
Институт философии науки имени Людвига Больцмана, Вена 176, 181
Иоаким, Йозеф 99
Ирландия 199, 267, 305
Исландия 90, 199, 298
Ислер, Алан, *«Принц Вест-Эндский»* 99

Йеллинек, Адольф 105

Кавендиш, Генри 275, 277
кампания за ядерное разоружение 46
Кампе, Гарриет Фрайфрау фон 134
канадская военная разведка 126, 133
Кант, Иммануил 58, 61, 153, 154, 270, 288, 294
Кантор, Георг 254, 255, 257
Карнап, Рудольф 151, 154, 156, 161, 162, 165, 169, 171, 172, 174, 215, 249, 301, 302
«Логическая конструкция мира» 162
католическая церковь 108, 109, 124, 171
католичество 20, 110, 118, 16, 147
Кауфманн, Феликс 151, 169, 215
Кафка, Франц 28
квантовая механика 249, 251
Кейнс, Джон Мейнард 27, 51, 52, 132, 137, 138, 197, 210, 249, 250
«Трактат о вероятности» 250
Келлер, Готфрид 200
Кембриджский университет 11, 16, 17, 19-22, 33, 33, 37, 39, 45, 49, 52, 56, 58, 62-67, 69-71, 73, 74, 76, 90, 92, 94, 153, 163, 191, 192, 195, 196, 209-211, 216, 218, 221, 228, 256, 261, 282, 292, 297, 301-304, 306, 308-310
философия 16, 61, 66, 74, 153, 239
библиотека 33

Клуб моральных наук 7, 13, 33, 34, 50, 56, 62, 65, 72, 205, 206, 207, 218, 220, 233, 237, 246, 248, 249, 256
профессорско-преподавательский состав 61-77
отвращение ЛВ к Кембриджу 209, 266
Кенли, южный Лондон 186, 213, 306
Кентерберийского университета колледж, Крайстчерч, Новая Зеландия 58, 216, 221, 304
Кестен, Герман 101
Кингз-колледж, Кембридж 7, 12, 67, 195, 206, 260, 287, 292, 308, 310, 311
Клара, тетя ЛВ 122
Климт, Густав 88, 89
Клуб моральных наук 7, 13, 33, 34, 50, 56, 62, 65, 72, 205, 206, 207, 218, 220, 233, 237, 246, 248, 249, 256
и инцидент с кочергой (25 октября 1946 года) 18, 20, 25, 114, 240, 263, 266, 268, 278, 283-290, 298, 302-305, 311
ЛВ как председатель 40
слушатели 14, 33-35
Хайджаб как секретарь 16, 18
протоколы 18, 33
визит Берлина 35
и «парадокс Мура» 38
место для проверки новых, неоперившихся идей 38
Мур как председатель 39-40
«звездочки» в расписании 41
Маргарет Брейтуэйт как секретарь 70
Броуд и Клуб моральных наук 74-76
Клуб «Осиное гнездо» 184
Коль, Гельмут 213
коммунизм 220, 244, 293, 299
крах коммунистических режимов 32, 213
компьютер «Бомба» 95
Конан Дойл, Артур, *«Этюд в багровых тонах»* 276
Конради, Питер 191, 308
копенгагенская интерпретация квантовой механики 251
Корбах 139, 140
Корнеллский университет 36, 72, 205
Крайзель, Георг 15, 21, 34, 71, 308
Крайский, Бруно 213
Краус, Карл 79, 93, 101, 102, 112, 117, 119
Крафт, Виктор 103, 151, 169, 171, 175, 215, 302
Кристи, Агата 200

Куайн, Уильям 152
Кун, Томас 293
Кьеркегор, Серен 199, 200
Cambridge Daily News 138
Cambridge University Press 21, 265, 313
Cogito ergo sum (Декарт) 224, 232
Contemporary Review 199

Лакатос, Имре 183-185, 247, 248
Лаури, Малкольм 195
Леви, Казимир 276
Левин, Бернард 179
Леман, Джон 195
Ливис, Ф. Р. 35, 92, 164, 193, 194, 201
Линц 123, 124, 297, 301
логика
    парадокс Мура 38
    ЛВ и логики 43, 49, 64, 199
    Рассел и логика 43-56, 153, 154
    философская 61
логический атомизм 225, 229
логический позитивизм 16, 79, 146, 148, 150, 160, 174, 281, 294
«лодка Нейрата» 166
Локк, Джон 224, 257, 274, 284
Лондон 94, 236
Лондонская школа экономики 7, 9, 58, 142, 179, 214, 217-219, 250, 270, 279, 287, 293, 305-307, 310
Лоос, Адольф 79, 102, 202
Лопокова, Лидия 197
Луис, дядя (дядя ЛВ) 117, 122
Лю Цзюнь-нин 242, 308
Люгер, Карл 104, 105, 107

Маги, Брайан 30, 178, 187, 219
Майер, Курт 139, 140
Майер, Моисей (прадедушка ЛВ по отцу) 115
Маклендон, Хирам 24, 280, 283, 288
Макнис, Луи 195
Малер, Густав 87, 175
Манчестер 47, 68, 69, 181, 193, 297
Мария-Валерия (дочь императора Франца-Иосифа) 105
Маркс, Карл 169, 213, 241, 278, 298

марксизм 241, 242, 269
Мастерман, Маргарет см. Брейтуэйт, Маргарет
Мастерман, Чарльз 70
математика 20, 152, 154, 166, 224, 254
Маутнер, Фриц 238
Мах, Эрнст 102
Медавар, Питер 183, 212
Международный (Нюрнбергский) трибунал 262
Мейнонг, Алексиус 226, 227
Менгер, Карл 157, 165, 303
Мендельсон, Феликс 99
Мердок, Айрис 190, 191, 204
«Сон Бруно» 191
«Монахини и солдаты» 191
«Ученик философа» 191
«Под сетью» 191
метафизика 148, 150, 158, 161, 175, 225
Милли, тетя (тетя ЛВ) 117, 131
Министерство внутренних дел Великобритании 137
Митчелл, Питер 183
Мольер, Ж.-Б. 200
Монк, Рэй 119, 120, 206
мораль 64, 68, 74
Моррел, леди Оттолин 48-50
Моцарт, Вольфганг Амадей 262
Мунц, Питер 15, 19, 23, 59, 93, 236, 266, 278, 308, 311
Our Knowledge of the Search to Knowledge 15
Мур, Дороти 62
Мур, Джордж Эдвард 21, 35, 38-40, 61-65, 70, 71, 76, 131, 195, 211, 215, 216, 221, 249, 298, 303, 305
домик, снятый Тулмином у Мура 21
парадокс Мура 38
в ученом совете по докторской диссертации ЛВ 52
выходит на пенсию 62
личность 62
отношения с ЛВ 62-64
путешествие в Норвегию 63
девиз 64
широта интересов 64, 65
ЛВ критикует доклад Мура в Клубе моральных наук 205
Principia Ethica 64, 65
Мью, Мелитта 186, 189, 219, 309, 311

Мью, Рэймонд 189, 309
Mind, ассоциация 67, 73
Mind, журнал 56, 69, 211, 264, 265
Mischlinge 127, 128, 138, 139, 305

Наполеон Бонапарт 115
натуралистическая ошибка 65
наука
философия науки 68, 176, 293
научный прогресс 84
дает обоснование животной ненависти 107
и логический позитивизм 152-153
подчиненная роль философии по отношению к науке 158
и ненаука 175, 184
и псевдонаука 175, 243
научные предсказания 242, 247
нацизм 78, 138, 220, 241, 242, 293
и Блечли-парк 21, 95
КП, «вклад в победу» над нацизмом 95, 242
фашиствующая молодежь 113
в Австрии 122
принуждение евреев к эмиграции 123
«Хрустальная ночь» 124, 125
расовые теории 126
переговоры Витгенштейнов с нацистами 135-141
вторжение в Нидерланды (1940) 165
национализм 107, 111-113, 293
Нацистская партия Австрии 114, 139
Недо, Михаэль 118, 221, 289, 290, 309-311
Нейрат, Отто 151, 152, 161, 165, 168
Нельбек, Иоганн 145-150
неомарксизм 241, 242
Нидем, Джозеф 215
Николсон, Гарольд 105
Ницше, Фридрих Вильгельм 294, 298
Новая Зеландия 7, 8, 14, 15, 19, 30, 62, 67, 84, 95, 122, 142, 182, 187, 214, 216, 217, 221, 236, 264-266, 283, 293, 304
Норвегия 49, 63, 66, 163, 199, 200, 206, 298, 302-304, 306, 310 Нью-Йорк, ЛВ в 139, 140, 304
Нью-Йоркский университет 45
Ньюкасл 94, 193, 305
Ньюмен, кардинал 200

Ньюнем, колледж, Кембридж 20 ,191
Ньютон, Исаак 14, 270
Ньютона законы 154
ньютонова физика 154, 247
Нюрнбергские законы 116, 119, 122, 126, 128, 139, 305
Neue Zürcher Zeitung 17
New Statesman 290

Огден, К. 81
Оксфордский университет 20, 35, 66, 71, 165, 218, 219, 221, 310
курс политики, философии и экономики 66
карьера Вайсмана 164, 165
становится центром витгенштейнианских исследований 66, 165, 294
Олл-Соулз-колледж, Оксфорд 35

ООН 262
Оствальд Вильгельм 51, 300
Остин, Джейн 188
Остин, Джон 33, 206
открытое общество 32, 243, 293
открытого общества Фонд 212
отношения между ум и телом 74, 246, 295

Пагуошское движение 46
Пале Витгенштейн, Вена 78, 86, 87, 101, 156, 262, 270
«смена парадигм» 293
Паскаль, Фаня 25, 31, 116, 120, 195, 197, 198
Педагогический институт, Вена 82-84, 301
Пенн, Бакингемшир 186, 284, 306
Первая мировая война 45, 46, 70, 78, 81, 89, 90, 94, 95, 100, 103, 107, 108, 117, 128, 129, 132, 134, 135, 199, 298, 299
первичные качества 179, 257
Перлофф, Марджори *«Лестница Витгенштейна»* 28
Перутц, Макс 183
Петерсен, Арне 33, 181, 185
Пинсент, Дэвид 43, 49, 90, 199, 200, 210, 298
Плейстер, Стивен 15, 21, 24, 308
Планк, Макс 150
Платон 17, 58, 169, 182, 213, 242, 243, 264, 265, 269, 278, 294
«Государство» 182
политика 241, 261

Понтиприд 137
Поппер, Анни (сестра КП) 31, 142
Поппер, Хенни (жена КП) 186-189, 301, 302, 311
Поппер, Женни (урожд. Шифф, мать КП) 110, 297
Поппер, Карл Раймунд
лекции в Лондонской школе экономики 7, 142, 250, 270, 279, 287, 293
происхождение и история семьи 110
в Новой Зеландии 7, 19, 62, 67, 84, 95, 122, 142-143, 216, 217, 221, 236, 264-266, 283
КП и тоталитаризм 7, 32
история с кочергой 7-9, 18, 19, 22-26, 41, 42, 60, 109, 114, 144, 177, 208, 223, 228, 235, 236, 259, 263-296
влияние 10-11, 212
и Тулмин 15
внешность 18, 31
как учитель 19, 82, 83, 113, 214, 222
в сравнении с ЛВ 30-32, 78-85, 115, 178-180, 198, 211
личность 30-32, 99-100, 188, 189
«Сократ наших дней» 33, 186
отношения с Расселом 44, 57-60, 256, 259, 265, 270, 288
отношения с Брейтуэйтом 67-69
презрение к философии ЛВ 170, 172, 238, 265, 270
КП и Фрейд 169, 238
КП и его еврейство 99-100, 110-112
отношение к ассимиляции 111
получение гражданства Великобритании 142, 143, 305
КП и Венский кружок 151, 168-177, 215, 246, 270
об отношении ЛВ к Вайсману 163
КП и Шлик 170-172
КП и критерий фальсифицируемости 169, 174, 242, 247, 249, 252, 293
нападки на коллег 178-189
почести 212-214
основополагающая позиция 219
критика ЛВ 236-238, 265
идея прогресса методом проб и ошибок 243-244
увядание славы 294
смерть (1994) 8
«Существуют ли философские проблемы?» (доклад) 7, 231, 237, 286

Logik der Forschung («Логика научного открытия») 58, 60, 113, 170-172, 174, 216, 248, 269, 293, 302, 303, 306
«Природа философских проблем и их научные корни» 236
«Объективное знание» 184, 306
«Открытое общество и его враги» 7, 58, 95, 114, 179, 217, 242, 263-265, 269, 290, 292, 305
«Постскриптум» к «Логике научного открытия» 59, 60, 306
«Нищета историцизма» 95, 304
Unended Quest («Неоконченный поиск») 8, 110, 168, 170, 174, 207, 235, 237, 238, 256, 277, 280, 281, 285, 286, 290, 306
Поппер, Симон (отец КП) 110, 297
постмодернисты 294
Прага 116, 165, 213, 303
предрасположенность 252, 307
принцип неопределенности Гейзенберга 251, 252
причинность 24, 33, 68, 69, 145, 246, 256
проблемы (*см. философия*)
Прокофьев, Сергей 87
протестантизм 102, 116
Пруст, Марсель 28
Пульцер, Питер 106

Равель, Морис 87
Райл, Гилберт 34, 153, 234, 264, 265, 303
Райнель 138
Рамсей, Фрэнк 52
Рассел, Бертран, III
и инцидент с кочергой 7, 8, 18, 24-26, 43, 47, 60, 90, 172, 215, 218, 274, 276, 277
почитатель Поппера 7, 244
чай с Поппером в Тринити-колледже 14, 288
внешность 18, 24, 43
ученичество ЛВ 39, 48
выступление в Клубе моральных наук 39
известность 43-47, 54
отношения с КП 43-44, 57-60, 256, 259, 265, 270, 288
отношения с ЛВ 43-44, 48-56, 238, 259
происхождение 44
в тюрьме 46
президент кампании за ядерное разоружение 46
личность 53, 54
слава клонится к закату 54, 55, 61

некролог по ЛВ 56
и логика 56, 57, 152, 223, 227
и причинность 68
о Броуде 74
и Венский кружок 152, 153
о ЛВ 209
предвидит, что ЛВ не понравятся «Апостолы» 210
теория дескрипций 227, 228
и Витгенштейн I 231
анализ понятий 239
«общественное животное» 244
и Кантор 255
о Локке 224, 257, 274, 284
«История западной философии» 54
«Человеческое познание: его сфера и границы» 55
«Исследование значения и истины» 45
«Введение в математическую философию» 54
«Мое философское развитие» 240
«Философия и политика» (лекция) 58
Principia Mathematica 154, 224, 297
«Принципы математики» 224
Рассел, Джон 54
Рассел, лорд Джон 44
Рассел, Патриция («Питер») 244
Рассел, Элис 54
Ребни, Анна 206
Редгрейв, Майкл 195
Редпат, Теодор 37, 100, 190
рейхсбанк 132-136, 138, 140, 141, 310
религиозный фундаментализм 242, 293
Рильке, Райнер Мария 200, 298
Рис, Мартин 291
Рис, Раш 289, 304
Ричардс, Бен 266, 267, 311
Рот, Йозеф 80
Ротмунд, Генрих 130
Ротшильд, Эмма 291
Ротшильды 86

Сайн-Витгенштейн, семья 115
свободная воля 145, 264
«семейное сходство», концепция ЛВ 231

семья Попперов 110
Сен, Амартия 291
Сент-Эндрю университет 73
сионизм 107, 109
Скиделски, Роберт 197
Скиннер, Фрэнсис 191, 210, 268
Смидис, Йорик 191
смысл высказываний 158-160совет обороны рейха 132
Совет поддержки ученых 67, 71, 111, 163, 214-216, 221, 281, 282, 304
Советский Союз
ядерное оружие 46
планы переустройства 120
сознание 74, 295
Сократ 33, 158, 186
солипсизм 72
Сорос, Джордж 212
Сраффа, Пьеро 136, 304
СС 122, 133, 135
Сталин, Иосиф 120, 136, 220
Стерн, Лоренс 200, 254
Стивен, Лесли 195
Стид, Уикем 104
Стонборо, Джером (муж сестры) ЛВ) 91, 126
Стонборо, Джон (племянник ЛВ) 91, 126, 131, 133, 155, 203, 309
Стонборо, Маргарет (уроджд. Витгенштейн, сестра ЛВ) 80-82, 84, 87, 89, 91, 131, 134-136, 141, 155, 201, 203, 301
Стонборо, Томас (племянник ЛВ) 126
Стрейчи, Литтон 210
Стэннард, Гарольд 264
Simon & Schuster, издательство 55
Spectator 32
Sunday Times 264

Тагор, Рабиндранат 157
Тай (из Клуба моральных наук) 39
Тарский, Альфред 152
теория дескрипций (Рассел) 227, 228
Толстой, Лев 91, 200, 298
Томас, Дилан 275
тоталитаризм 7, 182, 242
Траттенбах, Нижняя Австрия 52, 300
Тревор-Роупер, Хью 264 ,290

Тринити-колледж, Кембридж 13, 14, 17, 37, 47-49, 52, 55, 76, 90, 100, 137, 204, 209, 216, 227, 260, 268, 285, 298, 301, 302, 304, 310
Троллоп, Энтони 188
Троцкий, Лев (Бронштейн) 80
Трудинг, Лона 100
Тулмин, Стивен 15, 21, 34, 55, 61 ,78, 192, 218, 236, 291, 308-310
The Uses of Argument 15
Тур-Синай, Н. 108
Тьюринг, Алан 95
Тэтчер, Маргарет 181, 214
The Times 92, 104, 115, 186, 230, 244, 262, 264
Times Literary Supplement 9, 25, 264, 311
Tribune 290

Уайлз, Морис 71, 72, 75, 308
Уайтхед, Альфред Норт 224, 265
Уиздом, Артур Джон Терренс Диббен 35, 61, 66, 72, 73, 180, 249, 265, 270
«Иные умы»
Уилсон, Колин 29, 309
Уинч, Питер 118
Уолтер (Вальтер) Бруно 87, 88, 262
Уоткинс, Джон 9, 25, 31, 179, 184, 186, 218, 219, 309
Управление стратегических служб, США 82, 126
Уэбб, Беатрис 210
Уэвелл-корт, Кембридж 13 ,19, 20, 63, 66, 203, 302, 304

фальсифицируемость / опровержимость 169, 174, 184, 242, 247, 249, 252, 270, 277, 293
Фарадей, Майкл, *«Химическая история свечи»* 200
фашизм 95, 138, 141, 144, 220, 241, 242, 293
Фейгль, Герберт 151, 156, 157, 165, 169, 301, 302, 309
Фейерабенд, Пол (Пауль) 184, 293
Фенуик, Питер 282, 308
Фигдор, Фанни (бабушка ЛВ по отцу) 99
физика Эйнштейна 247
философия
проблемы 7, 8, 11, 33, 41, 51, 61, 64, 69, 161, 184, 185, 219, 220, 223-256,258, 260, 263, 271, 277, 285, 286, 289, 295
головоломки 8, 11, 41, 223-256, 258, 271, 277, 286, 287, 289, 295
раскол по поводу значимости языка 11

значение инцидента с кочергой 15
кембриджская 16, 61-66, 239
религии 17, 45
школа обыденного языка 33
в определении ЛВ 39
аналитическая 44, 169
оксфордская 66
науки 68, 176, 293
на подчиненном месте по отношению к науке 158
политики 269
Фихте, Иоганн Готлиб 153
Фишер, адмирал 271
Форейкр, Рой 210
Франк, Ганс 134
Франк, Филлип 151
Франц-Иосиф, император 79, 86, 97, 101, 105, 108, 109, 113, 299
Фреге, Готлоб 15, 47, 211, 297-299
Фрейд, Зигмунд 80-82, 98, 102, 169, 233, 238
«Будущее одной иллюзии» 81
фрейдистский психоанализ 81, 180, 241, 287, 289
Фрейн, Майкл 32
Financial Times 32

«холодная война» 241, 242
«Хрустальная ночь» 124, 125

Чандлер, Рэймонд 200
Черчилль, Уинстон 188
Чехословакия 136
чувственные данные 257, 303

Хайджаб, Васфи 16, 308
секретарь Клуба моральных наук 16, 18, 233
аспирант ЛВ 16, 17, 266
роль в инциденте с кочергой 18, 42, 271, 272, 284
Хайек, Фридрих фон 143, 207, 214, 217, 265, 305, 306
Хакоэн, Малахи 100, 109, 110, 143, 281, 308, 310
Хан, Ганс 151, 154
Хан, Ольга 151
Хессе 101, 115, 131
Хильберг, Рауль 142
Хоксмур, Николас 12

Холокост 101, 142, 224
Хофбург, Вена 78, 102, 121
Хохрайт 92, 133, 298, 303
Хэммет, Дэшил 200
Н3 комната, корпус Гиббса, Кингз-колледж, Кембридж 11-13, 24, 29, 42, 58, 60, 61, 66, 67, 70, 72, 74, 109, 151, 176-178, 192, 206, 209, 216, 223, 226, 228, 236, 237, 241, 246, 252, 255, 256, 259, 264, 265, 267-269, 288, 289, 291, 296, 305, 312

Цвиауэр, Бригитта 131, 135

Шах, Канти 14
Швейцария 130, 132, 134, 135, 141, 142
Шекспир, Уильям 279
Шенберг, Арнольд 79, 87, 100, 102, 300
Шене, адвокат 136
Шилпп 184, 279, 306
Шифф, семья 110, 297
Шлик, Мориц
основатель Венского кружка 150-152
первая встреча с ЛВ 84, 155
диалоги с ЛВ и Вайсманом 51, 92, 156, 157
происхождение 150
на собраниях Венского кружка 152, 153
и Поппер 171, 172
убит 145-147
подвергается посмертным нападкам 147, 148
Шмидт, Гельмут 213
Шницлер, Артур 99, 102
Шопенгауэр, Артур 199
Штальнер, Мария (бабушка ЛВ по матери) 116
Штерн, Фриц 143
Штраус, Рихард 87
Шуберт, Франц 201
Шуман, Клара 87

Эддингтон, Артур 241
Эйзенхауэр, Дуайт Д. 206
Эйнштейн, Альберт 29, 54, 76, 152-154, 170, 215, 251, 252, 300, 306
Эйхман, Адольф 135, 137
Экклз, Джон 183
Элиот, Томас С. 28, 118, 200

Эммет, Дороти 181, 182, 193, 308
эмпиризм 154
Эмпсон, Уильям 195
Энгельман, Пауль 91, 94, 117, 199, 200, 202, 301
«Энигма», код 95
Энском, Элизабет 17, 20, 266
эпистемология 9, 48, 61, 223, 224
эсперанто 162
эстетика 158, 210, 304
этика 74, 150, 158

Юинг, Альфред Сирил 35, 66, 71, 72, 137, 270
Юм, Дэвид 65, 69, 173, 224, 288, 294
University Studies 69

Язык
философская школа обыденного языка 33
и недопустимое логически 38
и грамматика 73, 231, 266
способы использования 83
изменение отношения к языку у ЛВ 95
общественной жизни 102
стиль нацистских лозунгов 119
и логика 155
искусственный 162
метафора языка как картины 230
метафора языка как орудия 230
обыденный 231-233
«значение есть употребление» 294

Содержание

1
Кочерга 7
2
«Вот из чего они, воспоминанья» 12
3
Чары Витгенштейна 27
4
Апостолы Витгенштейна 33
5
Третий 43
6
Преподаватели 61
7
В вихре венского вальса 78
8
Концерты в Пале 86
9
Родившийся евреем 97
10
Поппер читает Mein Kampf 110
11
«Немножечко еврей!» 115
12
Малыш Люки 122
13
Смерть в Вене 145
14
Поппер: перечеркнутый кружок 168
15
Паяльная лампа 178
16
Бедный маленький богач 190

17
Траектории успеха 209
18
Проблемы с головоломками 223
19
Ломая голову над проблемами 246
20
Владельцы трущоб и предмет отвращения 256
21
И снова кочерга 259
22
Распутывая путаницу 276
23
«И все получат призы!» 291
Хронология 297
Благодарности 308
Литература 313
Список иллюстраций 322
Указатель имен и терминов 323

Дэвид Эдмондс,
Джон Айдиноу

КОЧЕРГА ВИТГЕНШТЕЙНА

История десятиминутного спора
между двумя великими философами

Редактор
Е. Жукова
Дизайнер
П. Конколович
Корректоры
Э. Корчагина
Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»
Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (095) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
http://www.nlo.magazine.ru

Формат 60x90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 22. Тираж 2000. Заказ № 2365.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Эта книга – увлекательная смесь философии, истории, биографии и детективного расследования. Речь в ней идет о самых разных вещах – это и ассимиляция евреев в Вене эпохи *fin-de-siècle*, и аберрации памяти под воздействием стресса, и живописное изображение Кембриджа, и яркие портреты эксцентричных преподавателей философии, в том числе Бертрана Рассела, игравшего среди них роль третейского судьи. Но в центре книги – судьбы двух философов-титанов Людвига Витгенштейна и Карла Поппера, надменных, раздражительных и всегда готовых ринуться в бой.

Дэвид Эдмондс и Джон Айдиноу – известные журналисты *BBC*. Дэвид Эдмондс – режиссер-документалист, Джон Айдиноу - писатель, интервьюер и ведущий программ, тоже преимущественно документальных.

антропология социология **философия** политология

ISBN 5-86793-332-6